
R 31/1096
z. 1

Многоуважаемому Владимиру Өедоровичу Саводнику
отъ собирателя А. Маркова.

МАТЕРІАЛЫ,

собранные въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 года

А. В. МАРКОВЫМЪ, А. Л. МАСЛОВЫМЪ и Б. А. БОГОСЛОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Зимній берегъ Бѣлаго моря. Волость Зимняя Золотица.

I. Духовные стихи.
II. Былины и историческія пѣсни.
III. Причитанія.

(Оттиски изъ I т. „Трудовъ Комиссіи".)

МОСКВА
Типографія К. Л. Меньшова, Больш. Чернышовскій пер., д. Духовского.
1905

МАТЕРІАЛЫ,

собранные въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 года

А. В. МАРКОВЫМЪ, А. Л. МАСЛОВЫМЪ и Б. А. БОГОСЛОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Зимній берегъ Бѣлаго моря. Волость Зимняя Золотица.

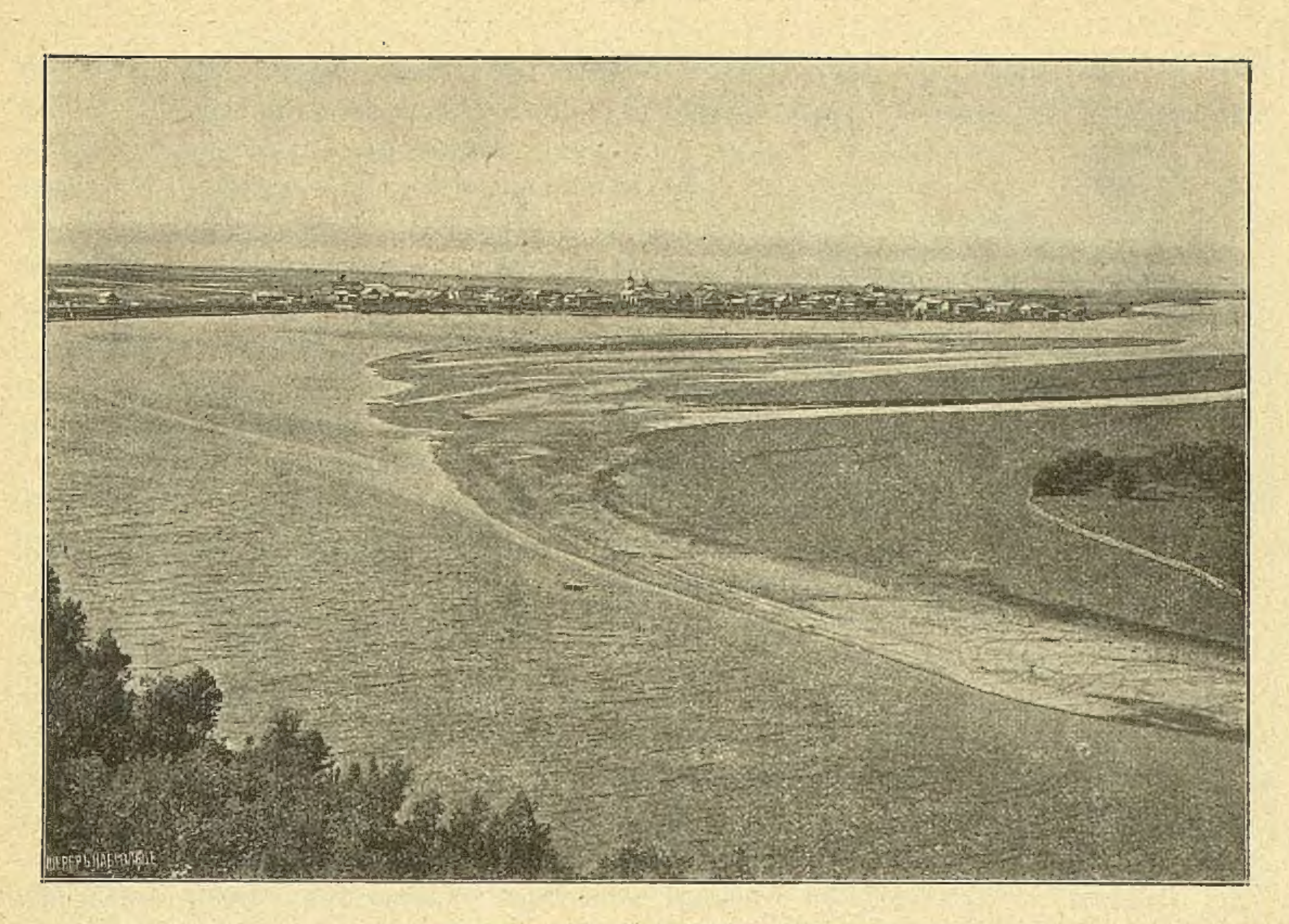
I. Духовные стихи.
II. Былины и историческія пѣсни.
III. Причитанія.

МОСКВА
Типографія К. Л. Меньшова, Больш. Чернышовскій пер., д. Духовского
1905

В переплет

Село Нижняя Зимняя Золотица.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣднюю четверть вѣка русская народная музыка является предметомъ серьезнаго изученія, которому положили начало Сѣровъ и князь Одоевскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилось сознательное отношеніе къ дѣлу записыванія образцовъ народнаго музыкальнаго творчества; появилось много собраній обрядовыхъ, бытовыхъ, семейныхъ и другихъ пѣсенъ, хотя всѣ эти записи носили болѣе или менѣе случайный характеръ, и систематическое изученіе народной пѣсни до сихъ поръ не начато. Менѣе всего собрано образцовъ былинныхъ напѣвовъ, несмотря на то, что это одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ народнаго музыкальнаго творчества; напѣвы въ сборникѣ Кирши Данилова, нѣсколько примѣровъ въ собраніи Гильфердинга, да нѣсколько записей послѣдняго времени, сдѣланныхъ Пѣсенной Коммиссіей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и членами Московскаго Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, — вотъ почти все, что имѣется въ распоряженіи ученыхъ по части былинныхъ напѣвовъ.

Установившееся предвзятое мнѣніе объ исчезновеніи былинныхъ сказателей заставляло ученыхъ невольно мириться съ такимъ положеніемъ дѣла.

Послѣдніе два-три года, однако, пролили новый свѣтъ на этотъ вопросъ, считавшійся рѣшеннымъ и забытымъ. Нѣсколько экспедицій, предпринятыхъ членами

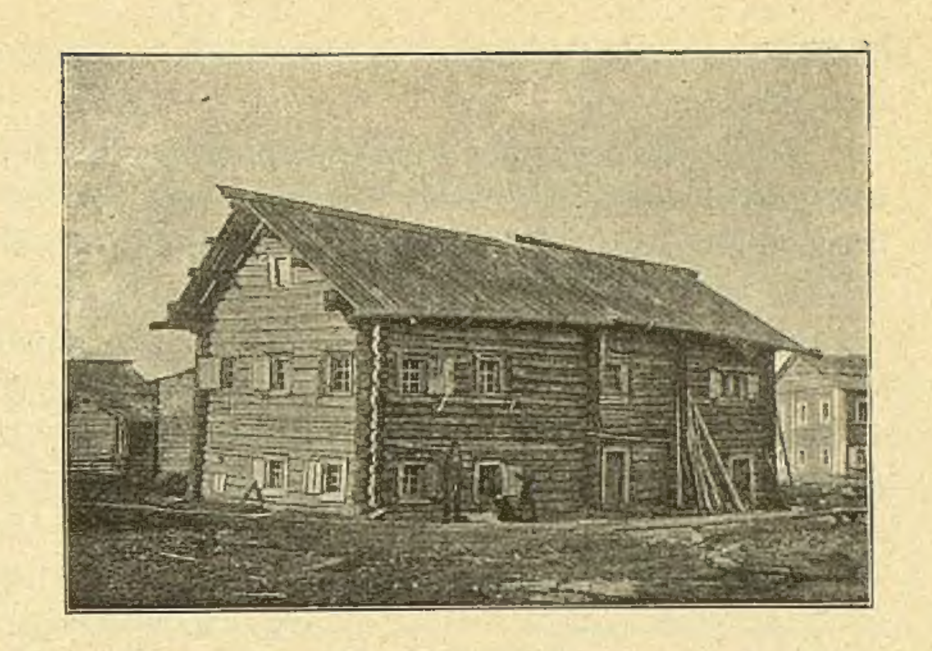
Московскаго Этнографическаго Отдѣла къ берегамъ Бѣлаго моря, обнаружили на этой отдаленной окраинѣ существованіе цѣлыхъ семействъ былинныхъ сказателей съ огромнымъ репертуаромъ былинъ и духовныхъ стиховъ. Такъ, еще въ 1899 и 1900 г. дѣйств. членъ Отдѣла А. В. Марковъ совершилъ двѣ поѣздки къ берегамъ Бѣлаго моря, гдѣ ему удалось собрать большой матеріалъ по былинному эпосу отъ неизвѣстныхъ доселѣ сказателей, не уступающихъ по своему репертуару лучшимъ пѣвцамъ прежняго времени. Записанныя г. Марковымъ былины составили объемистый сборникъ, изданный Этнографическимъ Отдѣломъ въ 1901 г. подъ заглавіемъ „Бѣломорскія былины". Не будучи музыкантомъ спеціалистомъ, А. В. Марковъ не могъ записать былинныхъ напѣвовъ, и къ его сборнику приложены только два напѣва, заученные имъ съ голоса пѣвцовъ. Для пополненія этого пробѣла, по предложенію А. В. Маркова, рѣшено было снарядить новую экспедицію въ тотъ-же край съ участіемъ музыканта и фотографа, при чемъ имѣлось въ виду обратить вниманіе и на другіе виды народной пѣсенной поэзіи.

Экспедиція была организована Этнографическимъ Отдѣломъ въ 1901 году при содѣйствіи Императорской Академіи Наукъ. Въ экспедиціи приняли участіе нижеподписавшіеся члены Этнографическаго Отдѣла и фотографъ-любитель Б. А. Богословскій. Цѣлью экспедиціи было преимущественно разысканіе остатковъ стариннаго былевого эпоса въ нѣкоторыхъ пунктахъ Архангельской губерніи, по полученнымъ заранѣе свѣдѣніямъ и указаніямъ, а также имѣлось въ виду попутно собрать и другіе пѣсенные матеріалы, напр., духовные стихи. Особенное вниманіе рѣшено было обратить на музыкальную сторону, записывая напѣвы при помощи графофона и по слуху, а также желательно было снять фотографіи пѣвцовъ и собрать біографическія свѣдѣнія о нихъ.

Достигнувъ Бѣлаго моря, мы, по заранѣе намѣченному маршруту, направились было въ Поморье, но вскорѣ должны были измѣнить свой планъ, такъ какъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ пассажировъ бѣломорскаго парохода, на которомъ мы ѣхали, въ нѣкоторыхъ намѣченныхъ нами мѣстахъ нельзя было ожидать благопріятныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, миновавъ Поморье, мы достигли села Кандалакши, къ востоку отъ которой тянется приморская область, называемая Терскимъ берегомъ. Уже здѣсь, въ Кандалакшѣ, а также въ близъ лежащей деревнѣ Федосеевой мы нашли поющихъ былины, или, какъ тамъ называютъ, «стихи». Подвигаясь отсюда къ востоку по Терскому берегу, мы достигли селъ Ку́зомени и Ва̀рзуги, гдѣ встрѣтили бо́льшее количество знающихъ былины и духовные стихи. Въ обоихъ этихъ селахъ даже и молодежь знаетъ былины; правда, что нѣкоторыя уже заимствованы изъ школьной книги, о чемъ легко было узнать изъ разспросовъ. Собравъ здѣсь значительное количество записей, мы отправились съ Терскаго берега въ село Золотицу, лежащую на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, противоположномъ Терскому. А. В. Маркову въ этомъ селѣ пришлось быть уже два раза; здѣсь онъ записалъ „Бѣломорскія былины", въ настоящее время уже изданныя отдѣльной книгой. На этотъ разъ предстояло прежде всего записать напѣвы къ собраннымъ раньше текстамъ, а затѣмъ произвести новыя записи былинъ и духовныхъ стиховъ. Музыкальныя записи выполнены А. Л. Масловымъ.

Село Золотица представляетъ собою уголокъ, удаленный отъ культурнаго центра и населенный довольно богатыми рыбопромышленниками, и заключаетъ въ себѣ богатый источникъ эпическаго народнаго творчества. Здѣсь живутъ такіе пѣвцы, какъ А. М. Крюкова, знающая болѣе 60 „старинъ" (болѣе 10,000 стиховъ), Г. Л. Крюковъ, Ѳ. Т. Пономаревъ, онъ же Почошкинъ, и другіе. Эти пѣвцы называются

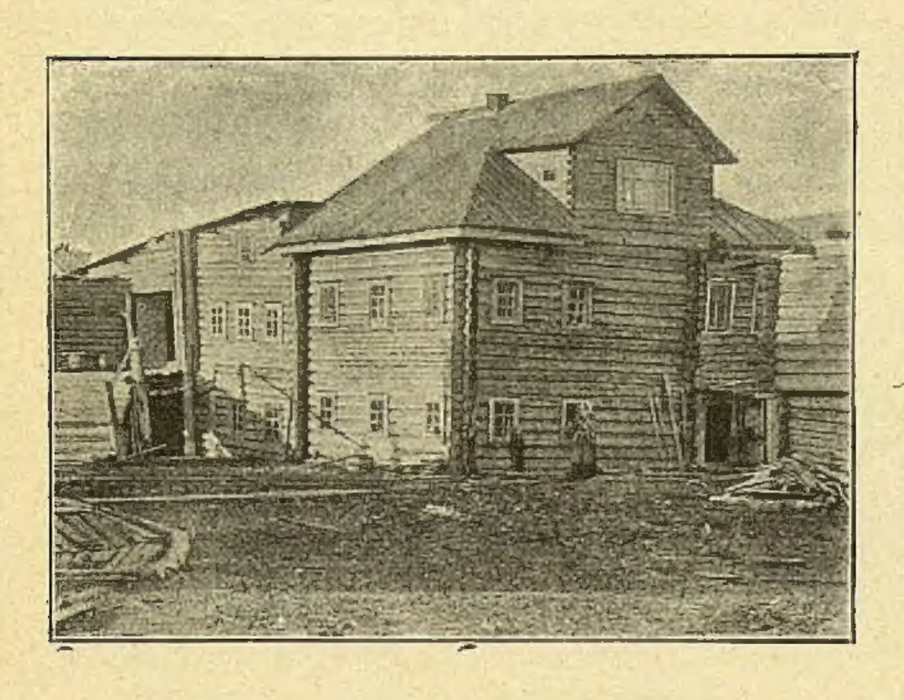
здѣсь *сказателями* и *сказательницами*, тогда какъ на Терскомъ берегу для поющихъ старины нѣтъ особаго прозвища; точно также на Терскомъ берегу нѣтъ и профессіональныхъ сказателей, какихъ мы знаемъ въ Олонецкой губерніи, напр., подобно Рябинину и др. Кромѣ того, на Терскомъ берегу мы совсѣмъ не встрѣтили мужчинъ, поющихъ былины, что въ связи съ другими фактами указываетъ уже не на свѣжесть былинной традиціи, а скорѣе на упадокъ ея на Терскомъ берегу.

Крестьянскій домъ въ Нижней Зимней Золотицѣ.

Во время нашего пребыванія на Зимнемъ и Терскомъ берегахъ намъ приходилось записывать не только былины и духовные стихи, но и другіе виды музыкальнаго творчества—различныя пѣсни и заплачки (причитанія),—всего болѣе ста нумеровъ По отдѣламъ наши записи распредѣляются такъ: былины и историческія пѣсни (записано 67 напѣвовъ), духовные стихи (22 напѣва), наконецъ, пѣсни и причитанія (всего 24). Первые два отдѣла у поморовъ считаются серьезными произведеніями и поются не только въ обыкновенное время, но и Великимъ постомъ, когда пѣніе другихъ пѣсенъ считается предосудительнымъ. На Терскомъ берегу собственно былины, историческія пѣсни и духовные стихи одинаково называются „стихами“ изрѣдка лишь различаются божественные стихи отъ „старинъ“. Въ музыкальномъ отношеніи и со стороны собственно мелодической характеристики ихъ можно раздѣлить на три вида: во 1-ыхъ, былины полуречитативнаго характера, напѣвъ которыхъ не простирается далѣе сексты; во 2-ыхъ, историческія пѣсни, которыя нѣсколько приближаются къ обыкновенной пѣснѣ и имѣютъ уже большій объемъ въ звукорядѣ напѣва, и, наконецъ, въ 3-ихъ, духовные стихи, съ явнымъ отпечаткомъ церковности, по звукоряду тоже незначительнаго объема.

Встрѣчаются историческія пѣсни, которыя поются на мотивы былинъ, и былины, поющіяся на мотивы духовныхъ стиховъ и обратно, въ зависимости отъ того, къ какому роду поющій причисляетъ данный текстъ — къ „старинѣ“ или къ „стиху“. Однако большинство историческихъ пѣсенъ по напѣву часто тождественны съ былинами, а потому все сказанное о былинахъ, за рѣдкимъ лишь исключеніемъ, можетъ относиться и къ историческимъ пѣснямъ.

Крестьянскій домъ въ Нижней Зимней Золотицѣ.

Былины Терскаго берега, какъ по содержанію, такъ и со стороны музыкальной, весьма отличаются

отъ былинъ Зимняго берега. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе ихъ ритмическое строеніе.

Въ этомъ отношеніи записанныя нами былины дѣлятся на два вида: съ ритмомъ (въ элементарномъ смыслѣ этого слова) двухдольнымъ и трехдольнымъ. Первый на Терскомъ берегу встрѣчается, какъ исключеніе (у сказательницъ У. Вопіящиной, М. Ф. Кожиной, И. Ф. Кореховой), а трехдольный является господствующимъ; на Зимнемъ берегу двухдольный ритмъ встрѣчается чаще. Въ мотивахъ на всемъ Терскомъ берегу легко усмотрѣть одну общую основу и близкое родство, на Зимнемъ—мы встрѣчаемъ разнородные напѣвы, и это разнообразіе объясняется, вѣроятно, частыми сношеніями золотицкихъ крестьянъ съ жителями сѣверо-восточной части Архангельской губерніи.

Обращаясь къ отдѣльнымъ пѣвцамъ, мы должны замѣтить, что каждый сказатель поетъ большую часть своихъ былинъ на одинъ излюбленный напѣвъ, лишь нѣкоторыя старины изъ его репертуара поются имъ на другіе „голоса". За выдающагося исполнителя былинъ въ Зимней Золотицѣ, нужно признать Ѳ. Т. Пономарева-Почошкина. Музыкальный репертуаръ его, правда, исчерпывается тремя, четырьмя напѣвами, но это настоящій художникъ, мастеръ своего дѣла. Напѣвъ у него въ противоположность другимъ сказателямъ, выработался въ нѣкоторую опредѣленную форму, и онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сказателей, которые точно соблюдаютъ размѣръ стиха, лишь изрѣдка допуская расширенія или сокращенія, что очень часто случается у другихъ, напр. у Г. Л. Крюкова. Индивидуальную особенность въ музыкальномъ отношеніи представляетъ молодая сказательница М. С. Крюкова; старины, которыя пришлось у нея слышать, она поетъ на особые напѣвы, изъ которыхъ одни, какъ она утверждаетъ, переняты ею у дѣда, другіе у мезенскихъ каликъ. Но напѣвы ея, какъ и самый текстъ, страдаютъ какой-то неустойчивостью и отсутствіемъ опредѣленнаго размѣра. Подчасъ казалось, что въ данный моментъ она сочиняетъ старину и укладываетъ ее въ первый попавшійся напѣвъ, быть можетъ, ею сочиненный или заимствованный изъ другой былины.

Достоинъ замѣчанія тотъ фактъ, что сказатели часто мѣняютъ напѣвы былинъ и, при повтореніи въ другой разъ, нерѣдко поютъ ихъ совершенно на другой голосъ, не говоря уже о перемѣнѣ тональности, въ зависимости, напримѣръ, отъ усталости пѣвца.

Изъ всѣхъ напѣвовъ обращаетъ на себя вниманіе своеобразный стиль „Кострюка" въ исполненіи Г. Л. Крюкова. Только прослушавъ подлинное исполненіе, можно имѣть понятіе о такомъ пѣніи: это не мелодическое пѣніе и не речитативъ, а пожалуй, если можно такъ выразиться, скороговорка въ предѣлахъ музыкальности, напоминающая скоморошью манеру, очень распространенную еще въ селеніяхъ бассейна рѣки Пинеги; отсюда-то черезъ мезенцевъ, вѣроятно, этотъ стиль попалъ и на Зимній берегъ.

Не меньшій интересъ представляютъ напѣвы духовныхъ стиховъ. Въ мелодическомъ отношеніи они раздѣляются на три вида: во-первыхъ, напѣвы, заимствованные изъ обиходной церковной музыки, или, по крайней мѣрѣ, носящіе сильный отпечатокъ таковой, какъ напр., „Преподобный Макарій", записанный на Терскомъ берегу; во-вторыхъ, на голосъ былинъ (напр., „Царь Агапій", „Непростительный грѣхъ", „Василій Кесарійскій"), и въ-третьихъ, собственные напѣвы духовныхъ стиховъ чисто-народнаго склада, съ выработавшимися для подобныхъ стиховъ характерными заключеніями (кадансами).

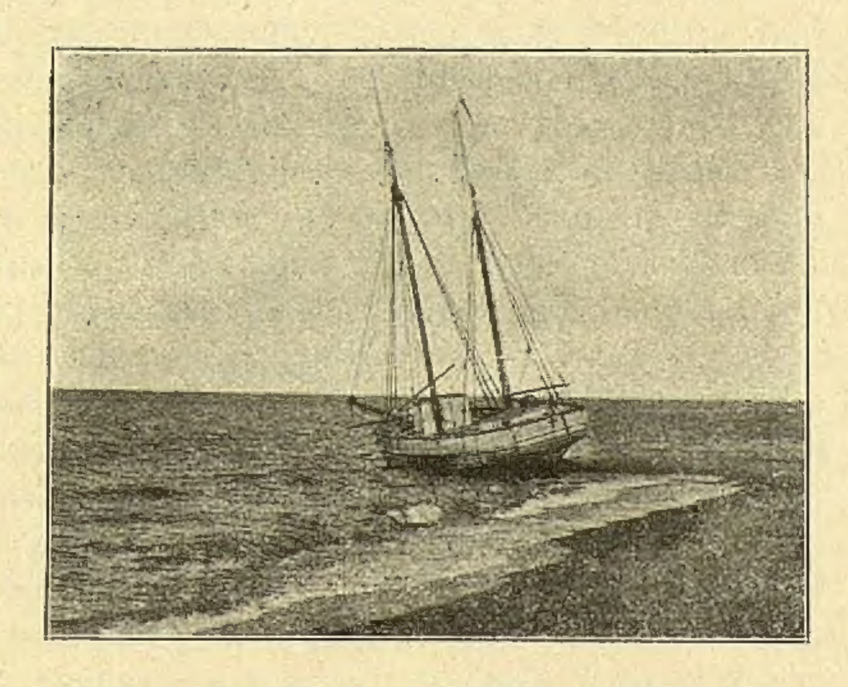
Исполняются духовные стихи, какъ и былины, solo, лишь изрѣдка пѣвцы соединяются въ группы.

Пріемы вокализаціи при исполненіи былинъ и стиховъ на Терскомъ и Зимнемъ берегахъ одинаковы; такъ, при встрѣчѣ двухъ различной высоты нотъ подъ однимъ слогомъ съ двумя согласными въ немъ дѣлается растяженіе, свойственное вообще русской народной пѣснѣ: напр., вмѣсто „двѣнадцать лѣтъ“ поется „дивѣнадыцать лѣтъ“ и т. п.

Совершенно иной родъ музыкальнаго творчества представляетъ свѣтская пѣсня, и главную роль здѣсь играетъ пѣсня обрядовая, традиціонно соблюдаемая съ религіознымъ благоговѣніемъ, и вслѣдствіе этого сохраняющая свой архаическій складъ. Пѣсни эти, какъ остатокъ глубокой старины, въ музыкальномъ отношеніи представляютъ также интересный матеріалъ для уясненія основъ древне-русской народной музыки. Къ такимъ относятся записанныя нами на Терскомъ берегу пѣсни: свадебныя, весеннія, круговыя, причитанія свадебныя и похоронныя.

Народное творчество, проявляющееся безсознательно, вѣками не измѣняетъ своего характера, пока направленіе его не подвергнется какому-нибудь внѣшнему давленію. Бросивъ бѣглый взглядъ на экономическій бытъ помора въ связи съ состояніемъ эпическаго творчества, мы замѣтимъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ обостренной борьбы за существованіе, гдѣ наряду съ зажиточностью крестьянъ имѣется и досужее время, условія благопріятствуютъ процвѣтанію народнаго эпоса; наоборотъ, когда помору нечѣмъ поживиться въ родномъ селѣ, и онъ принужденъ идти для заработковъ на Мурманскій берегъ, у него не остается досужаго времени, и ему уже не запомнить длинной былины, а если случится что позаимствовать, такъ это развѣ какую-нибудь коротенькую пѣсню, преимущественно новаго склада. Нарождающаяся культура Мурмана даетъ себя чувствовать почти на всемъ протяженіи Терскаго берега. Здѣсь почти повсюду уже можно встрѣтить гармонику и пѣсни въ родѣ „Разлука“, „Въ темницѣ несносной“ и т. п. Расширившаяся за послѣднее десятилѣтіе дѣятельность лѣсопильныхъ заводовъ на Бѣломорскомъ побережьѣ, а также паденіе въ послѣдніе годы рыбныхъ промысловъ у береговъ Кандалакши и т. п. обстоятельства — создали неблагопріятныя условія для сохраненія эпическаго достоянія народа. Можно почти навѣрно сказать, что былинная традиція Терскаго берега переживаетъ кризисъ.

Исключительное положеніе пока занимаетъ Зимній берегъ, не подверженный еще указаннымъ выше вреднымъ условіямъ; его не коснулась Мурманская культура, а благодаря обилію рыбнаго, а также звѣробойнаго промысловъ, крестьянину нѣтъ нужды въ стороннихъ заработкахъ, соединенныхъ съ тяжкимъ трудомъ и продолжительной отлучкой изъ родного села, не оставляющими времени для спокойнаго удовлетворенія нравственныхъ и художественныхъ запросовъ.

Яхта крестьянской работы.

Мало-по-малу мы, такимъ образомъ, придемъ къ тому заключенію,

что главное условіе сохраненія народнаго эпоса—это наличность благопріятныхъ экономическихъ условій. Поразителенъ контрастъ въ этомъ отношеніи Зимняго берега съ Терскимъ, на которомъ мы уже не встрѣчаемъ такихъ маститыхъ сказателей, какъ въ Золотицѣ. Тѣмъ не менѣе, что касается собственно музыкальнаго матеріала, собраннаго на обоихъ берегахъ то, независимо отъ высказанныхъ соображеній, онъ одинаково сохранилъ для насъ интересъ.

Особенную услугу въ дѣлѣ записыванія напѣвовъ оказалъ графофонъ. Изъ 113 записанныхъ напѣвовъ 55 приходятся на долю графофона. При пользованіи имъ встрѣчались, конечно, препятствія; напр., легко было уговорить сказательницу пѣть въ рупоръ, но заставить пѣть громко было почти невозможно; большинство пѣло очень тихо, такъ что графофонъ, передавая точно абсолютную высоту, очень слабо воспроизводилъ силу звука. Несомнѣнная заслуга этого инструмента заключается въ точности воспроизведенія напѣва въ его природномъ строѣ.

Въ настоящемъ I-мъ выпускѣ „Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи“ печатается только часть матеріала, собраннаго въ экспедицію 1901 года, а именно то, что записано на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ двухъ селахъ, въ Нижней и Верхней Зимней Золотицѣ, остальныя же записи войдутъ во II-й выпускъ „Трудовъ“. Здѣсь печатаются, во-первыхъ, вновь собранные въ эту поѣздку тексты духовныхъ стиховъ, былинъ и причитаній вмѣстѣ съ относящимися къ нимъ напѣвами, во-вторыхъ, нѣкоторыя мелодіи къ тѣмъ былиннымъ текстамъ, которые были уже ранѣе изданы Этнографическимъ Отдѣломъ въ вышеназванномъ сборникѣ: „Бѣломорскіе былины, записанныя А. Марковымъ“ (Москва, 1901 г.). Для читателей, не имѣющихъ подъ руками этого изданія, здѣсь, вслѣдъ за вновь записанными текстами, перепечатываются изъ названнаго изданія начальные стихи тѣхъ былинъ, къ которымъ теперь записаны мелодіи. При этой перепечаткѣ, особенности мѣстнаго говора не сохранены, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда того требуетъ напѣвъ. Изъ вновь печатаемыхъ текстовъ №№ 16—20 записаны Б. А. Богословскимъ, а всѣ остальные—А. В. Марковымъ. При воспроизведеніи мѣстнаго говора въ этихъ записяхъ приняты тѣ же обозначенія, что и въ „Бѣломорскихъ былинахъ“, а именно: мягкое „ц“ обозначается посредствомъ „ц́“, но въ сочетаніяхъ съ гласными—„ця“, „ци“, „цё“—безъ этого знака; въ сочетаніи „це“ согласная звучитъ твердо; мягкое „о“ обозначается всегда посредствомъ „ё“; „е“ подъ удареніемъ, вмѣсто обычнаго въ литерат. рѣчи „ё,“ обозначается посредствомъ „е́“; написаніе „ц(ч)“ обозначаетъ звукъ средній между мягкимъ „ц“ и мягкимъ „ч“.

Къ музыкально-этнографическимъ матеріаламъ прилагаются снимки, сдѣланные Б. А. Богословскимъ въ Зимней Золотицѣ и ея окрестностяхъ, а именно: видъ с. Нижней Золотицы, типы построекъ и судовъ мѣстной работы, нарядъ невѣсты, а также фотографіи выдающихся пѣвцовъ и пѣвицъ.

Подробныя біографическія данныя о золотицкихъ сказателяхъ и сказательницахъ читатель найдетъ въ „Бѣломорскихъ былинахъ“ А. В. Маркова. Здѣсь же сообщаемъ краткія свѣдѣнія о трехъ главнѣйшихъ исполнителяхъ былинъ.

1. **Аграфена Матвѣевна Крюкова**—родилась въ 1854 г. въ с. Чаваньгѣ, на Терскомъ берегу; 18-ти лѣтъ была взята замужъ въ Нижнюю Золотицу. Старины свои, которыхъ у нея записано всего 62, она переняла у матери, дяди, сосѣдей и подругъ

на Терскомъ берегу, а также у своего свекра, покойнаго Василія Леонтьевича, который славился, какъ хорошій сказатель. Къ содержанію старинъ она относится съ большимъ довѣріемъ, и только нѣкоторыя невѣроятныя частности позволяетъ себѣ называть „вракой". Обѣ взрослыя дочери, Мареа и Павла, переняли у нея старины. А. М. отличается особенною религіозностью, которая перешла къ ней отъ матери и еще болѣе развилась подъ вліяніемъ тяжелой жизни въ новой, чужой ей, семьѣ. Кромѣ старинъ, она знаетъ довольно много духовныхъ стиховъ и пѣсенъ. Старины она поетъ довольно слабымъ, но пріятнымъ голосомъ, не детонируетъ и хорошо выдерживаетъ размѣръ стиха. Въ „Бѣломорскихъ былинахъ" ей принадлежатъ №№ 1—60.

Аграфена Крюкова.

Гаврило Крюковъ.

2. **Гаврило Леонтьевичъ Крюковъ**—братъ покойнаго свекра А. М. Крюковой. Родился въ 1822 г. въ Нижней Золотицѣ. Старины онъ сталъ заучивать еще мальчикомъ, когда ему приходилось сиживать со стариками на тоняхъ. Лѣтъ 17-ти онъ нанимался работникомъ къ одному крестьянину села Койды (на Мезенскомъ берегу), и тамъ слышалъ много старинъ. Большую же часть своего репертуара онъ перенялъ, когда промышлялъ морскихъ звѣрей вмѣстѣ съ золотицкими крестьянами. Нѣсколько былинъ Крюковъ заучилъ у крестьянъ, приходившихъ въ Золотицу покрученниками съ верхней Мезени. Жена Г. Л. умерла, когда еще его единственному сыну было 4 года, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ вдовцомъ. Крюковъ до сихъ поръ еще работаетъ и имѣетъ видъ сравнительно бодраго старика. Жизнь ведетъ онъ очень строгую: не пьетъ вина и чая, и не куритъ. Поетъ онъ старческимъ голосомъ, но напѣвы у него ясны и отчетливы. Какъ замѣчательный сказатель, онъ славится въ обоихъ селахъ Зимней Золотицы. Въ „Бѣломорскихъ былинахъ" ему принадлежатъ №№ 66—86.

Өедоръ Пономаревъ.

3. **Өедоръ Тимоѳеевичъ Пономаревъ** (прозв. Почошкинъ) — неграмотный старикъ, содержатель земской станціи. Родился онъ въ 1829 г. въ Верхней Золотицѣ. Занимается ловлей семги въ Бѣломъ морѣ въ 30 верстахъ отъ устья р. Золотицы, гдѣ у него построена рыболовная изба. Семья его состоитъ изъ четырехъ замужнихъ дочерей и двухъ женатыхъ сыновей. По характеру онъ — веселый, добродушный старикъ; любитъ балагурить и шутить съ дѣвушками. Но эта шутливость соединяется въ немъ съ вѣрностью завѣтамъ старины и добропорядочностью: онъ не куритъ и не пьетъ; къ слухамъ о тѣхъ или другихъ прославившихся дѣятеляхъ въ церковной области (напр., объ Іоаннѣ Кронштадтскомъ) относится въ высшей степени скептически, въ виду того, что они, какъ люди подчиненные, не могутъ быть носителями правой вѣры. Старины онъ поетъ сильнымъ, пріятнымъ голосомъ и какъ виртуозъ — свободно, легко, не подыскивая выраженій; благодаря этому онъ славится какъ очень хорошій сказатель. Въ „Бѣломорскихъ былинахъ“ ему принадлежатъ №№ 91—96.

А. Марковъ и А. Масловъ.

I.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Ѳ. Т. Пономаревъ: №№ 1 и 2.

А. М. Крюкова: № 3.

М. С. Крюкова: №№ 4 и 5.

Марѳа (съ граблями) и Павла Крюковы, дочери А. М. Крюковой.

№ 1.

Василій Кесарійскій.

Слава есь Василью Великому, Кисаринскому чудотворцу!
И стоялъ Василей двадцеть пять лѣтъ во Божьею церквы,
Во папѐрьти у притвора на молитвы;
Молилсэ Василей Восподу Боһу отъ жаланья
Со тѐплыма серьдецами,

Со горючима со сьлезами.
Сьвѣтъ пресьветая Боћородица
Сь небеси гласомъ прогласила
И сама глаголала:
„Ты, сьвѣтъ Василей,
Великія Кисаринскія чудотворецъ!
Хоша молисьсе Восподу Боћу отъ жаланья,
Со тёплыма серьдецами,
Со горючима со сьлезами,
Восподь Бохъ твоёго моленія не примаётъ:
Пахнутъ отъ тебя злыя коренья—духи“.
Сьвѣтъ Василей и самъ глаголатъ:
— Ты, сьвѣтъ присьвятая Боћородица!
Я двадцеть петь лѣтъ хмельнёго въ уста не вкушаю.—
Свѣтъ Василей на земьлю падáетъ
И свою ћлаву до кровѝ розьбиваетъ.
Свѣтъ пресвятая Боћородиця
Со престолу соходила,
И пречистыя ручи
Отъ себя отлагала,
Василью Великому подъ ћлаву подлагала,
И Василья Великоћо на нози зьнимáла,
И сама глаголатъ:
„Ты сьвѣтъ Василей,
Великія Кисаринскія чудотворець!
Нѣту твоей молитвы ко ћосподу болѣ
И нѣтъ твоей столпы ко ћосподу свыше!“
Гóрё тому чоловѣку,
Ихто же въ пьяньсьви пóмре!
Исъ того исъ косьтія чоловѣчья
Тогда двадцеть пять лѣтъ
Хмѣльнія вонъ не[1]) выходятъ.
Не велёно съ пьяницёй на дороги стрѣчатьсе;
Есьли стрѣтишь пьяницю на дороги
И станешь пьяницю на добро учити
И станешь пьяницю на умъ наставляти,
И тутъ жо пьяницю роздразнишь,
И пьяниця тибя палкой побъётъ, либо ножомъ зарѣжотъ,
И та душа замѣнитъ ёво и пойдётъ.
О горё тому чоловѣку,
Ихто же на пьяницю стоитъ смѣетцé!
И тотъ жо на свою душу грѣхъ перепимаётъ.
Не велёно пьяницю во Божью церькву впушшати:
И пьяниця стоитъ на боћомольи, Боћомъ страждитъ.
Не велёно сьвешеннымъ архиреямъ и ереямъ,
И попомъ и протопопомъ

---

[1]) Вмѣсто «вони», т. е. запахи, духи. *Собир.*

Хмельнӧго въ уста вкушати;
Только вéлёно съвешеннымъ архиреямъ и ереямъ
И попомъ и протопопомъ
И Божья линтарлея [1]) составляти.
О горё тому чоловѣку,
Ихто жа скверномовитъ и поматерну бранитцс!
Тутъ же Мать[2]) сквернятъ и понóсятъ,
Кой сотворилъ небо и землю,
И кой сотворилъ родъ человѣческій,
И кой сотворилъ тварь плодовитую.
Ежели мужськой полъ поматерну избранитце,
Трижда нёбо и земля потресётце;
Ежели женьской полъ поматерну избранитце,
И трижда нёбо и земля потресётце,
И трижда кровею ею вуста запекутце.
Есь у Ѓоспода Боѓа
Есь устроёно три покоя:
Рай пресвѣтлой, царство небесно
И для-ради душъ правядныхъ;
Есь и адъ кромѣчной,
Мука превѣчная,
Огни горяшши, смола кипяшша, зьмѣи ядовитыя,
И душъ много грѣшныхъ [3]).

№. 2.

Встрѣча инока со Христомъ.

Иде инокъ по дороги,
Да какъ черныя-ризы по широки.
Ишше самъ-то онъ сьлезно-то плаче,
Ишше самъ онъ тяжоло возрыдае.
Ишше сӡрѣтилсэ Царь ему да Небесный:
„Ты объ чомъ, объ чомъ, инокъ, плачешь,
Ты объ чомъ, молодыя, ты возрыдаешь?“
—Ишше какъ мьнѣ-ка, Восподи, да не плакать,
Ишше какъ вѣдь мьнѣ-ка не рыдати?
Утерялъ-то я клю' церковный,
Уронилъ-то я въ синее море.—

---

[1]) Литоргія—литургію. *Собир.*
[2]) Т. е. Мать Того, Который.... *Собир.*
[3]) Т. е. ради душъ многогрѣшныхъ. *Собир.*

„Ты не плачь-ко-се, не плачь-ко-се ты, инокъ,
Ты не плачь, не рыдай ты, да молодыя!
Ты поди-тко-се къ синёму морю:
Да потянутъ тогды буйныя вѣтры,
Сколыбаитце вѣдь синёё морё,
Да росходятце вѣдь большія волны,—
Ише выплёшшотъ тебѣ ключь церковной.—
Да пошолъ тогды къ синёму морю;
Потянули тогды буйныя вѣтры,
Сколыбалось тогды синёё морё,
Росходились тогды большія волны,
Да какъ выплёскало ключь ёму церковной.
Да идё тогды вѣдь инокъ по дороги,
Да идé черноризець по широкой;
Онъ самъ идé вѣдь сьлезно-то плаче,
Ише самъ онъ тяжоло возрыдае.
Ише стрѣтилсэ Царь ёму Небесный:
„Ты объ чомъ, объ чомъ, инокъ, плачешь,
Ты объ чомъ, объ чомъ, молодыя, возрыдаёшь?“
—Ише какъ мнѣ-ка, Восподи, не плакать,
Ише какъ вѣдь мнѣ-ка не рыдати?
Утерялъ-то я книгу-ту златую.—
„Ты не плачь-ко-се, не плачь ты вѣдь, инокъ
Не рыдай, не рыдай ты, молодыя!
Напишу я тебѣ книгу-ту златую
Своимá-ти тебѣ златыма руками“.
Да идé тогды инокъ по дороги,
Да идётъ молодыя по широкой,
Онъ самъ тогды сьлезно-то плаче,
Ише самъ тяжело онъ возрыдаё,
Ише къ матери гъ земьли припадаё,
Отца съ матерью споминаё:
„Вы пошто миня на горё засѣели,
На злоцесьё миня фьсё спородили!“
Ише стрѣтилсэ Царь ёму Небесный:
„Ты объ чомъ, объ чомъ инокъ, ты плачѐшь
Ты объ чомъ, молодыя, возрыдаёшь,
Къ матери гъ земьли припадаёшь,
Отця съ матерью споминаёшь?“
— Ише какъ мнѣ-ка, Ѣосподи, не плакать,
Ише какъ вѣдь мнѣ-ка не рыдати,
Ише къ матери гъ земьли не припадати,
Отца съ матерью не споминати?
Ише сталъ я топериче въ младыхъ лѣтахъ
Одолѣютъ на миня худыя мысьли,
Нападаютъ на миня всё вѣ' дьяволе.—
„Ты не плачь-ко-се, не плачь ты вѣдь, инокъ,
Не рыдай, не рыдай ты, да молодыя!

Ты поди-тко-се же, въ лѣсъ уйди подальше,
Ты сострой собѣ келею подъ елью;
Ишше станутъ къ тобѣ ангели летати,
Ишше станутъ тебя пропитати;
Залетаютъ къ тобѣ птици-ти райски,
Запоютъ-то тобѣ пѣсьни-ти царьски,—
Отвалятце отъ тибя худыя мысли,
„Отойдутъ отъ тебя вси вѣдь дьяволе".
Да пошолъ тогды инокъ, въ лѣсъ ушелъ подальше,
Онъ состроилъ собѣ келею-ту подъ елью;
Залетали къ ёму тогды аньгели,
Ишше стали ёго пропитати;
Залетали къ ёму пьтици-ти райськи,
Какъ запѣли ёму пѣсьни-ти царски,—
Отошли оть ёго худыя мысьли,
Отошли оть ёго тогды дьяволе.

№. 3.

Алексѣй, Человѣкъ Божій.

Ишше былъ Ефимьянъ да князь богатой.
Онъ охвоцёй былъ Богу молитьце,
Онъ на кажну среду, пятьницю поститце,
Онъ на кажну суботу прицящалсэ:
Да молилъ Ефимьянъ-отъ себѣ отродьё,
Онъ не женьського полу молилъ, муського.
Богородиця гласомъ прогласила:
„Тебѣ полно, Ефимьянъ, да Богу молитьце,
Да пора тебѣ домой надоть возратитьце:
Да кнегина тебѣ цяда вѣдь спородила,
Она не женьцького полу, муськаго.
Вы зовите поповъ да арьхиреёвъ,
Нарекайте вы имя-та Олёксѣёмъ,
Олёксѣёмъ вы, Божьимъ Цёловѣкомъ".
Ишше пришолъ Ефимьянъ къ себѣ во полату,—
Ёму кнегина-та цяда спородила
Шьчо не женьцького полку—муськаго.
Они звали поповъ, собирали арьхиреёвъ,
Нарекали ему имя Олёксѣёмъ,
Олёксѣемъ-то Божьимъ Человѣкомъ.
У ихъ сталъ Олёксѣй у ихъ лѣтъ пети-то,
Шьчо задумалъ ёго батюшко въ грамотѣ учити,
Да ёго сьвѣта мать-та туда же,

Шьчо ему сьвѣту грамота даласе.
Рукописаньё скорѣ того открылось.
Ишше сталъ Олёксѣй годовъ шоснадцеть,
Ишше сталъ Олёксѣй-отъ ужъ возростати,
Возростати Олёксѣй сталъ, подыматьце
Онъ до тѣхъ до своихъ двадцети годовъ.
Шьчо задумалъ ёво батюшко женити,
Да его сьвѣта мать-та тоже женити.
Шьчо ему сьвѣту женитьце вѣдь не хотѣлось,
Отця-матерь прогнѣвить-то не захотѣлось.
Шьчо искали Олёксѣю невѣсту
По тому-ли по Римскому царсву,
Отыскали Олёксѣю они невѣсту
Не простого-то роду, княженевського,
Шьчо обручную кнежну Екатерину.
Олёксѣю женитьце вѣдь не хотѣлось,
Ёму хотѣлось тутъ Богу помолитьце,
Да шьчо за батюшковы, на матушкины грѣхи потрудитьце.
Повели Олексѣя со кнежною
Его во Божью-ту церьковь вѣньчати,
Золоты бы имъ вѣньци да обдёржати,
Шьчобы законъ имъ Господьней примати.
Да приходятъ Олёксѣй да со княгиной,
Шьчо съ обручной съ кнежиной съ Катериной;
Золоты они вѣньци-ти да одержали,
Шьчо законъ они Божей принимали,
Золотыма персьнями да помѣнялись.
А сидитъ Олёксѣй, сидитъ за столами;
Ишше ходитъ Ефимьянъ-отъ вѣдь князь богатой,
Говоритъ Ефимьянъ-отъ Олёксѣю,
Олёксѣю онъ, Божью Человѣку:
„Ужъ ты шьчо же, Олексѣй Цёловѣкъ Божей,
Ишше шьчо же сидишь да ты невёсёлъ,
Буйну ты голову повѣсилъ?
Али мѣстомъ тебя ли обсадили,
Али цярой тебя ли обносили,
Али невѣжа надъ тобой разьвѣ насьмѣялсэ,
Шьчо кнегина тебѣ разьвѣ не по обыцью,
Молода-та жена не по разуму?“
Говоритъ Олёксѣй, Цёловѣкъ Божей:
— Не мѣстомъ меня вѣдь не обсадили,
Шьчо не цяроцькой меня-то не обносили,
Да невѣжа надо мной какъ не надьсмѣялсэ;
Не хотѣлось мнѣ было женитьце,
Мнѣ хотѣлось-то Богу помолитьце,
Мнѣ за батюшковъ, мнѣ за матушкинъ грѣхъ мнѣ-ка потрудитьце.—
Повели Алексѣя-та со кнегиной
Ихъ во тёплу-ту спальню спать лёжити,

На хорошу на кисовую на кровати,
Шьчо на мякку на пуховую на перину,
Шьчо на мякки на пуховыя на подушки,
Подъ хорошо соболинно ихъ одѣяло,—
Богородица гласомъ прогласила,
’на пречистыма устами проговорила:
„Тебѣ полно, Олексѣй, спать со кнегиной!
Ты поди же, Олёксѣй, во Божью церковь,
Ты молись, Олёксѣй, Богу со сьлёзами“.
Да пошолъ Олексѣй-отъ со кровати,
Отьвязалъ отъ сибя-то онъ шолковъ поясъ,
Онъ снималъ со правой руки золотой же перьсьтень,
Подаваетъ свои онъ вешшы княгины,
Молодой своей жены-то Катерины:
„Ужъ ты гой еси, моя ты жена, кнегина!
Ты возьми мои вешшы-ти дорогія,
Ты возьми-ко, храни ты да мои вешшы.
Да тебя-то Господь Бохъ не оставитъ!“
Да брала у его она шолковъ поясъ,
Да брала у его она злачёнъ персьтень.
Самъ пошолъ Олёксѣй да въ кладовую,
Онъ вѣдь бралъ-то тутъ золота, скольки надоть,
Надѣвалъ онъ одежду всё дравацѣнну,
Самъ пошолъ Олексѣй по Рымску-ту царсву.
Ёму стрѣтилсэ нишшэя братья.
Говоритъ Олексѣй да нишшей братьи:
„Скинывай ты нишшею одежду,
Надѣвай мою дравацѣнную, богату“.
Тутъ обрадовалсэ нишшой-отъ бѣдной,
Надѣвалъ дравацѣнную одежду,
Отдавалъ-то онъ нишшу свою одежду.
Тутъ молилсэ Олёксѣй Богу со слезами:
„Ай, Мати моя пресьвятая,
Ай Дѣва прециста ты, Мать Марія!
Да шьчобы меня отець-отъ, мать не признали“.
Богородица гласомъ прогласила,
Да пречистыма устами проговорила:
— Тебѣ полно, Олексѣй, вѣдь Богу молитьце!
Ты поди, Олексѣй, да во карабликъ,
Да стоитъ-то караблицёкъ наряжоной,
Налажоной караблицёкъ роскрашоной,
Роскрашоной караблицёкъ, осношоной:
Шьчо весёлышка были золотыя,
Да уклюцинки были шолковыя.—
Да пошолъ Олексѣй-отъ въ караблик.
Какъ холопы-ти ихны-ти ёго ишшутъ,
Ёму нишшому да подаваютъ;
Одной рукой онъ отъ ихъ примаетъ,

Шьчо другой рукой нищшой братьи подаваетъ,
Подаваетъ за ихъ-то онъ Бога молитъ:
Да поѣхалъ Олёксѣй, Целовѣкъ Божей,
Переѣхалъ Олёксѣй, Цёловѣкъ Божей,
Заходилъ Олёксѣй-отъ во Божью церьковь
Онъ молилсэ тутъ Господу со сьлёзами,
„Да шьчобы́ меня отець бы, мать не узнали“.
Да поху́дѣло лицё-то ёго сьвятоё,
Какъ отъ слёзъ-то всё оци-ти потравились.
Богородиця гласомъ прогласила.
Шьчо прецистыма устами проговорила:
„Тебѣ полно, Олёксѣй, вѣдь Богу молитце!
Ты поди, Олёксѣй, да во карабликъ:
Да стоитъ твой караблицёкъ-отъ не по́тлѣлъ,
Парусочика бѣлы да полотьня́ны,
Ай весёлышка были да золотыя,
Шьчо уключинки были шолковы́я“.
Онъ идётъ-то по Рымцькому царсву,
Онъ пришолъ Олёксѣй да подъ окошко:
„Ужъ ты гой еси, Ефимьянъ, ты князь богатой!
Ты подай мнѣ-ка милосьтину спасёну
Ты не ради калики-то перехожа,
Ради своёго сына-то Олёксѣя,
Олёксѣя-та, Божья Цёловѣка!“
Ефимьянъ-отъ въ окошоцько смотритъ,
Подаватъ ёму милосьтину спасёну:
— Почему же моево ты сына знаёшь,
Поцёму Олексѣя ты замичаешь?—
„Мы въ одной кельи Богу молились,
Мы въ одной школѣ въ грамоты съ имъ уцились,
Съ одного мы блюда пили и ѣли“.
Говоритъ тутъ калика-та перехожа:
— Ужъ ты гой еси, Ефимьянъ, ты князь богатой!
Ты поставь мнѣ-ка келейку спасёну
Мнѣ подъ то-ли прекрасно подъ крылецько.
Да за то тебя Господь-отъ Бохъ не оставитъ,
Всё пошлётъ тебѣ царство Осподь небесно.—
Онъ поставилъ ёму келейку спасёну.
Шьчо вѣдь самъ-то онъ ѣлъ, шьчо вѣдь кушалъ,
Посылалъ-то онъ пишьчому въ келью.
Ише слуги-ти ёму, свѣту, не доносили,
Всё помоеми ёго, сьвѣта, обливали,
Ишше пепёломъ ёго-то всё обсыпали,
Незамокъ Олёксѣй, Целовѣкъ Божей,
Заболѣлъ Олексѣй-отъ тутъ, преставлялсэ,
Преставлялсэ Олёксѣй всё во кельѣ,
Заносили тутъ ладаны-ду́хи
По тому ли по Римскому царсву;

Объевили-то всѣмъ попамъ духовнымъ,
Объевили тутъ-ли арьхиреямъ
Да нашли они мошшы у Ефимьяна,
Ефимьяна нашли-то мошшы калики.
Тутъ идётъ Ефимья́нъ да князь богатой,
Онъ ведётъ поповъ-то, отцовъ духовныхъ,
Онъ идётъ-то ведетъ къ себѣ архиреёвъ.
Тутъ пришолъ Ефимьянъ да князь богатой,
До сьвятыхъ мошшей архирей-отъ всё доступаётъ;
„Ужъ вы гой еси, мошшы нетлѣнны!
Вы подайте-ко мнѣ-ка рукописаньё".
Не далось-то ему-то рукописаньё,
Ефимьянъ-отъ вѣдь князь да доступаетъ:
„Ужъ вы гой еси, мошши вы сьвятыя,
Да сьвяты-ли мошши вы всё нетлѣнны,
Ужъ вы дайте-кось мнѣ-ка рукописаньё!"
Рукописаньё Ефимьяну-ту не далосе.
Тутъ приходитъ, приходитъ-то единъ дьяконъ.
Шьчо далось рукописаньицё-то дьякону;
Да берётъ-то вѣдь дьяконъ рукописаньё,
Онъ вѣдь сталъ-то тутъ скоро цитати,
Онъ вѣдь сталъ-то имъ скоро росказать тутъ:
„Это сынъ-то вѣдь твой, да Ефимьянъ же,
Олёксѣй-отъ вѣдь тутъ, Цёловѣкъ Божей".
Тутъ заплакалъ Ефимьянъ-отъ князь богатой:
„Ты пошьто мнѣ-ка, цядо, не сказалось,
Ты моё ты всё цядо пресладко?
Я состроилъ бы я келью бы всё хоро́шу".
Да идётъ ёго матушка родная,
Да родна ево мать Синодія:
„Пропусьтите, народъ вы православной,
Вы миня-то хоть матушку родную,
До того миня до сладкого цяда,
До того ли миня-то Олёксѣя,
Шьчо до Божьёго миня до Цёловѣка!"
Тутъ идётъ-то жена его да заручённа,
Шьчо идётъ она, сьлёзно-то плачотъ,
Во сьлёзахъ сама она прицитаетъ:
„А пусьтите-ко, люди вы православны,
До того жениха до обручённа!
Да попьчо же пришолъ, мнѣ-ка не сказалсэ?
Мы въ одной бы мы кельи молились,
Мы бы вдругъ съ тобой Господу бы прошшались,
Я съ тобою бы вмѣсти трудилась,
Промежъ нами былъ бы Духъ сьвятыя".
Понесьли Олёксѣя-та, Божья Цёловѣка,
Шьчо несьли-то его да сьветы мошшы,
Шьчо несьли то ево всё несьли три дьня-та,

До того ёго до Божьёго храму.
На пути-то лежать-то бѣдны убоги,—
Онъ вѣдь всимъ исциленьицё даваётъ.
Тутъ приходятъ которы безглазы,—
Онъ вѣдь тѣмъ исциленьё скоро даваётъ.
Вси поютъ-то вѣдь, вси они молятъ,
Всё хвалу они Господу всё приносятъ.
Да несьли-ти святы его мошшы,
Говорилъ архирей-отъ имъ таки рѣци:
„Вы отстаньте, народъ-отъ вы православны,
Намъ вы дайте сьвяты мошшы унесьти-то!
Мы поставимъ ихъ въ церьковь, положимъ,
Будёмъ трои мы сутоцьки держати“.
Тогда народъ православны-ти отступили
Шьчо отъ тихъ-ли отъ мошшей отъ святыхъ-то,
Отъ святыхъ-то мошшей всё отъ Господьнихъ,
Отъ того ли Олексѣя-та, Божья Целовѣка.

№. 4.

Князь Владимиръ и его сыновья.

Во славномъ во городи во Кіевѣ,
У князя у Владимера:
Князь Владимеръ хваралъ, болѣлъ,
Хваралъ, болѣлъ, лежалъ же онъ;
Ожидалъ себѣ коньча жизни,
Призвалъ къ себѣ своихъ владыкъ-кнежевичей,
Тре́хъ руськихъ-то могучихъ онъ боһа́тырей:
Ста́решшего князя Светополка,
Втарого онъ князя Глѣба,
Третьёго Бориса-князя.
Зачелъ дитей блаһословлять же ихъ:
„Ужъ вы дѣти мои милыя,
Милыя вы дѣти сирьдечныя,
Младыя мои вы книжевичи!
Вы послушайте моёго наказанія:
Вы живите тихо, смирно, какъ вѣдь я, князь, жилъ.
Собирайте пиры посьлѣ миня, князя,
Вы для тѣхъ-ли для боһатырей кіевскихъ,
Для тѣхъ ли купцей, госьтей торговыхъ-то,
Для тѣхъ ли хресьянъ прожиточнихъ,
Не забувайте вы сиротскихъ малыхъ дѣточекъ.
Тепере я васъ надѣлять буду:

Старшому блаһо̄сло̄вляю городъ-о Черниговъ-градъ,
Младшимъ двумъ кнежевичамъ Кіевъ-градъ“.
Блаһословилъ скоро князь своихъ кнежевичей,
Потухло тогда сонцё красноё,
Закатилосе оно за темны́ за лѣса,—
Прсставилсэ блаһовѣрной князь,
Владимеръ князь вѣдь кіевскій.
Посьлѣ ево приставленьица
Честно погребли ево да еһо дѣти;
Плакалъ вѣдь, скорбилъ объ нёмъ вѣдь Кіевъ-городъ,
Потомъ князь старшіе,
Князь вѣдь, старшій братъ Светополкъ-отъ свѣтъ,
Поѣхалъ въ свой городъ-отъ, во которой блаһословилъ Владимеръ-князь;
Во Кіеви осталисъ Борисъ и Глѣбъ.
Онъ вѣдь жилъ въ Черни-горы три года.
Какъ позавидовалъ врагу человѣческому,
Помогъ въ мысляхъ ему же онъ
Зло на брата помысьлити:
„Въ которомъ жилъ мой батюшко,
Ласково́й Владимеръ стольне-кіеськой,
Завладѣли градомъ братья младшіе;—
Изьведу я ихъ, въ живыхъ не оставлю-то,
Повладѣю славнымъ Кіевомъ.
Ухи́трюсь я на хитрось свою,
Напишу въ Кіевъ скору грамоту,
Отошлю грамоту по скоросьти“.
Написалъ князь скору грамоту,
Отосла скоро во Кіевъ-градъ:
„Вы вѣдь, малы мои братьица,
Блаһовѣрны вы князи великія!
Пишу я вамъ да скору грамоту,
Пріѣжжайте вы ко мнѣ да на свиданьице,
Жалаю я съ вами скороһо свиданьица,
Я собираю пиръ великой для васъ;
На томъ на пиру будемъ пировати съ вами́,
Своеһо князя-отца поминати будёмъ“.
Приходила скора грамота
Во Кіевъ славной во городъ-отъ,
На тотъ на дворъ княженеськія;
Приносили ко младымъ-то кнежевичамъ,
Ко Борису-князю, ко Глѣбу-ту.
Тутъ князья млады обрадовалисе,
Зрадова̀лисе они, что пишотъ братъ родной;
Приказали они скоро́ збирать коней,
Убирать коней дорогой уборъ.
Услышила объ томъ кнегина-та,
Ихна-та ро́дна матушка,
Сьлёзно-то она заплакала,

Во сьлезахъ рѣчи́ гово́рила:
„Милы мои князи вы,
Младыя вы мои, глупыя!
Вы радосьни, очень веселы
Собираитесь къ брату въ госьти ѣхати;
Братъ васъ, васъ не въ госьти зовётъ,
Не въ госьти зовётъ, не на свиданіе“.
Подавали онѣ её скору грамоту,
Сами становились на колѣни передъ ней.
Говорила имъ кнегина-та
„Не радуйтесь вы эфтой грамотѣ:
Она [1]) хитрось очень мудритце,
Она мудрось весьма подымаитце;
Не на пиръ онъ зовётъ, а погубить желатъ,
Погубить желатъ, лишить желатъ,
Онъ лишить желатъ сего свѣту бѣлого,
Завладѣть жалатъ славнымъ Кіевомъ“.
Скоро младыя княжъя матушки въ ноги поклопилисе,
Они просили у неё дозволеньица:
— Дозволь, дозволь, матушка,
Съѣзьдить намъ въ славной городъ во Черни-городъ,
Зьдѣлать скороё съ вами свиданьицо.—
„Поѣяжайте зъ Боһомъ, младыя князьл мои!
Только, навѣрно, жи́вы не пріѣдите,
Не приведётце болѣ съ вами свидитце“.
Тогда кнегина во сьлезахъ съ нима роспрошшаласе,
Далече она нихъ спрова́жала,
Слезно она о нихъ плакала.
Поѣхали младыя кнежевичи,
Они ѣхали чисты́мъ полемъ.
Не очунь далече до города доѣхати,
Посрѣчалса съ ими ихной ро́дной братъ.
Стрѣчаетъ онъ же нихъ,
Неласково сь нима́ обходитце,
Крычитъ, звычитъ да звучнымъ голосомъ,
Такимъ страшнымъ, какъ бы лютый звѣрь.
Тово очунь громкаго голосу
Испуталисе млады кнежевичи.
Сахадили онѣ со добры́хъ со коней;
Борисъ поклонилсэ въ ногу въ правую,
Глѣбъ поклонилсэ во лѣвую;
Во сьлезахъ просили брателка родимоһо:
„Ты прачти, прачти, братъ родимой нашъ,
По твоей по грамоти ѣдемъ къ тебѣ;
Ты прими, прими насъ сибѣ на дворъ,
Не ради-то [2]) насъ госьтей пріѣжжихъ-то,

[1]) Вмѣсто «онъ на» *Собир.*
[2]) Ради—въ качествѣ. *Собир.*

Ради насъ людей странныхъ-то;
Возьми насъ во служители,
Мы будёмъ тебѣ день и ночь служить
Со твоима съ рабами на́ровнѣ.
Бери, бери отъ насъ въ подарокъ Кіевъ-градъ".
Не посмотрялъ злодѣй на прозьбу братьицей,
Бориса-князя-та мечомъ скололъ,
Глѣба-та-князя саблёй голову срубилъ,
Бросилъ ихны тѣла пречистыя,
Бросилъ онъ ихъ во темны́я во лѣса
Лѣснымъ звѣрямъ на пишшу-ту:
„Нате, лѣсныя звѣри́, вамъ вѣдь кушенье".
Са́мъ злодѣй, злодѣй милосьливъ
На конѣ-ли на своёмъ по полю розгуливалъ,
Самъ злодѣй похваляитце:
„Теперь нѣтъ у насъ во Кіеви
Двухъ вѣдь нѣту у меня млады́хъ княжевичей.
Завладѣю славнымъ горо́домъ,
Завладѣю я градомъ Кіевомъ".
Немного злодѣю удалось счесьливо жить.
За похвальнія рѣчи́ несчасьё случилосе:
По Божьёму по велѣньицу,
Посылаетъ Һосподь съ нёба аньгела;
Солеталъ съ нёба аньгелъ-отъ,
Онъ ударилъ жезломъ да о сыру́ю землю́
Провалилсэ злодѣй въ кромѣшной адъ
Со своимъ онъ зъ добры́мъ канёмъ.
Лежали мошшы пречистые,
Они лежали не годъ, не два же тутъ,
Они лежали трицеть лѣтъ,—
Не единъ зьвѣрь не прихаживалъ,
Не единъ хишной не заглядывалъ
На тѣ мошшы́ пречистыя
Ни(хъ) хранилъ Һосподь Христосъ.

№. 5.

Страшный судъ.

По морю, морю синему,
По синему по морю по Хвалыньскому
Туда шли черны́ ка́рабли́.
На тѣхъ на ка́рабля́хъ сьветые аньгелы;
Насрѣчу имъ самъ Исусъ Христосъ,
Самъ Исусъ Христосъ да царь небесной сьвѣтъ:

„Откуда идёте, сьвѣ́ты аньгелы?"
— Мы были-то, Осподи, на вольнёмъ сьвѣту;
Много чудно видѣли:
Соньцё-то красно на закатъ пошло,
Душа сь тѣломъ роставаласе,
Отшедши душа прочь-отъ, плакала,
Подошла къ тѣлу, слово промолвила:
Прошшай, прошшай, тѣло бѣлоё!
Тебя, тѣло бѣлоё, во гробъ кладутъ,
Во гробъ кладутъ, въ земьлю́ несутъ
Червямъ тѣло на источеніе,
Земля-мать тогда тѣло 'на возьмётъ обратно въ земьлю же,
Землёй тѣло розрушитца;
А миня, душу́, на отвѣтъ ведутъ,
На отвѣтъ ведутъ да отвѣчать велятъ
Са́мому́ Христу, царю небесному,
Судьи праведному да судьи жа́лосьливому́.
Пострѣчаласе душа она съ самимъ Христомъ,
Душа сьлезами обливаласе,
Въ сьлезахъ Христу она молиласе:
„Просьти, просьти миня, Осподи,
Ты просьти миня во всѣхъ грѣхахъ!"
Отвѣчаетъ самъ Исусъ Христосъ:
— Зачѣмъ, душа, жила на вольнемъ свѣту,
Зачѣмъ чеса ты смёртного въ уми не дярживала,
Зачѣмъ очю духовному не каслась,
О своихъ грѣхахъ о тяжкихъ не плакала,
Не просила ты прошшенья у миня, душа?
Вамъ нѣту прошшенія,
Только есь всегда одно пока́еніе.—
„Ишше hосподи, hосподи, ты Христосъ, Царь небесной, Бохъ!
Я много тебѣ согрѣшила-то:
Во перьвы́хъ я согрѣшила-то—
По темнымъ по лѣсамъ, ду́ша, много хаживала,
Исъ коровъ молоко я выкликивала,
Во сыроё кореньё выли́вывала [1]);
Ишше, душа, пушше согрѣшила я—
По полюшкамъ, душа, много хаживала
И чужія поля, нивы роскладывала [2]),
Много скота въ нивы напускивала;
Что-жъ ишше душа Боhу согрѣшила-то—
Непоправедно, душа, землю роздѣливала [3]);
Ишшо, душа, Боhу согрѣшила-то—
По улицѣ, душа, много хаживала,

---

[1]) «Волхованіе знала». *Прим. пѣвицы.*
[2]) «Случаетца, розьдёрнутъ, напусьтятъ и выкормлятъ на вредъ». *Тоже.*
[3]) «Сѣнокосны нивы дѣлятъ верёвками; случаетца, мало ново́му (т.-е. иному) даютъ». *Тоже.*

Разныма бранеми людей напрасно я ругивала;
Ишше́ душа Боһу согрѣшила,—
По подо́коньямъ, душа, часто хаживала,
Что видѣла, скажу я, не видѣла—скажу;
Ишше́, душа, Боһу согрѣшила-то—
Малёхонького дитя своёго проклинала;
Ишше́, душа, Боһу согрѣшила—
По игрышшамъ душа много хаживала,
На разныя пляски душа плясывала;
Ишше́ душа Боһу согрѣшила—
Ранны заутрени прогуливала,
Позды обѣдни пропи́вывала;
Ишше́ душа Боһу согрѣшила—
Свадьбу звѣрями овёрчивала;
Ишше́ душа Боһу согрѣшила—
Напиласе душа зелёного вина,
Самому Сатану чесь приносила тогда,
Со то̀го со вина душа пьяна была,
Померла та душа бесъ покаянія,
Бесъ того попа, отца духовноһо.—
„Теперь тебѣ, душа, мѣсто назначено,
Тебѣ мѣсто, душа, происподнёй адъ;
Иди, иди, душа, прочъ, окаянная,
Окаянная душа, многогрѣшная!
Хорошихъ-то дѣлъ не творяшшая—
За то, душа, сибѣ адъ уготовала“.
Провалилась душа скрось преисподнёй адъ.
Вѣчно мучитце души, не отмучитце
За своё великое прегрѣшеніе.

II.

БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

А. М. Крюкова: №№ 6—7, 21—33.

М. С. Крюкова: №№ 8—9, 34—36.

Ѳ. Т. Пономаревъ: №№ 10—15, 39.

Г. Л. Крюковъ: №№ 16—20, 37—38.

А. И. Лыткина: №№ 40—41.

№№ 21—41 перепечатаны изъ „Бѣломорскихъ былинъ“ А. В. Маркова.

№. 6 [1]).

Алеша Поповичъ убиваетъ татарина.

Ише было во городи Кіеви,
Ше у ласкового князя у Владимера
Ише было на дворѣ вѣдь три богáтыря;
Проживали всё у князя у Владимера,
Оберегатели были красну Кіеву,
Ише тому-ли князю всё Владимеру,
Опраксеи-то же были Королевисьни,
Какъ любимой-то вѣдь князёвой племянёнки,
Ише душоцьки-то были Мареы Митрёвны.
Говорилъ-то тутъ казакъ да Илья Мурамець,
Илья Мурамець, казакъ, да сынъ Ивановиць:
„Намъ вѣдь полно этта жить въ красномъ Кіеви!
Мы поѣдёмъ-ко, братцы, во чистó полё“.
Они скоро же тутъ да собиралисе,
Ише скоро они тутъ да отправлялисе,
Ише садились на добрыхъ же на своихъ коней,
На своихъ же коней на богатырьцькіихъ;
Пріѣзжали они да во чистó полё,
Розоставили шатры бѣлополóтьняны;
Они стали по чисту́ полю поѣжживать,—
Нечего же во чистòмъ поли не наѣхали:
Не гусей-то, не лебедей,
Не пернясцятыхъ-то мелкихъ они утоцёкъ.
Пристыгала ихъ-то въ поли ночка тёмная,
Ночка тёмна пристыгала, ночь осённая.
Шчо по утру-ту было, утру ранному,
По восходу-ту было сонця красного,
По закату-ту было луны сьвѣтлою:
У того-ли у старого стариньшины,

---

[1]) Былины подъ №№ 6 и 7 пѣвицá переняла у дочери Мареы, которая, въ свою очередь, заучила ихъ отъ работника Ортемія, родомъ изъ Мезенскаго края. № 6 пропѣтъ золотицкимъ голосомъ.

У того-ли всё у Ильи, Ильи Мурамця
Какъ забилъ-то ёго конь да правой ножоцькой
Шчо о ту-ли о матушку сыру́ землю,
Шчо о тѣ-ли всё о камешки о сѣрыя.
Пробужаитце Илья вѣдь отъ крѣпко̀го сну;
Онъ свѣжо̀й водой ключовой умываитце,
Тонкимъ, бѣлымъ полотеньцёмъ утираитце,
Онъ вѣдь смотритъ во трубочку подзорную.
Тамъ вѣдь ѣзьдитъ тотаринъ на добро́мъ кони,
Величиной-то вѣдь тотаринъ какъ сильнёй бугоръ;
Онъ вѣдь ѣзьдитъ, собака, похваляитце:
„Я пріѣду же, пріѣду ко бѣлы́мъ шатрамъ,
Отрублю я, отсѣку я буйны головы,
Роскинаю, розмечу я по чисту́ полю.
Я вѣдь тольке боюсь же старого стариньшины,
Я того-ли вѣдь Ильи да боюсь Мурамця:
Шьчо гремитъ-то про него слава великая,
Розошлась же эта славушка по всей земьли,
Шьчо вѣдь силой же Илья да весьма си́льнёй есь,
Во чисто̀мъ же поли ёму смерть была не писана“.
Говоритъ-то тутъ Илья, да Илья Мурамець:
„Поѣжжайте-ко вы, братцы, попровѣдайте.
Я пошлю разьвѣ Але́шеньку Поповича:
Ишше сила у ёго да не проти́въ людей,
Не проти́въ будётъ Добрынюшки Микитича“.
Тутъ вѣдь скоро какъ Але́шенька собираитце,
Какъ садитце онъ вѣдь всё да на добра коня.
Они съѣхались съ тотариномъ, ударились,
Ишше другъ друга до-болька̀ не ранили.
Ишше съѣхались они да во второй же разъ;
Побѣдилъ-то тутъ Алёшенька Поповиць младъ.
Какъ упалъ-то тутъ тотаринъ на сыру́ земьлю,—
Не доѣхалъ же до города до Кіева,
Не доѣхалъ же, собака, онъ до князя до Владимера,
Какъ до душоцьки вѣдь Мареы, Мареы Митревны.
И скоро же они да собиралисе,
Какъ поѣхали они да въ красенъ Кіевъ градъ
Шчо ко ласковому князю ко Владимеру.
Какъ стрѣцяётъ князь Владимеръ онъ бога́тырей,
Собираётъ онъ на радосьти почесёнъ пиръ.
Повелась вѣдь тутъ да славушка великая,
Какъ его-то цесь-хвала да богатырьская
О томъ объ Алѐшеньки Поповицѣ.

№. 7.

Женитьба Дюка Степановича.

Ай было во городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимера:
Цясто посѣшшалъ, пріѣжалъ же къ ёму
Молодой бояринъ Дюкъ Степановиць;
Жилъ же у князя у Владимера,
Жилъ на двори ра̀вно полгода.
Придумалось Дюку Стёпановичу,
А тому же богатою бога̀тыни,
Съѣзьдить ёму же всё на родину
Ко своей къ родимой ко матушки.
Жилъ онъ у матушки два года.
Не бѣленька берёзка къ земьли клонитце,
Ишше нашъ-отъ вѣдь Дюкъ, Дюкъ Стёпановпць
Падалъ вѣдь матушки въ рѣзвы̀ ноги:
„Ай же ты, родима моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна!
Дай-ко-се мнѣ благословленьиця
Съѣзьдить же мнѣ, богатою бога̀тыни,
Тому же ли Дюку Стёпановичу“.
Говорила ему родна матушка:
—Боһъ благословитъ, цядо милоё,
Мо̀лодой бояринъ Дюкъ Стёпановиць!
Ты у князя женись, хошь у боярина,
У купця же женись хошь у торгового.—
Говоритъ же бояринъ Дюкъ Стёпановиць:
„Ай же ты, родима моя матушка
Не чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна!
Есь у меня невѣста принасмотрѣная,
Есь у меня всё повыбраная,
Шьчо во томъ у мня во славномъ городи во Кіеви
У ласкового князя у Владимера—
Милая любимая племяненка,
Душоцька Марѳа, Марѳа Митревна“.
Собираютъ его слуги вѣрныя
Того же коня богатырьцького,
Надѣваютъ ему дорогой уборъ
И садятъ они Дюка на добра̀ коня,
Рѣзвы-ти ножки въ стремена кладутъ;
Провожаютъ-то Дюка Стёпановиця.

Поѣха'-ли бояринъ Дюкъ Стѣпановиць,—
Видѣли вѣдь молодця вѣдь сядучись,
Не видѣли дородного поѣдучись;
Толькс у Дюка курёва́ стоитъ,
Курёва же стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ:
Ище матушку сыру земьлю потребало [1]),
Быстрыя рѣцьки сколыхалисе,
Синее море сколыбалосе,
Лѣса-ти дремучи щевелилисе.
Ай во ту-же-то было ночку тёмную,
Маренушки-то чудной сонъ привидялсо:
Находитъ туця, туця грозная
Съ ту-ли со встоцьную сторонцьку;
Надошла эта туця, туця тёмная
На тотъ-ли дворець она князёвой.
Тёмная-та туця россыпа́ласе;
Выпали исъ туци вѣтры буйныя,
Выпали исъ туци дожи ча́стыя;
Розогрѣло, роспекло же красно солнышко.
Мароушка скоро пробужаитце,
Горюцима слезами уливаитце.
И приходитъ къ ей дядюшко родимой-отъ,
Ласковой Владимиръ стольнё-кіевской;
И скоро отпиралъ двери на́ пяту.
Сидитъ она на стули рыта бархата,
Горючима слезами уливаитце.
Входитъ Опраксея Королевисьня,
Увидѣла Мароу-ту Митревну... [2])
Какъ приходитъ къ ей Опраксея Королевисьня,
Какъ приходитъ къ ей, ко Мароы, Мароы Митрёвны,
Говоритъ же она скоро таковы рѣци:
„Шьчо ты, душоцька же Мароа, Мароа Митрёвна,
Пріуплаканы у тибя всё очи ясныя?“
Говоритъ же её дядюшка родимой-отъ,
Какъ родимой её дядюшка любимой-отъ,
Ишше ласковой Владимеръ стольнё-кіевськой:
„Ты скажи-ко, скажи, Мароа, сушшу правду мнѣ,
Ужъ ты цёмъ же, Мароушка, нездорова ты?“
—Ужъ ты гой еси, дядюшка родимой мой,
Ты родимой мой дядюшка, любимой мой,
Ишше ласковой Владимеръ стольнё-кіевськой!
Какъ здоровьицё у мня оно постарому,

---

[1]) Сначала пѣвица пропѣла:
«Ишше матушка сыра земьля сколыбаласе».

[2]) До сихъ поръ пѣвица пѣла былину напѣвомъ Терскаго берега, а далѣе стала пѣть «на Золотицкій голосъ».

Все постарому здоровьицё, попрежному.
Тольке видяла я вѣдь, дядюшка, всё цюдной сонъ,
Ишше цюдной сонъ я видяла, вѣдь дивной-онъ:
Надошло-то бутто туця, туця грозная
Какъ со ту-ли со востоцьнюю стороноцьку:
Россыпалась, росходилась туця грозная
Шьчо надъ нашимъ надъ дворьцомъ да княженеськімъ.—
Ище князь сидитъ Владимеръ призадумалсэ,
Онъ повѣсилъ буйну голову
Со своихъ же онъ повѣсилъ съ могуцйхъ плецей;
Прокатилисе изъ глазъ да горюцй слёзы:
„Ужъ ты душоцька ты Мароа, Мароа Митрёвна,
Ты любима же моя да ты племянёнка!
Какъ какой же прйдётъ непріятель къ нӑмъ.
Приведётъ у насъ въ побѣду красёнъ Кіевъ градъ,
Розоритъ меня, князя, со кнегиною“.
Опраксея-то стоитъ да умылѐитце:
—Не тужи-ко-се, моё ты красно солнышко,
Ишше ласковой Владимерь-князь да стольне-кіевской,
Этотъ сонъ-отъ передъ Мароушкой самой передвидялсэ:
Какъ пріѣдётъ на ей да жепихъ сватагце,
Какъ пріѣдётъ на ей со сьвятой Руси;
Ище буйны-ти вѣтры—онъ вѣдь самъ на дворъ,
Ище цясты-ти дожжи—твои слёзы есь,
Краснымъ сонцёмъ обогрѣло—тибѣ къ радосьти,
Какъ обрадуётъ тибя да большой радосью.
Ишше гдѣ-то есь у насъ богатая богатина,
Молодой же вѣдь бояринъ Дюкъ Стёпановицъ?
Не бывалъ же онъ у нӑсъ рӑвно два года,
Не писалъ же онъ намъ да скорой грамотки.—
Не усьпѣли же они да слова вымолвить,
Слово вымолвить они да рѣци выполнить,—
Ишше ѣдётъ же богӑтырь-отъ скорымъ гонцёмъ,
Тутъ бѣжитъ скоро Олѐшенька вѣдь съ вѣстоцькой:
„Ужъ ты һой сси, ты красно наше солнышко!
Какъ пріѣхалъ къ намъ да ишше гось на дворъ,
Шьчо незваной-отъ у насъ да нежданой-отъ
Какъ исъ той-ли изъ Иньдіи богатыя,
Молодой же бояринъ Дюкъ Стёпановицъ“.
Недосугъ же тутъ Владимеру россиживать,
Недосугъ-то ёму долго розговоръ весьти.
Онъ вѣдь скоро-то стрѣцялъ вѣдь Дюка Стёпановиця,
Онъ берётъ его за рученьку за правую,
Онъ ведётъ ёго въ полаты княженеськія,
Шьчо во тѣ-ли во гридьны столовыя.
Говоритъ же ишше молодой бояринъ-отъ,
Ишше тотъ-ли у насъ да Дюкъ Стёпановицъ:
„Не сажусь-то я къ тебѣ, да всё Владимеръ-князь;

Ты вѣдь дашь токо [1]) подарокъ дорогой вѣдь свой,—
Тогда сяду я къ тебѣ на стулъ же твой,
Я на стулъ же сяду твой да рыта бархата,
Ты отдашь токо̀ любимую племянёнку,
Ты отдашь-то то̀ко Марѳу, Марѳу Митрёвну,
Ты отдашь же то̀ко Марѳу за миня́ замужъ".
Говорилъ-то тутъ вѣдь красно нашо солнышко,
Ишше ласковой Владимеръ стольнё-кіевской:
—Ты бери-ко, бери, Дюкъ да Дюкъ Стёпановиць,
Ты бери-ко у мня Марѳу съ ц́есьти, съ радосьти.—
Шьчо приходитъ къ ею дедюшка родимой-отъ,
Ишше ласковой Владимеръ стольнё-кіевской:
„Ужъ ты душоцька моя да Марѳа Митрёвна!
Ты поди-ко-се, поди да ты въ замужесьтво,
За молодого-то всё поди боярина,
За того-ли поди Дюка за Стёпановиця".
Стала Марѳушка ему да поклониласе:
—Какъ спасибо тебѣ, дяденька родимой мой,
Ужъ ты ласковой Владимеръ стольнё-кіевской!
Ты умѣлъ же меня, дядюшка, споить, скорьмить,
Ты умѣлъ же меня, дядюшка, замужъ выдать-то
Шьчо безъ драки же миня бесъ кроволитною,
На сьвяту-ту миня Русь,—не за тотарина.—
Уредили Марѳу скоро въ дорого̀ платьё,
Въ дорого-то платьё ей, да платьё цьвѣтноё:
Какъ ц́ѣнить-то будётъ платьё—не обц́ѣнить будётъ.
Какъ повёлъ же ей вѣдь дяденька родимой-отъ,
Какъ за ту же бралъ за рученьку за правую,
Какъ привёлъ-то онъ вѣдь къ Дюку Стёпановицю:
„Ужъ ты гой еси, бояринъ Дюкъ Стёпановиць!
Ты бери-ко, бери Марѳу съ ц́есьти, съ радосьти".
Подавалъ-то скоро Дюкъ, да Дюкъ Стёпановиць
Обруцяльнёй онъ перьстень-отъ со ставкой драгоц́ѣнною:
Какъ достатъ-то этотъ перьстень издалёка былъ,
Со того-ли былъ со острова Буянова;
Подареньицё вѣдь было короля-та всё,
Какъ того-ли короля да всё ђерманьского,
Подарёно было матушки родимою,
Какъ ц́есной вдовы Омельфы Тимоѳеёвны.
Приходили мудреци, люди премудрыя,
Не могли-то обц́ѣнить—какъ ц́ѣны не было.
Какъ вѣдь стали они скоро отправлятисе
Шьчо во ту-ли вѣдь во Иньдею бођатую.
Провожалъ-то ей брателко крестовой-отъ,
Шьчо крестовой-отъ брателко, названой-отъ,
Ишше тотъ же Добрынюшка Никитиць младъ:

---

[1]) Токо—если.

Провожалъ-то ей вѣдь старая старѣньшина.
Ишше тотъ-ли ей Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да всё Ивановиць.
Що завидѣли-то Иньдею боꙇатую;
Ишше крыши-ти у ихъ да какъ огонь горятъ:
Какъ у Дюка-та вѣдь крыша была красна золота,
Кругомъ дому-ту текла рѣка медо́вая,
Какъ бѣжала-то вѣдь тутъ да золо́та руда.
У ихъ вёлсэ-то тутъ всё пиръ навесели,
Они пили, прохлаждались трои сутоцьки.
Позабыла наша Марѳа, Марѳа Митревна,
Позабыла же она да красенъ Кіевъ градъ,
Позабыла же вѣдь дядюшку любимого,
Ишше ласкового князя всё Владимера,
Позабыла свою тётеньку любимую,
Ишше ту-ли Опраксею Королевисьню,
Позабыла всѣхъ своихъ крестовыхъ братьи́цей.
Хорошо же ей житьё да прилюбилосе:
Ишше много-то у Дюка злата, се́ребра,
Ишше много-то у Дюка платья цьвѣтного,
Ишше много-то у Дюка нянюшокъ-то, мамушокъ,
Ишше больше же то́го да сѣнныхъ дѣвушокъ.
Какъ пошла-то ихна жись очунь счастливая.

№. 8 [1]).

Женитьба Пе́ресмякина племянника.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У князя у Владимера
Былъ у ево боꙇа̀тырь Пересьмяки родной племянничокъ.
Хорошо онъ стоялъ за вѣру православную,
Оберегалъ-то онъ князя со кнегиною,
И весьма жа любилъ въ мореходствѣ ходить.
И однажды, при собраньѣ пира́ же ево,
Говорилъ онъ вѣдь князю таковы́я слова:
„Што жъ ты, ласковый князь Владимеръ!
Нагрузи мнѣ-ка чёрны карабли
Тима̀-ли товарами руськими.
Я схожу во тѣ земли́ невѣрныи“.
Говорилъ ему князь Владимеръ таковыя рѣчи́:
—Что жъ, удалой доброй молодець!

---

[1]) Эту былину пѣвица переняла отъ одной волотицкой старой дѣвушки.

Тибя уволитъ ли дяденька родимой твой
Пересьмяка сынъ Васильёвичъ?—
„Что жъ ты, ласковой Владимеръ стольнё-кіевськой!
Давнымъ-то давно дяденька согласенъ на то“.
Пагрузили тогда чёрны ка́рабли́
Тима-ли товарами руськими.
По ево-ли судьбѣ несчасною,
Подули-то вѣтры-я способные;
Чуть отошолъ онъ на синёё на́ море́,
Подули-то вѣтры неспособныя
Со тѣхъ острововъ Милитрискіихъ;
Потомъ же подули съ невѣрныхъ земель.
Прино́сило его къ славну городу,
Къ славну городу къ Царюграду.
Роспродалъ всѣ товары-ти руськіи,
Напринималъ-то товаровъ заморскіихъ;
Пошолъ онъ обратно въ красной Кіевъ градъ.
Подули-то вѣтры неспособны для ево,
Накатилисе съ моря волны морскі́;
Понесло судно по вѣтру туда,
На тѣ-ли на пу́стыя на острове
Забросило на пу́стыя на острове,
Дѣ жа жили ’дны камышнички,
По нашему, по руському разбойнички.
Вся ево дружиночка хоробрая погинула.
Наѣхали на нихъ разбойнички,
Отобрали всѣ товары заморьскіи.
Онъ же младой боһатырь-отъ
Находился онъ безъ чуствія.
Красота ево пондравилась имъ,
И сжалѣлись, не сказьнили буйной головы,
Принесли ево бережно въ свой же домъ,
Повалили ево на кровать на кисовую,
На мяккую periночку пуховую,
Старались ево они въ чуство привесьти.
Чересъ трои-ти сутки онъ упомнилсэ,
Почуствовалъ сибя онъ вѣдь здраво.
Роспро́сили они о природѣ ево;
Постановили ево атаманомъ надъ всима́.
Онъ вѣдь жилъ на пу́стомъ островѣ пять же лѣтъ.
Много печаловалисъ во Кіеви.
Ишшс вевьдѣ-то ѣзьдили боһатыри, розы́скивали;
Нихто не могъ нигдѣ, ни въ какой странѣ найти.
Во славномъ-то городѣ въ Христи́нѣ было,
У того-ли у князя Херестинского,
Что была у ево дочерь любимая ево,
Что вѣдь та-ли Марфида-княжевисьня.
Она весьма любила по мо̀рю гулять;

Когда же вѣдь море утишитца,
Её возили всегда ихны боһа̊тыри.
И въ одно же то время не случилось некову.
Она взела-то въ собой двухъ подружекъ своихъ,
Поѣхала по́ морю гулять.
По её-то судьбѣ по несчасной по её,
Подулъ-то вѣдь вѣтеръ сильнія въ морѣ.
Откачало-то лодку отъ города ихного,
Понесло ей на Мелетрійски острова;
Несло же её трои суточки.
Въ Херестинѣ-то городѣ треложились объ томъ;
Много же ѣздило въ плаванье въ морё,
Тѣ-ли херестинскія боһа̊тыри;
Не могли её догнать же негдѣ;
Воротилисъ съ извѣсьтіёмъ князю же онѣ,
Не нашли негдѣ вѣдь маленькой кнежевны они.
Приносило её къ Милитрискимъ островамъ.
Набраласе волно̂въ полна лодка у нихъ.
Увидали разбойнички,
Они скоро 'бъ томъ вѣдь въ лодку собиралисе,
Пріѣжжали скоро къ лодкѣ онѣ.
Подруги её испугалисе,
Безъ сознанія въ воду пометалисе,
Она же сьлезами обливаласе,
Ише та-ли вѣдь мла̂да кнежевичня.
Оны стали у её выспрашивать;
„Ты которой земли, какой укра̂инѣ?“
Она же ничево не сказала никому,
Горючима слезами уливаласе.
Повели онѣ во свой же её домъ,
Доло́жили объ томъ скоро боһа̊тырю,
Пересьмякину родну́ племянничку.
Приказалъ ей завесьти въ ево комнату,
Приказалъ её уло̂жить на перину-ту,
Приказалъ же имъ удалитце отъ нихъ,
Приносилъ онъ вѣдь скоро ключевой же воды,
Поливаетъ красну дѣвицу онъ.
Тогда же заснула пріятнымъ нѣжнымъ спомъ.
Почевала она трои суточки.
Некоһо онъ не приглашалъ заходить,
Самъ же онъ всё насматривалъ её.
Тогда же дѣвица пробуждаласе,
Таковы рѣчи она себѣ сказала:
„Я вѣдь һдѣ, һдѣ нахожуся сейчасъ?“
Услыхалъ тогда боһатырь её,
Заходилъ же онъ во комнату къ её,
Вѣжли́во-то, низко поклонилсэ её:
—Моя же судьба одинокая съ тобой.

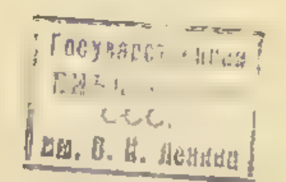
Почему же судьба привела насъ съ тобой?
Ты скажи мнѣ-ка, дѣвица, суппу правду же,
Исъ какой землѣ скажи, города,
Ись села скажи, деревни же мнѣ?—
„Херестина, славна города я,
Я тово же вѣдь князя дочь любимая ево.“
Приходили тоhда скоро камышнички къ ему:
„Ужъ ты ласковой атаманъ же ты нашъ!
Какъ тепере дѣвица во твоихъ она рукахъ:
Ты кудà её хошь, ты туда же дѣвай“.
—Я возьму, возьму её родной своей сестрой.—
Прошло тому времено три же годà.
Онъ вѣдь началъ тутъ скоро выдумывать,
Какъ бы вѣдь съ острова убѣжать же имъ.
Одѣнитце гулять—и её съ собою бралъ.
Усмотрилъ же онъ скоро, выгледѣлъ;—
Некакъ нельзя же уѣхать на лошадяхъ,
Только нужно уѣхать во лодкахъ однѣхъ.
Однажды набралъ много золотой съ собой казны,
Подсмотрялъ, что разбойнички зàспали всѣ.
„Ужъ ты ой еси, кня́жевна,
Что жъ ты душечка Марфида-кня́жевна!
У меня-то съ тобою одна же судьба.
Поѣдемъ-ко мы по синёму по морю́.“
Пали-то вѣтры способныя для ни́хъ,
Приносило-то ихъ къ Харасти́ны—городу́,
До городà только зà петь-то вéрстъ.
Тутъ же стояла избушка пу́стая совсѣмъ,
Въ той-то избушки одинъ человѣкъ жилъ,
Потому же отапливалъ её.
Што прiѣжжали херестинскiе боhàтыри туда,
Провѣдывали про мла́дую княжéвну завсегда.
И вскорѣ боhàтыри наѣхали туда,
И какая то радось сучиниласе у нихъ!
Увидали въ живыхъ младу кнежевну свою:
„Ты скажи, скажи, мла́дая кнежевна нашà,
Какой человѣкъ съ тобой находитце?‘
—И этотъ человѣкъ—кiевскiй боhа́тырь-этъ могучъ
Пересьмякинъ-этъ племянничокъ.—
Ише скоро ’ни поѣхали въ Херестинъ, славной городъ-отъ
И дали вѣсь они впереди себя вѣдь князю,
Что вѣдь ѣдетъ вѣдь дочь мла́дая ево.
И князь-этъ ихъ стрѣтилъ весьма-очунь хорошо.
Пировали у нихъ чѣлой мясецъ онѣ.
Какъ тогда же Пересьмякинъ племянничокъ:
„Ужъ ты ой еси, князь Херестинской землѣ!
Когда спасъ я твою дочь отъ смерти её,
Ты тепере надѣляй же меня.

Нечево мнѣ попадоть въ награду отъ тебе,—
Я жалаю же взять твою любиму дочь,
Къ себѣ же жалаю во супружество.
Наша судьба соединилась съ ей.“
Что вѣдь князь-этъ на то пожалалъ же къ нему.
Онѣ скоро златыма персьнями помѣнялись съ её.
Нагрузили онѣ чорны кара̀бли,
Отправились они въ славный Кіевъ градъ,
Приняли съ её по златому по вѣнцу.

№. 9.

Рында.

Во славномъ во городи во Европійскомъ
Жилъ-то князь тогда Ару̂бъ очунь боҺатые.
Много имѣлъ онъ у сибя разны́хъ боҺа́тырей,
Пріѣжжали отовсюль къ нему боҺа́тыри.
У нево же дочь была млада́ кнежевна-та,
Мла́дая кнежевна-та Минерва.
Что вѣдь здумалось
Что вѣдь славному боҺа́тырю-ту Рындѣ же
Посмотрять на роскозь, па богатство то,
На тѣхъ-ли на боҺа́тырей на сильніихъ.
У нево было, у князя, такіе обычай-этъ
Ко крыльцю-то подъѣжжать ко кнеженесскому,
Роскладывать полатки разны́хъ шелковъ.
Увидалъ всегда-то князь да посылалъ же къ нимъ,
Посылалъ же нимъ одного-то боҺатыря-та сильнѣго,
Что жъ тоҺо-ли боҺатыря-та Орму-ту,
Чтобы опъ всегда съѣхалсэ, ударилсэ,
Узнавалъ чтобы, которой-этъ боҺа́тырь имѣтъ силушку великую,—
Тѣхъ запускалъ-то онъ ко князю па широкой дворъ,
Заводилъ ко князю во гривни во свѣтлыи;
Онъ вѣдь бралъ себѣ въ число да во боҺа́тырей—
У нево же было всего три ста́ боҺа́тырей.
Ишше зачалъ Рында жить да при двори еҺо.
Онъ вѣдь жилъ у ево да ровно семь же лѣтъ;
Возьлюбилъ же князь, поставилъ падо всима́-то старшимъ-то.
Что жъ прошла-то тогда славушка по всей земьли,
Что жъ по всей земьли да по всѣмъ дальнимъ го́родамъ,
Что жъ вѣдь есь Рында въ Европи очунь сильнѣй-отъ.
Доходила эфта славушка до князя до Крусива-та,
До Курсива-та князя земли Крусинскія.
Что вѣдь за̀челъ князь скоро снарежатисе:

Приказалъ онъ собирать-то своево добра́ коня,
Добра́ коня своёго Вороне́юшка,
Приказалъ убрать коня да въ дорогой уборъ.
Онъ вѣдь далъ изьвѣсьтіе родной сестрѣ,
Что прекрасной кнежевнѣ-то Флоридѣ:
„Что поѣду я ко Рындѣ ко боһа́тырю,
Повидаю я боһатыря́-то славного;
Есьли я ево побѣжу, дакъ ево съ собой возьму,
Привезу ево во свой Крусивъ да славной городъ-отъ;
Есьли онъ меня побѣдитъ, дакъ я остану́се.“
Роспрощалсэ онъ сь сестрицею съ родной своей.
Не видѣли они ево да поѣжжаючись,
Только видѣли ево да снарежаючи.
Пріѣжжаетъ онъ въ славной городъ-отъ.
Увидали всѣ боһа́тырь’ у князя на ево дворѣ,
Доносили скоро Рындѣ-ту боһатырю.
Онъ вѣдь съѣхалсэ-то скоро Рында-то,
Они съѣхались вѣдь съ имъ, скоро ударились;
Сабли вострыя у нихъ да приломалисе,
Онѣ другъ друга-та до́-болька не ранили.
Во второй же разъ вѣдь Рында сь нимъ вѣдь съѣхалсэ;
Востры копьица у нихъ да приломалисе.
Какъ тогда сказалъ вѣдь Рында таковы рѣчи:
„Намъ довольно сегодьне да будетъ битвы-то!
Поутру́ же мы съ тобой повоюимсе,
Повоюимсе тогда съ тобой, побра́таюсь.“
У Крусива-то была съ собой карта дорожная [1]).
Пріѣжжаетъ тутъ Крусивъ къ кнежевнѣ-то,
Что ко той-ли онъ къ Минервѣ-то,
Когда стояла кнежевна въ зелено́мъ саду;
Подаётъ же онъ её карту дорожную:
„Ты прими, прими, кнежевна-та премла́дая,
Прими же мою карту-ту дорожную,
Для моёһо всё знакомства-та,
Что знакомая была съ князёмъ Крусивомъ-то.“
Принела тутъ съ удовольсьвіёмъ кнежевна-та Минерва-то,
Она прочтила всѣ въ карты славны города,
Увидала въ карты славной городъ-отъ Крусивъ-то всё;
Призываетъ скоро боһатыря къ себѣ Рынду:
„Дай, дай, дай мнѣ-ка совѣта, Рында же,
Мнѣ принять ли эту карту-ту, держать её,
Мнѣ держать ли, не держать ли, ты скажи же мнѣ.“
—Неприлично тебѣ будётъ держать ево карту-ту,
Не чесь тебѣ будётъ княженеськая держа́ть её.—
„Хорошо, Рында же, я эфто зьдѣлаю,
Отошлю же я обратно всё поутру,

---

[1]) По словамъ А. М. Крюковой, у него былъ *шарфъ*.

Не могу я удержать ево дорожной карты-то."
По утру́-ту, утру ранному,
По восходу соньца красного
Рында рано очунь утромъ пробуждаитце,
И пошолъ скоро онъ во садъ Минервинъ-отъ,
А Минерва-та ево давно вѣдь ждётъ стоитъ:
„Я вѣдь сейчасъ же принесла карту Крусиву-ту,
Что тоһо вѣдь князя подареньицо."
Она взела-то ево карту въ ручку правую,
Поднела её, чтобы видѣлъ онъ.
Увидаётъ князь, скоро подъѣжатъ къ её.
„Не жалатъ, вѣрно, держать моёго всё подарка-то."
„Вѣрно, есь у васъ въ Европи поединьщичокъ
За тебя же, младая кнежевна?"
Вскорѣ, вскорѣ Рында на конѣ сидѣлъ,
На конѣ сидѣлъ: вѣдь конь еһо унаряжоной,
Унаряжонъ еһо конь, всё убранъ же
Какъ и тѣмъ всё уборомъ боһатырскимъ-то.
Онъ крычалъ, зычалъ звычнымъ голосомъ:
„Поѣзжай ко мнѣ вѣдь, князь, на поединокъ-отъ."
А у князя у Крусина-та.
Не лютоё-то зельё розгорѣлосе,
Боһатырьская-та кровь да роскипѣласе,
Лѣпета въ его лици скоро смѣниласе,
Могучи плечи ево росходилисе.
Онъ скакалъ скоро на своево на добра̀ коня.
Скоро, скоро они съ Рындой съѣхались,
Они съѣхались-то съ Рындой, пріударились.
Они перьвой разъ-то съѣхались, ударились,—
Востры копьица у ихъ приломалисе;
Во второй же разъ опять они съѣхались —
Востры сабельки у ихъ да приломалисе,
Одинъ одно́го до́-болька́ не ранили.
Какъ тогда же они начели рукопашной бой,
Трои суточки онѣ да не пивали-то,
Не пиваючись онѣ да не ѣдаючись,
По колѣнъ въ землю онѣ въ матушку втопталисе.
Наконецъ-то побѣдилъ князь Крусивъ Рынду-ту,
Отобралъ онъ ево сбрую лошадиную,
Самого ево бралъ садилъ да на добра коня,
Повёзъ, повёзъ ево да во свою земьлю,
Во Крусивъ-то, славной городъ-отъ.
По дорогѣ-то Крусивъ съ имъ розговаривалъ:
„Не тужи объ томъ вѣдь, Рында, не плачь же ты!
У миня-то будёшь жить въ Крусиви, славномъ городи,
Не за плѣнника-то будёшь, не за раба служить,
Ты вѣдь будешь у меня мѣсто брата́ родимого."
Не видалъ же Рында, какъ время скоро прокатилосе,

Увидали-то онѣ Крусивъ да славной городъ-отъ,
Заѣжали во Крусивъ да славной городъ-отъ.
Крусивъ-отъ всё вѣдь Рынды выговаривалъ:
„Ужъ ты ћой еси вѣдь, Рында всё боћа́тырь-отъ,
Ты боћа́тырь-отъ вѣдь Рында очунь сильнія!
Ты зайди, зайди теперь ко мнѣ въ высокой домъ,
Во моё теперь владѣньё кнеженеськоё.“
Увидали-то въ Крусивѣ, славномъ городи,
Увидали-то, што ѣдетъ князь вѣдь живъ, здоровъ,
Скоро всѣ боћатыри очень важливо ево стрѣтили.
Заходилъ же во гривни во сьвѣтлыя,
Приказалъ одѣть вѣдь Рынду-ту боћатыря,
Какъ одѣть ево въ платье цьвѣтноё.
Какъ во цьвѣтно платье дорого ево,
Приказалъ же собирать онъ пиръ на радосьти.
На пирахъ-то вѣдь весьма много народу собиралосе,
Много отовсюль ко князю сьѣжжалосе,
Пили, кушали онѣ да веселилисе
О пріѣзди ёћо, князя всё Крусива-та.
Хорошо-то шолъ вѣдь пиръ у ихъ навѐсели.
Красно солнышко пошло у ихъ ко западу,
Ко западу пошло да ко закату,
Всѣ на пиру тутъ напивалисе,
У его же на почестномъ наѣдалисе.
Боћатырь-отъ захвасталъ своей силушкой,
Купець-отъ захвасталъ всё свое́й золотой казной,
Умной-отъ захвасталъ ро́днымъ батюшкомъ,
Розумной-отъ захвасталъ ро́дной матушкой,
Глупой-отъ захвасталъ молодой женой,
Неразумной-отъ захвасталъ молодой сестрой.
А Крусивъ-отъ князь сидитъ, ничѣмъ не хвастаетъ.
Онъ вѣдь взялъ-то Рынду за правую за рученьку,
Онъ повёлъ ёго по своимъ по свѣтлымъ гривинамъ,
По тѣмъ-ли по полатамъ кнеженескіимъ;
Приводилъ ево во первую полату,
Ђдѣ сидѣла птиця попућай ево,
Во клѣточки сидѣла во серебреной,
Котора вѣдь говорила голосомъ человѣческимъ,
Предсказывала-то всё счастьё князю,
Предсказывала во путяхъ и во дорогахъ.
Во втору завёлъ полату кнеженеськую;
Тутъ сидѣлъ же соловей, да птиця вѣшшая;
Она пѣла ему пѣсьни всяки-разныя.
Во третью-ту завёлъ въ комнату кнеженеськую,
Ђдѣ-ка было у ево выдѣлано,
Что двѣнадцеть музыкантовъ тончёвало,
И двѣнадцеть съ нимъ да тутъ домъ же тутъ [1]).

[1]) Такъ пропѣла пѣвица. *Собир.*

Обказалъ всё богасьво всё Рынды-то,
Онъ вѣдь вы́водилъ да всё росказалъ ему;
Привёлъ въ комнату тогда ево къ родной сестрѣ,
Ко родной сестрѣ ево да ко Флоридѣ:
„Ужъ ты hой еси, родна сестра,
Ты родна сестра кнежевна!
Этотъ боhа̀тырь-этъ—Рында очунь славные.“
Онъ вѣдь жилъ-то тутъ у князя ровно полгода.
Замѣчать же сталъ Крусивъ, что очунь скучьнёй сталъ,
Очунь скучьнёй сталъ да онъ блѣдо̀й же сталъ.
Со̀звалъ однажды Крусивъ ево гулять ити;
Они долго сь нимъ въ зелёномъ саду гуляли;
Онъ вѣдь сталъ еhо тогда Крусивъ выспрашивать:
„Отчево тебѣ у насъ да нездоровитце?
Ты скучашь, навѣрно, о своей странѣ,
О своихъ ли о товарищахъ-боhа̀тыряхъ?“
—Вотъ повѣдаю тебѣ, князь, всю правду-ту,
Роскажу я тебѣ отъ всего серца усердно-то:
Нечево я у тебя въ твоёмъ городи не соскучилсэ,
Хорошо у тебя житьё твое мнѣ нравитце;
Ты во томъ же, князь, вѣдь самъ виновенъ:
Ты зачѣмъ показалъ мнѣ-ка родну́ сестру,—
Обь её-то я самъ и хвораю всегда,
Я хвораю всегда обь ей, всё блѣдёнъ же.
Тибѣ-то я желаю слово молвити,
Не желашь ли ты руки отдать родной сестрѣ?—
Тогда сталъ-то Крусивъ на свои же онъ рѣзвы́ ноги
И бралъ онъ Рынду за ручेньку за правую:
„Обожди же, Рында, я пойду сейчасъ.
Я пойду сейчасъ скажу родной сестрѣ.“
Приходилъ тогда Крусивъ скоро къ родной сестрѣ:
„Родна̀ сестра моя да моя милая!
Я пришолъ сказать тебѣ-то вѣсь нерадосьню:
Рында всё вѣдь проситъ руки твоей;
Не желашь ли ты за Рынду дакъ слати же мнѣ?“
—Ужъ ты hой еси, мой брателко родимой мой!
Что жъ боhа̀тыри вѣдь—жители невѣчныя:
Они сегодьне есь, завтро уѣдутъ-то;—
Тогда останесьсе отъ еhо сиротовать въ молодыхъ лѣтахъ.—
„Я возьму такую сь еhо клятву-то.“
—Дакъ твоя-та теперь воля,—какъ вѣдь самъ жалашь;
Я даваю на твоё роспореженьицо.—
Приходилъ тогда Крусивъ да скоро къ Рынды,
Говорилъ же онъ ему да таковы рѣчи:
„Дай же мнѣ, Рында, слово такоё боhатырьскоё—
Не уѣжжать чтобы изъ нашого города,
Не покинать чтобы тебѣ теперь родной сестрѣ.“
Далъ вѣдь Рында слово такоё съ клятвою

Не уѣжжать болѣ исъ Крусива, славна города.
Отдавалъ скоро за ево онъ родну́ сестру;
Они принесли сь её да по злату́ вѣньцу.
Онъ же жилъ сь её да ровно полгода;
Заскучалъ же онъ весьма да объ товарищахъ.
Онъ сталъ тогда просить князя Крусива,
Чтобы съѣздить тогда ему обратно къ товарышшамъ на свиданьицо.
„Какъ не выстоялъ ты, Рында, во своёмъ словѣ,
Измѣнилъ своё вѣдь слово боћатырьское!“
Заплакала тогда ево да молода жена:
„Подумай ты же, Рында,—
Оставляешь ты теперь одну сечасъ [1]);
Посьлѣ своёго ты отъѣзьдица
Ты будёшь скоро въ отцяхъ, а я въ матушкахъ.“
—Что жъ ты ћой еси, моя супруга ты!
Что премилая моя кнежевна Флорида!
Возрашшусь же я къ тому да порѣ-времецю.—
Не могла же какъ упро́сить ево молода супруга;
Нечево это онъ ей на̀ рѣчи не здаваитце,
Въ путь-дорогу онъ скоро собираитце,
Со своей же онъ супругой распрошшаитце.
Какъ она ему на прошшаньицы слово молвила:
„Ты поѣдёшь въ путь, мой дорогой супругъ,—
Ты возьми въ собою карту всё дорожную;
Бесъ карты у меня брателко не ѣзьдитъ-то.“
Не взялъ онъ у её карты дорожною;
Обонадѣялсэ онъ на свою на хитрось-ту.
Онъ пріѣхалъ-то ко князю, ко товарышшамъ;
Побылъ онъ у нихъ мясець-отъ,
Сталъ же въ путь-дорогу собиратце-то;
Онъ вѣдь спомнилъ, не забылъ супругу-ту,
Её же онъ да наказаньицо.
Онъ поѣхалъ, со товаришщеми роспростилсэ жо.
Сколько во темны́хъ лѣсахъ не ѣзьдилъ онъ.
Онъ не могъ найти себѣ пути-дороги;
Сколько не блудилъ Рында же, не ѣзьдилъ,—
Воротилсэ онъ обратно-то къ товарышшамъ.
Потужилъ же онъ, поплакалъ,—дѣлать нечево...
. . . .

(Конца не записано, хотя пѣвица знала всю старину).

---

[1]) До сихъ поръ пѣвица пѣла старину на мезенскій голосъ, а съ этого стиха она стала пѣть напѣвомъ Г. Л. Крюкова.

№. 10.

Первая поѣздка Ильи Муромца.

А зьбираитце Илеюшка, собруняитце:
Онъ сѣдлать-то, уздаё коня доброго,
Онъ накладывалъ уздицю всё тисьмяную,
Ай намётывалъ сѣдёлышко чиркальское,
Да засьтёгивалъ двѣнадцеть вси подпружины,
Ишше тѣ же подпружини чистого серебра.
Ай засьтёгивалъ двѣнадцеть вси сьпенёчики,
Ишше тѣ же шпенёчки красна золота,
Да не для-ради красы, ради крѣпосьти,
Ишше для́-ради окрѣпушки богатырскiя,
И ли для́-ради приправушки молодецкiя,
Ай булатъ-отъ-желѣзо не по́тритце,
Самохиньской-о шолкъ да у меня да не по̀рвитце,
Красно золото въ грези не поржавѣётъ.
Ишше клалъ перьву заповѣдь великую:
„Прикавать мнѣ-ка палеця боёвая
Ай во томъ же во городи во Муроми,
Не отковывать до города до Кiева“.
Ишше клалъ втору заповѣдь великую:
Приковалъ-то онъ свою сабьлю вострую
Ай во томъ же во городи во Муроми,—
Пе отковывать до города до Кiева.
Ишше клалъ третью заповѣдь великую:
Приковалъ-то онъ всю збруду богатырскую
Ко тому-то ко стремени ко булатному
Ай во томъ-то во городи во Муроми,—
Не отковывать до города до Кiева.
Только видѣли Илеюшку собираюцись,
Не видѣли поѣздоцьки Ильи Муромца;
Только видѣли—во полюшки куреву́шка вьётъ.
Да какъ ѣде де Илеюшка по чисту́ полю,
Онъ и ѣдё ко городу да ко Чижену.
Обступала кругомъ-то города Чижена
Обступала де кругомъ-то сила невѣрная.
Ишше сталъ тогды Илеюшка наворачивать
А на ту-эту силу-орду да невѣрную.
Ишше самъ говорилъ тогды таково́ слово:
„Ты просьти миня, Восподь-Боһъ во перьво́й вины:
Приковалъ-то я свою да палецю боёвую,
И клалъ-то я вѣдь заповѣдь великую
Не отковывать до города до Кiева.
Да просьти миня Восподь-Боһъ во второй вины:

Приковалъ-то я свою-ту сабьлю вострую
Ай во томъ я во городи во Муроми,—
Не отковывать до города до Кіева.
Да просьти миня Восподь-Боһъ во третьей вины:
Приковалъ-то я всю збрудушку богатырскую
Ко тому я ко стремени ко булатному,—
Не отковывать до города до Кіева.
Отвались ты, моя збрудушка богатырская
Отъ того жо ты отъ стремени отъ булатного.
Отвалилась вся вѣдь збрудушка богатырская
Отъ того-то де отъ стремени отъ булатного.
Ай берётъ тогды Илеюшка сабьлю вострую,
Ишше сталъ тогды на силушку наворачивать;
Ай присѣкъ-то онъ тотаръ всихъ до единово,
Не оставилъ онъ единого ихъ на сѣмяна,
И пріѣхалъ самъ во городъ-о во Чиженской.
Собрались мужики-ти города Чижина,
Собралисе мужики они во Божью церьковь,
Ишше сами говорили таково слово:
„Ай кого намъ вѣдь послалъ, видно, Восподи аньгела,
Видно, намъ послалъ Һосподь арханьгела,
Или руського могучого намъ богатыря?"
Говорили мужики города Чижина:
„Ужъ ты һой еси, дородьнёй ты доброй молодець!
Ты поди-тко, молодець, во Чижени царёмъ цари,
Ты поди-тко-се во Чижени хоть купчомъ слови,
Ты поди-тко-се во Чижени хошь и такъ живи".
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромець:
—Не хочу у васъ во Чижени я царёмъ царить,
Не хочу-ли я во Чижени купчомъ жа слыть,
Не хочу я во Чижени у васъ такъ я жить;
То скажите про дорожку прямоѣжжую,
Ай куда же мьнѣ-ка ѣхать въ красёнъ Кіевъ-градъ?—
Говорили мужики-ти города Чижена:
„Ай окольня-та дорога ѣхать будё три года,
Прямоѣжжа-та дорога ѣхать—три мѣсеца.
Ишше есь только три заставушки великія:
Ишше перьва-та заставушка—лѣсы тёмныя,
Ай втора-та вѣдь заставушка—грязи чѐрныя;
Ишше третья есь заставушка очунь великая:
Ишше есь только рѣченька Смородина,
А у рѣченьки есь Соло́вьюшко Рахма̀нистой [1]);
Ай сидитъ Соловей на девети дубахъ;
Ай не конному, не пѣшому тутъ проходу нѣтъ,
Нѣтъ—не ясному-ту соколу пролѐту нѣтъ,

[1]) Во второй разъ пѣвецъ пропѣлъ такъ:
«Дальше есь Соловеюшко да Рохманистой».

Ай по руському богáтырю проѣ́зду нѣтъ“.
Говорилъ восударь тогды во второй наконъ,
Говорилъ восударь Илья во третéй наконъ:
—Вы скажите, мужики города, брюшинники,
Ай куда же мьнѣ-ка ѣхать въ красёнъ Кіевъ-градъ?—
Говорили мужики ёму во второй наконъ,
Говорили мужики ёму во третéй наконъ:
„Тутъ кругомъ ѣхать дорожка будё три года,
Прямоѣжжая дорожка ѣхать—три вѣдь мѣсеца;
Только есь три заставушки очунь великія:
Ише перьва заставушка—лѣсы тéмныя,
Ай втора-та заставушка—грези чéрныя;
Ише третья-та заставушка очунь великая—
Только есь Соловеюшко Рохманистой“.
Да Илеюшки пришло тогды дѣлать ёму нечево;
Ай поѣхалъ по дорожки прямоѣжжія.
Да пріѣхалъ де Илеюшка ко темны́мъ лѣсамъ,
Сошолъ-то Илеюшка со добрá коня;
Ише лѣвой-то рукой онъ вѣдь коня ведётъ,
Ише правою рукой онъ дýбье рвё,
Онъ дубье-то рвё, тольки тутъ мось мосьтитъ,
Да проѣхалъ ту заставушку тёмны-дремучія,
Онъ проѣхалъ де вѣдь грязи онъ какъ чёрныя.
Ай скакалъ скорѣ Илеюшка на добрá коня,
Да какъ ѣдё онъ ко рѣченьки ко Смородины:
Черезъ рѣчкý нѣту мелкого переброду же,
Ище нѣту какъ вѣдь узкого перескоку же;
Только есь черезъ рѣченьку калиновъ мосъ.
У того же вѣдь у мосьтика у калинова
Ай сидѣлъ Соловеюшко Рохманистой,
Ай сидѣлъ Солóвéюшко на девети дубахъ.
Зашипѣлъ Соловеюшко позьмѣиному,
Закрычалъ Соловей побогатырьскому,
Заревѣлъ онъ, засьвисьтѣлъ посоловьиному;—
Ише мать сыра земьля подъ имъ потрясаласе;
Подъ Илеюшкой конь подъ имъ потыкаитце.
Онъ выдéрьгивалъ втипоръ плётку семишолкову,
Ай сьтегалъ де онъ коня да по крутымъ бедрамъ:
„Ужъ и волчья ты сыть да травяной мѣшокъ!
Не слыхалъ разьвѣ сьвисту ты соловьего,
Не слыхалъ ли шипотку вѣрно зьмѣиново,
Не слыхалъ разьвѣ рёву да зьвѣриново,
Не слыхалъ разьвѣ крыку-ту богатырсково?“
Да отковывалъ Илеюшка тугой лукъ розрывчивой;
Ай кладётъ свою стрѣлочку калёную,
Да ко стрѣлоц(ч)ьки своей онъ приговаривалъ:
„Ужъ и стрѣлочька, стрѣла моя калёная!
Ты не падай, моя стрѣлочка калёная,

Ай не нà воду пади-тко-се, стрѣла, не нà земьлю,
Ай пади-тко-се Солóвьюшку, стрѣла, во правой глазъ".
Полетѣла де ёго стрѣла калёная,
Ай не нà воду-ту пала она, и не нà землю,
Только пала де Солóвьюшку она во правой глазъ;
Полетѣлъ Соловей со девети дубовъ,
Упалъ Соловей-отъ на сыру землю.
Приковалъ ёго ко стремени ко булатному,
Онъ повёзъ Соловеюшка во Кіевъ-градъ.
Да какъ ѣде по мосточку по калинову,—
Увидали у Соловьюшка дочери любимыя;
Ай больша-та говорила: „ѣдё у насъ батюшко,
Ише батюшко-то ѣдё, мужика везётъ".
Говорила какъ дочерь-та середьняя:
„Ише батюшко-то ѣде, мужика везётъ".
Говорила меньша дочь да таково слово:
„Ай мужикъ-отъ ѣдётъ, везё батюшка".
Да больша дочь вѣдь хватила подворотину,
Ай середьня-та хватила коромысьличо,
Ай меньша дочь хватила да помёлышко,
Ай бѣжа къ восударю-ту къ Ильи Муромцу.
Говорилъ Соловеюшко да Рохманистой:
„Вы не троньте-ткось, любимыя мои дочери,
Не гнѣвите богатырьского ретивà сердца;
Толь подите вы берите телѣгу красна золота,
Ай другу-ту вы берите чистого серебра,
Ише третью вы тените скатного жемчугу,
Ай тените вы во городъ-отъ во Кіевъ-градъ,
Выкупайте вы отца своего, да родителя".
Да какъ ѣдё восударь-отъ Илья Муромець,
Онъ ко городу ѣдё Кіёву не дорогою,
Ай во городъ заѣжжаё не воротами,
Конь скакалъ черс-сьтѣну городóвую,
Мимо ту же круглу башню наугольнюю,
Да какъ ѣде де ко Владимёру прямо на широкой дворъ,
Онъ мечотъ коня самъ середи двора,
Не привязана-та мечотъ да не приказана,
Не россѣдлана онъ мечотъ, не розуздана,
Онъ идё тогды во-въ гирьню-ту княжонефьскую.
Ише втѣпоры Владимёра въ доми не случилосе:
Да уѣхалъ де Владимёръ-отъ во Божью церьковь,
Онъ уѣхалъ де къ обѣденки къ воскрисеньскія.
Да Илеюшка пошолъ тогды въ церьковь во Божью же онъ
Ай ко той же къ обѣдёнки къ воскрисеньскія.
Да приходитъ де Илеюшка во Божью церьковь,
Онъ крес̀ъ тогды кладётъ самъ пописанному,
Ай поклонъ ведётъ Илеюшка поучёному,
Ише молитце онъ чуднымъ óбразамъ;

Ишше самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Ужъ вы здрасвуйте, попы, отцы духовныя,
Ужъ вы здрасвуйте, народъ, вси люди православныя!“
Да гледятъ де попы, отцы духовныя,
Ай гледятъ-то весь народъ, люди православныя,—
Ай не знаютъ де дородьнёго добра молодца.
Ай Владимёръ-оть стоялъ тогды во Божьё церквы.
Ай прошла-то де обѣдьня воскресеньская,—
Подошолъ де Владимёръ стольнё-кіевской:
„Ужъ ты здрасвуй, дородьнёй добрый молодецъ!
Добро жаловать ко мьнѣ жа ты хлѣба-соли ись,
Хлѣба-соли ко мьнѣ ись-то, вина съ мёдомъ пить!“
Говорилъ же восударь-отъ Илья Муромечъ:
—Ужъ ты здрасвуй, Владимёръ стольнёй кіевской!
Я пріѣхалъ вѣдь къ тебѣ прямо на широкой дворъ—
Да пріѣхали они тогды изъ Божьёй церьквы.
И зашли они во-въ гирьню-ту ко Владимеру,
Ишше стали пировать они съ Илеюшкой.
Собрались тогда князя, вси богàтыри.
Говорилъ де Владимеръ-отъ таково́ слово:
„Ужъ ты вой еси, дородьнёй доброй молодецъ!
Ты какого же города, какой земли,
Ай какого сынъ отца ты, какой матери,
Ишше какъ молодцà тебя именёмъ зовутъ,
Ишше какъ зьвеличають тебя да изъ отечества?“
Говорилъ жо восударь тогды Илья Муромець:
—Ужъ я ѣжжу отъ города отъ Мурома,
И миня-то зовутъ-то Илья Муромець,
Илья Муромець я вѣдь сынъ Ивановичъ.—
Говорилъ тогды Владимёръ таково слово:
„Ты давно ты вѣдь изъ города изъ Мурома,
Ты куды къ ѣхалъ во городъ-отъ во Кіевъ-градъ?“
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромець:
—Я поѣхалъ де изъ города изъ Мурома,—
Зазвонили де заутрени ран-воскресеньскія,
Ай засталъ вашу обѣдёнку воскресеньскую.
Ужъ я ѣхалъ по дорожки прямоѣжжія.—
Говорили тутъ вѣдь князи, думныя бояра;
„Ужъ ты ꙇой еси, Владимёръ стольнёй кіевской!
Ай не быть де восударю-ту Ильи Муромцу,
Только быть мужичонышку ему засельшина,
Ай засельшина мужикъ дуракъ-деревеньшина!
Ай пустымъ-то де дѣтинушка похваляитце,—
Ишшо какъ скоро пріѣхалъ изъ города изъ Мурома.
Вѣдь какъ есть три заставушки очунь великія
Ай на той на дорожки прямоѣжжія:
Ай какъ есь вѣдь застава—лѣсы тёмныя,
Ай втора-та заставушка—грези чёрныя;

Только третья-та заставушка очунь великая—
Вѣдь какъ есь Соловеюшко Рохманистой;
Ай сидитъ Соловей на девети дубахъ“.
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромецъ:
—Ужъ вы вой еси, боеришка вы брюшинники!
Вы сходите-тко подите на широкой дворъ:
Привезёнъ Соловеюшко у мня Рохманистой,
Ай прикованъ онъ ко стремени булатному,—
Да пошли они тогда на широкой дворъ;
Ай сидитъ Соловеюшко на добро́мъ кони,
Ай прикованъ онъ ко стремени булатному.
Говорили тогды князи-ти вси бо́яра:
„Ужъ ты вой еси, Соловеюшко Рохманистой!
Посьвисьти-тко, Соловей, ты посоло́вьёму,
Пошипитко-тко, Соловеюшко, позьмѣиному,
Пореви-тко, Соловеюшко, позьвѣриному,
Покричи-тко, Соловей, ты побогатырьскому“.
Отвѣчалъ Соловеюшко Рохманистой:
—Ужъ вы вой еси, вы князи, думныя бояра!
Ай не ваше пью я, кушаю,—не васъ слушаю;
Ужъ и чьё-то и пью, ѣмъ, того слушаю.—
Говорилъ тогды Владимёръ-отъ стольнёй кіевской:
„Ужъ ты вой еси, восударь ты Илья Муромецъ!
Ты вели-тко посьвистѣть ёму посоловьему,
Ай вели-тко пошипѣть ёму позьмѣиному,
Ай вели-тко поревсть ёму позьвѣриному,
Ай вели-тко покрычать побогатырскому“.
Засьвисьтѣлъ Соловей тогды посоловьему,
Заревѣлъ Соловей тогды позьвѣриному,
Зашипѣлъ Соловеюшко позьмѣиному,
Закричалъ Соловей побоһатырскому
Ай упали тогды князи вси, думны бояра,
Ай упалъ тогды Владимёръ стольнёй кіевской.
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромецъ,
Ишше у́нёлъ де Соловеюшка да Рохманиста.
Ай повѣрили князи-ти, думны бояре,
Што какъ вѣрно һосударь-отъ Ильи Мурвмечъ.
Да во ту же де во порушку и во то время
Ай пришли де Соловея родны дочери,
Притяпули де телѣжку красного золота,
Ай другу же притянули чистаго серебра,
Ишше третью притянули скатного жемчугу,
Да какъ выкупили отца они родителя [1]).
Ай уѣхалъ Соловей въ своё те́плое гнѣздышко,
Ай не сталъ больше сидѣть на девяти дубахъ.

---

[1]) По словамъ пѣвца, деньги эти были положены въ монастырь.

№. 11.

Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ.

Ай во томъ во городи во Резанюшки.
Доселѣва Резань-то слободой слыла,
Нонѣче Резань-то словё городомъ.
Во той во Резанюшки во городи
Жилъ былъ Микитушка Романовичъ.
Живучи́сь, братцы, Микитушка соста́рилсэ,
Состарилсэ Микитушка, самъ представилсэ.
Ище жилъ-то Микита шесьдесятъ годовъ.
Снёсъ де Микита шесьдесятъ боёвъ,
Ипше срывосьнихъ, урывосьнихъ цисла-сме́ту нѣтъ,
Оставалась у Микиты любима̀ семья,
Ай люби́ма семья-та—молода жена,
Молодыя Омельфа Тимоѳеевна;
Оставалось у Микиты чадо милое.
Милоё чадышко любимое,
Молодыя Добрынюшка Никитиць сынъ.
Осталсэ Добрыня не на возросьти,
Ка-быть ясной-оть соколъ не на возьлети,
И осталсэ Добрынюшка, пети-шти лѣтъ.
Да возросъ де Добрыня-та дьвѣнадцеть лѣтъ.
Изучилсэ Добрынюшка вострой грамотѣ,
Научилсэ Добрынюшка да боротисе,
Ишшо масьтёръ Микитичъ а круто́й метать,
На бѣлы-ти ручки не прихватывать.
Шьто пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всимъ городамъ, по всимъ украинамъ,
По тѣмъ-то ордамъ по татаровьямъ;
Доходила эта славушка великая
Ай до славного города до Мурома,
До стары́ казака-та Ильи Муромца,—
Што масьтёръ Добрынюшка боротисе,
А крутой де метать на сыру землю;
Ипше нѣту такова̀ борца по всей земли.
Сталъ тогды Илеюшка собиратисе,
Ипше сталъ тогды Илеюшка собрунятисе
Ай на ту-эту на славушку великую,
На того же на борьца на пріуда̀лово.
Онъ сѣдлалъ, уздалъ тогда коня добраго,
Ай накладывалъ узди́цю-ту тесьмяную,
Ай намётывалъ сѣдёлышко чиркальское,
Да засьтёгивалъ двѣнадцеть вси подпружины.
Засьтёгивалъ двѣнадцеть вси сьпепёчики;
Ай подпружяны-ти были ц(ч)иста се́ребра,

Да сьпепёчки-ти были красного золота.
И самъ тогды сталъ збруды приговаривать:
„Булатъ-желѣзо не пòгнитце,
Самохи́ньской-о шолкъ самъ не порвитце,
Ише красно-то золото въ грязи не ржавѣётъ“.
Только видѣли Илеюшку собираючись,
Не видѣли поѣздочки Ильи Муромца;
Только видѣли—во поли куреву́шка вьётъ.
Онъ здраво-то ѣхалъ полё чистое,
И здраво-то ѣхалъ лѣсы тёмныя,
И здраво-то ѣхалъ грязи чёрныя.
Ишше ѣде ко Резанюшки ко городу;
Ко городу ѣхалъ не дорогою,
Во городъ заѣжжаё не воротами,—
Конь скакалъ же чере-сьтѣну городовую,
Мимо ту же круглу башню наугольнюю.
Ишше самъ жа говорилъ тогда таковò слово:
„Ай доселѣва Резань-то слободой слыла,
И нонѣче Резань-то слывётъ городомъ“.
Увидалъ-то онъ маленькихъ рибятушокъ,
И самъ говорилъ имъ таково слово:
„И скажите вы, живётъ гдѣ-ка Добрынюшка?“
Доводили до Добрынина широка двора:
У Добрынюшки дворъ былъ неогрòмистой.
Ай подворьицо-то было необширное.
Да кричалъ-то онъ, зычалъ зычьнимъ голосомъ,
Ай во всю жа богатырску буйну головушку;
Ишше мать сыра земьля подъ имъ потрясаласе,
Ай Добрынина избушка пошатиласе,
Ставники въ его окошкахъ помиту́сились [1]),
Стёколенки въ окошкахъ пошорбалисе.
„Эли въ доми Добрынюшка Микитицъ сынъ?“
Услыхала де Омельфа Тимоѳеевна,
Отпирала де окошочко косищчато
И рѣць говорила потихошеньку,
Да сама жа говорила таково слово:
—Ужъ и здрасвуй, восударь ты да Илья Муромецъ!
Добро жаловать ко мьнѣ-ка хлѣба, соли ѣсь,
Хлѣба, соли ко мнѣ ись, вина съ мёдомъ пить.—
Говорилъ восударь тогды Илья Муромецъ:
„Ише какъ меня знашь, вдова, ты имянёмъ зовёшь,
Почому же ты меня знашь изъ отечесьтва?“
Говорила Омельфа Тимоѳеевна.
—И знать-то вѣдь сокола по вылету,—
Ише знать-то богатыря по выѣзду,
Ише знать молодца-ли по поступочки.—

[1]) Т. е. рамы скривились.

Да немного де Илеюшка розговаривалъ;
Ишше рѣчь говоритъ—коня поворачиватъ.
Говорила де Омельфа Тимоѳеевна:
—Ужъ ты гой есь, восударь ты Илья Муромецъ!
Ты не буди ты спальчивъ, буди милосьливъ:
Ты наѣдёшь какъ Добрынюшку па чисто̀мъ поли,—
Не сруби-тко у Добрынюшки буйно̀й головушки;
Добрынюшка у миня вѣдь молодёшенёкъ,
На рѣчахъ у мьня Добрынюшка зашибчивой,
На дѣлахъ у мьня Добрыня неуступчивой.—
Да поѣхаль восударь тогды во чисто̀ полё.
Онъ выѣхалъ на шо̀ломя на окатисто [1]),
На окатисто-то шоломя на уго̀ристо̀,
Да увидѣлъ подъ восточнѣй подъ сторопочкой—
Ише ѣзьдитъ дородьней доброй молодецъ,
Потѣхаитце потѣхами весёлыма:
Ише мечотъ свою палецю боёвую,
Да на бѣлы-ти ручоньки прихватывалъ,
Ай ко палеци своей самъ приговаривалъ:
„Ужъ ты палеця, палеця боёвая!
Ишше нѣту мьнѣ топере поединщика,
Ишше руського могучого боһа̀тыря“.
Говорилъ восударь тогды Илья Муромецъ:
—Ужъ тѣ полно, молоде́цъ, ѣздить, потѣхатисе,
Небылыма словами похвалятисе!
Ужъ мы съѣдимсе съ тобой на̀ поли, побратаимсе,
Ай кому-то де на̀ поли будё Божья̀ помошшь“.
Услыхалъ во Добрынюшка Микитицъ сынъ,
Ото сна будто Добрынюшка пробуждаитце,
Поворачивалъ своёго коня доброво.
А какъ сьѣхались боһа́тыри на чисто̀мъ поли,
Ай ударились они палецьми боёвыма,
И другъ дружки сами они не ранили
И нѐ дали раны къ ретиву̀ сердцу.
Какъ тутъ сьѣхались во второй пакопъ,
Ай ударились они саблеми-ти вострыма,
Они другъ дружки сами не ранили,
Ишше нѐ дали раны къ ретиву̀ серцу.
А какъ сьѣхались боһа̀тыри во третьей накопъ.
Ударились вѣдь копьеми бурзомецькима.
Ище другъ-то дружки сами не ранили,
Ишше нѐ дали раны къ ретиву серцу,
Только сабли у ихъ въ рукахъ поломалисе.
Да скакали чересъ гривы-ти лошадиныя,
Ай схватилисе боһа̀тыри большимъ боёмъ,
Ай большимъ-то боёмъ да рукопашосьнимъ,

[1]) Т. е. крутой холмъ.

Да водилисе боһатыри по перьвой часъ,
Да водилисе боһатыри по втòрой часъ,
Ай водилисе боһатыри ровно три часа.
Да по Божью было всё по милости,
По Добрынюшкиной было да по учесьти:
Подвернулась у Илеюшки права пожочка,
Ослабла у Илеюшки лѣва ручушка;
Ишше палъ-то Илеюшка на сыру землю;
Ишше сѣлъ тогды Добрыня на бѣлы́ груди,
Самъ онъ говорилъ ёму таково слово:
„Ужъ ты вой еси, дородьнёй добрый молодець!
Ужъ ты кóёго города, какой земли,
Какого сынъ отца ты, какой матери,
И какъ молодца тибя именёмъ зовутъ,
Ишше какъ зьвеличаютъ изъ отечесьтва?“
Говоритъ восударь-о Илья Муромець:
—Ай сидѣлъ-отъ кабы я у тя на бѣлы́хъ грудяхъ,
Не спросилъ бы я не родины, не вотчины,
А споролъ бы я твои да груди бѣлыя,
Досмотрилъ бы я твоёго ретивá сердца.—
Говорилъ де Добрынюшка во второй наконъ;
Говорилъ тогды Микитичъ во третёй наконъ;
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромець:
—Ужъ какъ ѣжжу я изъ города изъ Кіева,
Ай стары́й де я казакъ-тотъ Илья Муромець,
Илья Муромець я вѣдь сынъ Ивановичъ.—
Да скакалъ тогды Добрынюшка со бѣлы́хъ грудей,
Берё де Илеюшку за бѣлы́ руки,
Ай чёлуё въ уста-ти во сахáрныя:
„Ты просьти миня, Илеюшка, въ таковой вины,
Шьто сидѣлъ у тебя да на бѣлы́хъ грудяхъ!“
Ишше тутъ де братаны-ти поназванелись,
Ай крестами-ти сами они покрестовались;
Ай Илеюшка-то былъ тогды вѣдь бóльшій братъ,
Ай Добрынюшка-то былъ тогды а мéньшій братъ.
Да скакали вѣдь они на добры́хъ коней,
Ай поѣхали братаны они въ Резань-городъ
Ай ко той они ко Добрыниной родной матушки.
Да стрѣчёётъ ихъ Омельфа Тимоѳесевна.
Пріѣхали братаны исъ чистá поля,
Они пьютъ-то тогда сами, проклаждаютце.
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромечь:
„Ужъ ты вой еси, Омельфа Тимоѳеевна!
Ты спусьти-тко-се Добрынюшку Микитица,
Ты спусьти-тко ёго ты да въ красенъ Кіевъ-градъ“.
Да поѣхали братаны въ красёнъ Кіевъ-градъ,
А къ тому же де князю ко Владимёру.

№. 12.

Добрыня и Змѣя.
Неудавшаяся женитьба Алеши.

Да во славномъ во городи во Кіеви,
Э у ласко̀ва князя у Владимёра
Заводилась пирушочка, почесёнъ пиръ
Што на многихъ князьей, на думныхъ бо̀яровъ,
Што на руськихъ могучихъ на бога̀тырей,
Што на тѣхъ поленúцъ на пріуда́лыя,
Ай па тѣхъ па каза́ковъ па-задонскія,
Ай на тѣхъ на бурла́ковъ на москофьскія,
Да на тѣхъ хресьянушокъ прожитосьнихъ.
Красно солнышко катúтце ко западу,
Ай ко западу солнышко, ко закату;
Ю Владимёра пиръ идётъ на радосьти.
И всѣ на пиру, братцы, сидя, пьютъ, ѣдя,
И всѣ на пиру-ту сидя, кушаютъ,
Ище бѣленьку лебёдушку они рушаютъ;
И всѣ на пиру сидя приросхвастались:
Иной сидитъ хвастатъ золотой казной,
А иной сидитъ хвастатъ широкúмъ дворомъ,
А иной сидитъ хвастаётъ добры́мъ конёмъ,
Сидитъ глупой-о хвастатъ моло̀дой женой,
Неразумной-о хвастаётъ родной сестрой.
Што Владимеръ-князь по гирьнюшки похаживатъ,
Онъ жолтыма куде́рцеми натрясыватъ,
Ишше самъ говорилъ онъ таково́ слово:
„Ужъ и вой есп, вы, князи, думныя бо̀яра!
Эли руськи могучія бога́тыри,
И тѣ поленúци преуда̀лыя,
И тѣ же вы каза̀ки всѣ задоньскія,
И тѣ же вы бурла̀ки всѣ москофьскія,
Ишше тѣ же вы хресьянушки прожитосьни!
Ишше съѣзьдили бы хто минѣ-ка на Пучай-рѣку,
Ай привёзъ бы хто сьвѣжо́й воды ключо̀выя
Ишше мнѣ-ка со княгинею да умытисе“.
Отъ большого боярина отьвѣту нѣтъ.
Говорилъ-то Владимёръ во второй наконъ.
Говорилъ-то князь Владимёръ во третéй наконъ.
Всё какъ бо́льшой хоронитце за средьнего,
И средьняй хоронитце за ме́ньшого,
Отъ меньшого боéрина отьвѣту нѣтъ.
Изъ-за то̀го-ли стола изъ-за окольнево,
Ай со той со скамейки бѣлодубою

Ай выходитъ дородьнёй доброй молодець,
Молодѝя Добрынюшка Микитиць сынъ.
Подьвигаитце Добрынюшка близёшенько,
Поклоняитце Микитиць самъ низёшенько,
И рѣци говорилъ самъ потихошеньку:
„Ужъ и красноё солнышко, Владимёръ-князь!
Благослови мнѣ-ка, Владимёръ, слово вымолвить,
Не моги-тко за слово головы сказнить,
Ты моги-тко-се миня же всё помиловать“.
Говорилъ ёму Владимёръ стольнёй кіевской:
—Говори-тко, Добрыня, што тѣ надобно.—
Говорилъ тогды Добрынюшка да Микитиць сынъ:
„Ужъ и сьѣжжу вѣдь я вѣрно на Пучай-рѣкў,
Привезу тебѣ сьвѣжой воды ключовыя
Ай тебѣ со кнегиною да умытисе“.
Ище эти рѣчи Владимёру во люби пришли,
Во люби ёму пришли, очунь поглянулисе.
Записали они записи великія,
Закрѣпили они князёмъ-то Владимеромъ.
Да немного де Добрыня сталъ разговаривать;
Онъ и крестъ-о кладё announ,
Ай поклонъ ведё Добрынюшка поучёному,
Ише кланеитце Спасу Пречистому,
Ище тутъ де какъ Божьею Богородицы,
Ишше самъ говорилъ тогды таково слово:
„Ты прошшай-ко-се, Владимёръ стольнёй кіевской,
Ты прошшай же Опраксея Королевисьня,
Ай прошшайте, весь народъ, люди православныя!
Хорошу я себѣ шуточку нашучивалъ:
Ишше ета шуточка менѣ-ка съ рукъ сойдѐтъ?“
Да пошолъ де Добрынюшка къ широкў двору,
Ай заходитъ онъ во задьню свою горьницу,
Ай сидитъ-то Добрынюшка на ременьцятъ стулъ;
Посвѣсилъ онъ свою буйну головушку,
Ай потўпилъ онъ свои тогды очи ясныя
Ай во ту же де во сёреду во кирписьнюю.
Да приходитъ де къ ёму родная матушка,
Молодѝя де Омельфа Тимоѳеевна,
Да сама же говорила таково слово:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка Микитицъ сынъ!
Ишше што же ты сь пиру пришолъ нерадосенъ?
Разьвѣ мѣсто на пиру было не по родины,
Разьвѣ старой кто надъ тобой изьѣжжаитце,
Эли младъ хто надъ тобой насьмѣхаитце,
Или винной чарой-чашой тебя о́бнесьли?“
Говорилъ тогды Добрынюшка Микитиць сынъ:
—Ишше мѣсто на пиру было́ по родины,
Не старой надо мной изьѣжжаитце,

Ай не младъ надо мной не насьмѣхаитце,
Ай не винною чарой-чашой мпня не обнесьли;
Хорошу-ту я вѣдь шуточку нашучивалъ:
Ипше какъ ета шуточка мьнѣ-ка съ рукъ сойдетъ?
Похфалилсэ я вѣдь князю-ту Владимёру
Ужъ и съѣзьдить-то я всё на Пучай-рѣку,
Привесьти ему сьвѣжой воды ключовою—
„Ипше мьнѣ-ка со кнегиною умытисе".—
Говорила де Омельфа Тимоѳеёвна:
„На рѣчахъ у мьня, Добрынюшка, ты зашибчивой,
На дѣлахъ ты, Добрыня, неуступчивой.
Ипше былъ-то у тебя отець, родной батюшко,
Ай не сьмѣлъ-то онъ вѣдь ѣхать на Пучай-рѣку:
Ай на той же вѣдь па рѣчиньки, на Пучай-рѣки
Ай летать зьмѣя бьлеть Сорочиньская,
Ай берётъ она народъ да православныя
Да уноситъ на горы Сорочиньскія,
Она корьмитъ своимъ малымъ зьмѣёнышамъ.
Говорилъ тогды Добрынюшка Микитиць сынъ:
—Ужъ ты гой еси, моя да родна матушка!
Ай уѣду я Добрынюшка на Пучай-рѣку,
Не пройдётъ-то мьнѣ Добрыни ровно шесть годовъ,
Ай минуитце Микитичю дьвѣнадцеть лѣтъ,—
Што пеките вы поминки вѣковѣсьнія,
Посылайте по церьквамъ да по манастырямъ,
Поминайте вы Добрынюшку вѣковѣсьнего.—
Говорила де Омельфа Тимоѳеевна:
„Ай прiѣдёшь, Добрынюшка, на Пучай-рѣку,
Не плавай ты, Добрынюшка, на Пучай-рѣкй,—
Прилетитъ тогды зьмѣя бьлеть Сорочиньская,
Заберё тебя, Добрынюшку, въ больши хоботы,
Унесё тебя на горы Сорочиньскія,
То какъ скорьмитъ своимъ малымъ зьмѣёнышамъ".
Говорилъ тогды Добрынюшка Микитиць сынъ:
„Ужъ ты вой еси, моя ты молода жена!
Ужъ и буду я топерь тебѣ наказывать,
Ай исполни моё фсё приказаньицо:
Не прiѣду я, Добрынюшка, во дьвѣнадцеть лѣтъ,
Ипше станутъ на тобѣ женихи-ти свататце,—
Не ходи-тко-се ты не за кого замужъ,
Не за князя не ходи, не за боярина,
Не за руського могучого богатыря,
Не за купчика нейди, госьтя торгового;
Какъ посватаитце Олёшенька Поповиць сынъ,—
Ты поди-тко за Олёшу-ту за ёво замужъ".
Ипше сталъ тогды Добрынюшка собиратисе;
Онъ сѣдлатъ де, уздатъ тогды коня доброво.
Только видѣли Добрыню собираючись,

Ай не видѣли поѣздочьки Микитица;
Только видѣли—во полюшки курéвушка вьётъ.
Да ка здраво-то онъ ѣхалъ полё чистое,
Ишше здраво-то онъ ѣхалъ лѣсы тёмныя,
Ишше здраво-то онъ ѣхалъ грéзи чёрныя.
Ишше здраво онъ сталъ тогда на Пучай-рѣкý;
Розоставилъ онъ бѣлóй шатёръ полòтьняной.
Ай живётъ тогды Добрынюшка во бѣлóмъ шатри,
Ай стрѣлятъ-то онъ гусей да бѣлыхъ лéбедей,
Ишше тѣхъ жа пернастыхъ сѣрыхъ утицей.
Захотѣлосе Добрынюшки покупатисе;
Ай забылъ-то материньское накàзаньё.
Скинывáётъ онъ своё да платьё чьвѣтное,
Ай кладётъ да свою збрудушку богатырскую,
Ай кладётъ тогды Добрынюшка подъ сырой дубъ;
Ишше сталъ тогды Добрынюшка да купатисе,
Ишше пóплылъ Добрынюшка на перьвý струю;
Показалосе Добрынюшки—струя мелка,
Ай струя ёму мелка-та и вода лекка;
Да какъ выплылъ Добрынюшка на шесту струю,
Показалосе Добрынюшки—струя мелка,
Ай струя ёму мелка-та да какъ вода лекка;
Да какъ выплылъ Добрынюшка на дьвѣнадцеть струй,
Ай тогды-то вѣдь, во ту пору да во то время
Налетѣла де зьмѣя-та Сорочиньская,
Ай сама жа говорила таково слово:
„Ужъ ты ѣой еси, Добрынюшка Микитицъ сынъ!
Заберу тебя, Добрыня, въ свои хоботы,
Унесу тебя, Добрыню, на горы Сорочиньскія
Да скормлю тебя своимъ малымъ зьмѣёнышамъ“.
Да Добрынюшки пришло тогды дѣлать нечево.
Ишше масьтёръ Добрынюшка былъ ныркомъ ходить;
Унырнулъ тогды Добрынюшка на дьвѣнадцеть струй,
Ишше вынырнулъ Добрынюшка на шестой струи;
Унырнулъ тогды Добрынюшка на шестой струи,
Ишше вынырнулъ Добрынюшка платья у чвѣтново,
Ишше выскочилъ Добрынюшка на крутёхонько,
Одѣвалъ-то вѣдь своё платье чвѣтное,
Да берё тогды Добрыня сабьлю вострую.
Налетѣла де зьмѣя бьлеть Сорочиньская,
Ишше хочё забрать въ свои больши хоботы.
Ишше сталъ тогды Добрыня саблёй помахивать,
Ай отьсѣкъ-то у зьмѣи шесь большихъ хоботовъ;
Ишше пала де зьмѣя тогды на сыру земьлю,
Ай сама же говорила таково слово:
„Ты спусьти миня, Добрынюшка Микитицъ сынъ;
Ай не стану я летать больше на сьвятую Русь,
Ай не стану я носить народу православного“.

Да спусьтилъ тогды Добрыня зьмѣю безбожницу.
Улетѣла де зьмѣя на горы Сорочиньскія.
Да живё тогды Добрынюшка во бѣлòмъ шатрѝ.
И прошло тогды Добрынюшки вѣрно шесь годовъ,
Миновалосе Добрынюшки дьвѣнадцеть лѣтъ.
Ишше сталъ тогды Добрынюшка собиратисе;
Онъ берё тогды сьвѣжòй воды ключовыя,
Отправляитце во городъ онъ во Кіевъ-градъ;
Лёкко, скоро самъ онъ скачетъ на добрá коня,
Ай поѣхалъ де Добрынюшка въ красёнъ Кіевъ-градъ.
Онъ ѣдё съ утра день весь до вечера,
Состыгала де Добрынюшку тёмнàя ночь;
Розоставливалъ Добрынюшка бѣлóй шатёръ,
Ай лёжилсэ Добрынюшка опочивъ держать.
Воcподь ноць тогды пронёсъ, да Воcподь дéнь даётъ.
Да выходитъ Добрынюшка изь бѣлá шатра.
По восходу-ту какъ было соньчя красного,
Ай не бѣла тогды лебёдушка воскѝкала,
Ишше красна тогды дѣвушка да восплакала:
„Охьте мьнѣ-чки, хьте мьнѣ-чки тошнёхонько!
Ты коса же, ты моя да коса русая!
Не досталась ты, моя же коса русая,
Не за князя ты досталась, не за боярина,
Не за руського могучого за богáтыря,
Не за добра купьча, госьтя торговоhо;
Ты досталась жа, моя да коса русая,
Ишше тѣмъ жа мáлымъ-малы́мъ зьмѣёнышамъ,
Доставалась ты, моя коса, на ростáрзанье.
Кабы былъ у мьня брáтелко названыя.
Ай названыя вѣдь брателко крестовыя,
Молоды, братцы, Добрынюшка Микитицъ сынъ,
То бы нé далъ бы миня всё на ростáрзанье“.
Услыхалъ тогды Добрынюшка Микитицъ сынъ;
Да ретѝво ёго серцо тогды розьерилосе,
Ай гореча-та вь ёмъ кровь всё роскипѣласе,
Лѣпета-та во лици перемѣниласе;
Лёкко, скоро онъ де скачетъ на добра коня,
Ай поѣхалъ де Добрыня къ горамъ Сорочиньскіимъ;
Да пріѣхалъ онъ къ горы Сорочиньскія,
Привязалъ-то онъ своего коня доброво,
Ай полѣсъ тогды на горы Сорочиньскія,
Онъ и вылѣзъ де на горы Сорочиньскія,
Да идё де ко зьмѣину тёплу гнѣздышку;
Во гнѣзьди сидитъ какъ красна дѣвушка,
Молодáя Олёнушка какъ Митревна,
Ай любима де Владимёра племянница;
Да какъ пьютъ де зьмѣёныши ею̀ да горячу кровь;
Да едва у ей душа въ тѣли полу́днуётъ.

Ише втѣпоры вынималъ изъ гнѣздышка зьмѣиново;
Да берё тогды свою да сабьлю вострую,
Онъ отсѣкъ у зьмѣи дьвѣнадцеть хоботы,
Вдостали́ отсѣкъ у ей буйну́ головушку;
Да зажогъ тогды зьмѣино тёпло гнѣздышко,
Ай сожогъ тогды всѣхъ зьмѣёнышовъ до́ единого,
Не оставилъ онъ ихъ не единого на сѣмяна.
Да берё тогды Олёнушку за бѣлы́ руки,
Ай понёсъ-то де со горы со Сорочиньскія;
Ай приходитъ де Добрынюшка ко добру коню,
Лёкко, скоро де онъ скаче на добра коня,
Ай Олёнушку садилъ онъ позади собя,
Да поѣхалъ де Добрыня въ красёнъ Кіевъ-градъ.
Не доѣхалъ онъ до города до Кіева,—
Ише стрѣтилась калика перехожая.
Говорилъ тогды Добрынюшка Микитиць сынъ:
„Ужъ и здрасвуй, калика перехожая!
Ты откуль идёшь, калика, куда путь лежитъ?“
Говорила де калика перехожая:
—Да иду-ли я изъ города исъ Кіева,
Ай пошла де я ко кресту Клядовидову.—
Говорилъ тогды Добрынюшка Микитиць сынъ:
„Ише што де во Кіеви теперь дѣитце?“
Говорила де калика перехожая:
—Ай топерече во Кіеви не постарому,
Не постарому во Кіеви, не попрежному:
Ай не стало де во Кіеви сильныхъ богатырей;
Да которы де бога́тыри повымерли,
Ай повымерли де богатыри, поскимились,
Да къ Онтонью, къ Ѳедосью ушли въ Пещоръ-ма́настырь;
Да не стало де во Кіеви Добрынюшки;
Да пекутъ по ёмъ поминки вѣковѣсьнія,
Посылаютъ по церквамъ да по манастырямъ,
Поминаютъ де Добрыню-ту вѣковѣсьнё жа,—
Говорилъ тогды Добрынюшка Микитиць сынъ:
„Ужъ ты вой еси, калика перехожая!
Ты сьними-тко-се сь себя платьё каличесько,
Ай надѣнь-ко-се моё платье богатырьское,
Да бери-тко-се мою ты лошадь добрую:
Ай пойду-то я каликой перехожія,
Ай во тотъ-ли я во городъ, въ красенъ Кіевъ-градъ“.
Скипывала де калика платьё каличесько,
Одѣвала она платье богатырское;
Да Добрынюшка надѣлъ платье каличесько,
Да пошолъ тогды каликой перехожія;
Да идё тогды во городъ-отъ во Кіевъ-градъ;
Ай идётъ де какъ Добрынюшка къ сву широку́ двору,
Да какъ про́силъ-отъ мило́сьтины спасёныя

Ише для́-ради Христа, царя небёсново,—
Услыхала де Омельфа Тимоѳеевна,
Отьпирала де окошечко косисьщато,
Ай сама же говорила таково слово:
„Ужъ и здрасвуй, калика перехожая!
Ты откуль идёшь, калика, куды у тя путь лежитъ?“
Говорилъ тогды Добрынюшка родной матушки:
—Я иду-ли отъ креста отъ Клядовитова,
Да иду-ли я во городъ-отъ во Кіевъ-градъ
Ишше Восподу Боḣу да помолитисе,
Ко Восподьнёму ко гробу приложитисе,
Во Ердань во рѣки хочу покупатисе.—
Говорила де Омельфа Тимоѳеевна:
„Ужъ ты вой еси, калика перехожая!
Не слыхалъ ли про Добрынюшку про Микитица?“
Говорилъ тогды Добрынюшка родной своей матушки:
—Ужъ жили мы зъ Добрынюшкой въ одномъ мѣсьти,
Ишше пили мы сь имъ, ѣли съ одного блюда,
Ишше платьичё носили съ одного плеча.
Оставилъ вамъ Добрынюшка вѣдь долгой вѣкъ,
Ишше долгой вѣдь вѣкъ, бѣлой вамъ сьвѣтъ:
Да преставилсэ Добрынюшка Микитицъ сынъ.—
Говорилъ тогды Добрынюшка родной матушки:
— Ишше гдѣ жа у Добрыни молода жена,
Молоды́, братцы, Катерина дочь Микулисьня?—
Говорила жо Омельфа Тимоѳеевна:
„Ишше теперице ей въ доми не случилосе:
Ай походитъ Катеринушка вѣдь замужъ-отъ
За того жо за Олёшу за Поповица;
Да вцярась вѣдь у ей было смотрѣньицо,
Ай сегодьне вѣдь у ей будётъ вѣнчаньицо“.
Говорилъ тогды Добрынюшка родной матушки:
— Ужъ ты ḣой еси, вдова благочесьтивая!
Ай оставилъ мнѣ Добрынюшка да останочки:
Ай велѣлъ вѣдь вамъ отдать мьнѣ-ка звончаты́ гусли,
Ай велѣлъ-то вамъ отдать да свой злачёнъ перьстень,—
Ишше перьстень у ево былъ обручёныя.—
Оддала тогды Омельфа Тимоѳеевна,
Оддала тогды калики звоньчаты́ гусьли,
Оддала ёму-то вѣдь злачёнъ перьстень.
Да пошолъ тогды Добрынюшка Микитиць сынъ,
Ай пошолъ тогды къ Олёши къ широку двору;
Ай приходитъ де къ Олёши на широкой дворъ,
Онъ идё тогды въ гирьню-ту во Олёшину,
Становитце во мѣсто-то во калическо,
Во каличесько, къ приступки ко предворныя.
Да стоитъ тогды за столами Олёша бѣлодубыма;
Катеринушка-та ходитъ ’на со чарочкой,

Ай подносить она чару зелёна́ вина
Ко тому жо ко народу православному.
Говорилъ тогды Добрынюшка Микитиць сынъ:
„Ужъ ты вой еси, Олёшинька Поповиць сынъ!
Благослови-тко поиграть мьнѣ-ка въ звоньчатыі гусьли,
Ишше васъ со кнегиною прiутѣшити“.
Говорилъ тогды Олёшенька Поповиць сынъ:
— Ты играй-ко-се, калика, колько тебѣ хочитце.—
Заигралъ тогды Добрыня въ звончаты гусьли,—
Ишше масьтёръ Добрыня-та въ гусьли играть,—
И сталъ на гусьляхъ всё выговаривать
Ай про сво̀ю де, свою́ поѣздку богатырскую.
Услыхала Катеринушка дочь Микулиcьня,
По найгрышшамъ Добрынюшку замѣчать стала,
По играмъ-то Добрынюшку узнавала же;
Ай сама же говорила таково слово:
„Ужъ ты вой еси, Олёшенька Поповиць сынъ!
Ты налей-ко-се чару зелёна вина,
Да не малу, не велику—въ полтора ведра,
Поднесьти мьнѣ-ка калики перехожiя“.
Ишше втѣпоры Олёша не ослышилсэ;
Наливалъ-то онъ чару зелёна́ вина.
Подносила Катерина доць Микулисьня
Ишше той она калики перехожiя.
Да берё тогды калика едино́й рукой,
Выпиваё де Добрынюшка на единой духъ,
Ишше въ цярку онъ кладётъ свой злачёнъ персьтень,
Ишше персьтень-отъ кладётъ какъ обручённой-этъ.
Да кладётъ Катерина чашу на дубовой столъ,
Да берё тогды калику за бѣлы руки,
Да чѣлуётъ во уста-то во саха́рныя,
Да сама жо говорила таково слово:
„Да не грѣло красно солнышко дьвѣнадцать лѣтъ,
Да тепе́ре праведи́мо высоко̀ взошло,
Обогрѣло вьсю какъ земьлю Сьвяторуськую,
Обогрѣло де вдовиноё подворьицо“.
Говорила Катерина доць Микулисьня:
„Ужъ ты вой еси, Олёшенька да Поповиць сынъ!
Ишше ты мьнѣ-ка, Олёшенька, ты не вѣньчанъ мужъ:
Да пришолъ ко мьнѣ-ка вѣрно вѣньчанъ мужъ“.
Говорилъ тогды Добрынюшка да Микитиць сынъ:
—Ужъ ты вой еси, Олёшенька Поповиць сынъ!
Ты здорово жо женилсэ—тебѣ будё не съ кимъ спать!
Да какъ свадёбка тебѣ стала во петьсотъ рублей,
Ай столы, пиры-ти стали въ цѣлу тысечу.—
Ай берё тогды Добрынюшка молоду жону,
Ай пошолъ тогды къ своею ро̀дной матушки.

№. 13.

Потыкъ.

(Поно́маревъ перенялъ у покойнаго старика Петра Алексѣевича, слыхавшаго былину въ деревнѣ Нижѣ, близъ Мезени).

А збираитце дружинушка, собруняитце:
Во перьвы́хъ, hосударь-отъ Илья Муромець,
Во вторыхъ, Добрынюшка Никитичь младъ,
Во третьи́хъ, По̀тыкъ Михайлушко сынъ Ивановичь.
Провожатъ-то ихъ Владимёръ стольнёй кіевской,
Провожаётъ Опраксея Королевисьня.
Да ка здраво они ѣдутъ полё чистое,
Ели здраво-то ѣдутъ лѣсы тё́мныя,
Да какъ здраво-то ѣдутъ да грязи черныя.
А пріѣхали на шо̀ломя на окатисто,
Розоставили бѣлы́ шатры поло̀тьняны,
Да живутъ во шатрахъ они по перьвой день,
Ай живутъ во шатрахъ они да по вто̀рой день,
Ай живутъ во шатрахъ они да по тре́тей день,
Говорилъ же восударь-отъ Илья Муромець:
„Ужъ и полно намъ жить въ шатрахъ, забавьлятисе,
Ай пора намъ розьѣжжатьсе всимъ намъ натрое!“
Говорилъ восударь тогды Илья Муромець:
„Да поѣду я, братцы, къ Дюку́ да Степанову,
Посмотрю-ли я у Дю́ка широка двора,
Посмотрю я у Дюка-та ро̀дной матушки,
Посмотрю-ли я у Дюка да портомоёнокъ“.
У Дюка́-та домъ стоялъ тогды на семи верстахъ;
Ишше триста столбовъ было да серебьряныхъ,
Ай четыреста столбовъ было позолоченыхъ,
Ишше мѣдныхъ, желѣзныхъ да числа-смѣ́ту нѣтъ;
Да какъ домъ былъ крытъ ёго мѣдью козарочкой,
Ай котора же козарка дороже красна золота;
Да какъ печьки-ти были его муравьляны.
Ишше матушка пёкла у ёго да колачики,—
Ай колачикъ-отъ съѣшь—другого хочитце,
Объ третьёмъ колачики душа бажи́тъ.
Да помёлышка-ти были у ей да шелко́выя.
Говарилъ тогды Добрынюшка да Микитиць сынъ:
„Ай поѣду я, Добрыня, во чисто́ полё,
Привезу-ли я злата, серебра несьчотнова.
Ужъ мы станемъ дѣлить, братцы, всё мы какъ натроё“.
Говарилъ тогды Михайлушко сынъ Ивановичъ:
„Ай поѣду я, братцы, да во Большу землю,

Во Большу-ту я земьлю, да въ прокляту въ Литву,
Да поѣду ко царищу-ту ко Идо́лищу,
Ай поѣду я къ ёму право сватомъ свататься
Ай на душочки Овдотьюшки, бѣлоя лебеди;
Да возьму-ли я Овдотьюшку за собя заму́жъ,
Ай не дамъ-то я дѣлить, братцы, вамъ дѣлить ёю на́троё“.
Говарилъ тогда восударь-отъ Илья Муромецъ:
—Ужъ ты сукинъ сынъ, Поты́къ Михайлушко Ивановичъ!
Не жона жа тебѣ будетъ—зьмѣя лютая;
Ужъ ты будёшь, Михайлушко, у семи сьмертей,
Налетаисьсе, Михайло, ты чёрнымъ ворономъ,
Ай нарыщишьсе, Михайлушко, ты сѣры́мъ волкомъ,
Накопаисьсе, Михайлушко, горносталюшкомъ,
Приломашь ты о корѐньё буйну́ свою головушку,
Налёжисьсе въ чисто̀мъ поли ты сѣры́мъ камнемъ.
Всё какъ этому Михайлушко не поваровалъ.
Ай поѣхалъ де Иле́юшка къ Дюку Стёпанову,
Ай Добрынюшка поѣхалъ да во чисто́ полё,
Да Михайлушко поѣхалъ да во Большу землю,
Во Большу-ту онъ земьлю, да въ прокляту въ Литву.
Да какъ здраво онъ вѣдь ѣхалъ онъ полё чистое,
Ище здраво онъ вѣдь ѣхалъ да лѣсы-ти тёмныя,
Ай да ели здраво онъ вѣдь ѣхалъ да грязи-ти чёрьныя.
Ище ѣдё онъ ко городу ко Задоньскому.
Ай ко городу онъ ѣхалъ да не дорогою,
Да въ городъ заѣжжаё онъ не воротами,
Конь скакалъ жа чересь сьтѣну да городо́вую,
Мимо ту жо круглу башонку наугольнюю;
Ище ѣдё къ королю прямо на широкой дворъ;
Онъ мечё коня самъ да середи двора,
Не привязана-та мечё да не приказана,
Не россѣдлана мечётъ да не розуздана;
Самъ идётъ тогды во гирьню-ту королеѳьскую,
Отпираё Михайлушко дьвери-ти на̀ пяту,
Онъ бьё чоломъ королю-ту земьли Задонскія,
Ище тутъ жа королевой, молодой женѣ:
„Ужъ и здрасвуй ты, король земьли Задонскія!
Ужъ и здрасвуй, королева, ты молода жена!“
Говорилъ тогды король земьли Задонскія:
—Ужъ и здраствуй ты, Михайлушко сынъ Ивановицъ!
Ты по старому пріѣхалъ ли жить, по прежному,
Во рабы ли ты пріѣхалъ ко мнѣ, въ конюхи,
И во млады ли пріѣхалъ ко мьнѣ во клюсьники,
Ты исъ Кіева пріѣхалъ ко мьнѣ да посланникомъ?—
Говорилъ тогды Михайлушко сынъ Ивановичъ:
„Не по старому пріѣхалъ жить, не по прежному,
Не въ рабы къ тебѣ пріѣхалъ я, не въ конюхи,
Не во младыя пріѣхалъ я тѣ не во клюсьники,

Исъ Кіева пріѣхалъ я не посланникомъ,—
Да пріѣхалъ я къ тебѣ прямо сватомъ я сватацце
Да на душоцьки Овдотьюшки, бѣлой я лебеди.
Да отдай-ко-се Овдотьюшку за миня замужъ“.
Говорилъ ёму король земьли Задоньскія:
—У миня, право, Овдотьюшка просватана
За того де за пога́ного за Идо́лишша.—
Говорилъ ёму Михайлушко во второй наконъ,
Говорилъ ёму Михайлушко во трете́й наконъ:
„Ты отдай, право, король е́ю за миня замужъ!
Ужъ и чесью не отдашь—я у тя вѣдь за боёмъ возьму,
Ужъ я силой-то возьму своей боһатырскія,
Ай грозой возьму я княжонефьскою“.
Говорилъ ёму король-отъ во второй наконъ,
Говорилъ ёму король да во трете́й наконъ:
—Право, право, вѣдь Овдотьюшка у миня просватана,
Ишше ко́льцеми-пѐрьснеми у насъ омѣнянось;
Ай тебѣ-ка, Михайлушко, е́ю неһдѣ взять.—
Да Михайлушку ети рѣчи не вь люби пришли,
Показались за досадушку за великую;
Ай ретиво ёго серцо розьерилосе,
Ай го́ряча-та крофь вся въ ёмъ роскипѣласе,
Ай могучи ёго пьлячи росходилисе,
Лѣпета-та во лици перемѣниласе.
Да пошолъ тогды Михайлушко на новы́ сѣни,
Онъ сломилъ-то двѣнадцеть крѣпкихъ замочиковъ,
Ай убилъ-то онъ двѣнадцеть крѣпкихъ сто́рожовъ;
Отпиралъ тогды Михайлушко двери-ти на́ пяту.
Ай сидитъ-то Овдотьюшка за красе́ньцеми,
Вышиваётъ де она Идолишшу шириночку;
На кобылочкахъ сидя у ей ясны соколы,
На кобылочкахъ сидя у ей сизы голубы,
По подножочкамъ сидя у ей че́рны соболи.
Говорилъ тогды Михайлушко сынъ Ивановичъ:
„Ужъ и здрасвуй, Овдотья, ты лебедь бѣлая!
Ты поди-тко-се, Овдотьюшка, за миня замужъ“.
Да скакала де Овдотьюшка на рѣзвы ноги,
Ай брала она Михайлушка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста ево во саха́рныя,
Ай сама же говорила таково слово:
—Ужъ и ждать мьнѣ-ка гостя, будё не дождатисе,
Ай глядѣть-то будё госьтя, не доглядѣтисе,
Ай топеречи Михайлушко ко мьнѣ самъ пришолъ.—
Да немного де Михайло сь ей розговариватъ,
Ай берётъ тогды Овдотьюшку за бѣлы руки,
Ай повёлъ-то вѣдь Овдотьюшку на новы́ сѣни,
Со новы́хъ сѣней повёлъ е́ю на широкой дворъ,
Лёкко, скоро самъ скакалъ на—на добра коня,

Ай Овдотьюшку садилъ онъ позади собя.
Ище втѣпоры Овдотьюшка сама заплакала,
Говорила де она тогды таково слово:
„Охте мьнѣ-цьки, хте мьнѣ-цьки, менѣ тошнёхонько!
Ай люцькй отци-ти, люцьки матушки
Отдаваютъ дочерей со цесьти, со радосьти;
Ипше мой отець-отъ, моя родна матушка
Ай умѣли миня всё воспоить, скорьмить,
Не умѣли они миня замýжъ отдать:
Отдаваютъ со великого со кроволитьица“.
Да какъ вышолъ вѣдь король тогды на широкой дворъ.
Ипше вышла королева, молода жена:
„Ужъ ты вой еси, Михайлушко сынъ Ивановичъ!
Добро жаловать ко мнѣ ты хлѣба, соли ись,
Хлѣба, соли ко мнѣ ись, ты вина сь мёдомъ пить!“
Говорилъ тогды Михайлушко сынъ Ивановичъ:
—Ужъ ты вой еси, король земьли Задоньскія!
На прiѣзьди ты госьтя не учо́стовалъ,—
На отъѣзьди будё госьтя тебѣ не учостовать.—
Да немного де Михайлушко розговаривалъ,
Ай выде́рьгивалъ онь плёточку семишолкову,
Ай стёгалъ-то онъ коня самъ по крутымъ бёдрамъ,
Поѣхалъ де Михайлушко вонъ изъ города.
Ипше ѣде де Михайлушко по чистý полю,
Онъ ѣде какъ ко рѣченьки ко Смородины,—
У той же де у рѣченьки у Смородины
Ай горитъ-то зьмѣино тёпло гнѣздышко.
Говорила де зьмѣя, да бьлять-безбожница:
„Ужъ ты вой еси, Михайлушко сынъ Ивановичъ!
Ты сойди-тко-се, Михайлушко, со добра коня,
Ты сьними-тко со правой ноги да софьянъ сапогъ,
Поцерьпни-тко-се свѣжо́й воды ключовыя,
Ты залей-ко-се зьмѣино тёпло гнѣздышко.
Ай во вре́мя я, Михайлушко, добро тибѣ зьдѣлаю“.
Говорила де Овдотьюшка, лебедь бѣлая:
— Не сходи-тко-се, Михайлушко, со добра коня,
Не заливай-ко-се зьмѣиново тёпла гнѣздышка!
Ай какого захотѣлъ себѣ добра зьмѣи?
Ипше разьвѣ зьмѣя когда огнёмъ ожгётъ.—
Да Михайлушко-то этому не поваровалъ;
Ай сошолъ тогды Михайлушко со—со добра коня,
Ипшо сьнялъ-то вѣдь со право́й ноги сафьянъ сапогъ,
Почерпнулъ-то онъ сьвѣжо́й воды ключовыя,
Ай залилъ тогды зьмѣи да тёпло гнѣздышко.
Улетѣла де зьмѣя, бьлеть-безбожпица.
Лёкко, скоро де скакалъ онъ на добра коня,
Ай поѣхалъ де Михайлушко, куды ёму путь лежитъ,
Да прiѣхалъ де Михайлушко ко бѣлы́мъ шатрамъ.

Ишше нѣту восударя-та Ильи Муромца,
Ишше нѣту же Добрынюшки Микитица.
Да прiѣхалъ онъ къ себѣ прямо во бѣло́й шате́ръ.
Бохъ день тогды пронёсъ, Восподь ночь дае́тъ.
Овернула Овдотьюшка тогды Михайлушка,
Овернула де ёго она че́рнымъ ворономъ;
Ай летае де Михайлушко по—по-подь не́беса,
Ай далёко отъ шатра самъ не уле́тывать.
Бохъ ночь тогды пронёсъ, да Восподь день дае́тъ;
Отьвернула де Овдотьюшка тогды Михайлушка.
Ай лёжалъ тогды Михайлушко среди шатра
Со того жо со устаточку со великово.
Бохъ день опять пронёсъ, да Восподь ночь дае́тъ.
Обвернула де Михайлушка сѣры́мъ волкомъ;
Ишше рыштотъ де Михайлушко по чисту́ полю,
Ай далёко отъ шатра самъ не урыскиватъ.
Бохъ ночь опять пронёсъ, да Восподь день дае́тъ;
Отьвернула де Овдотьюшка тогды Михайлушка;
Ай лёжитъ-то сьпитъ Михайлушко середи шатра
Ай съ того жо со устатку-ту со великого.
Бохъ день опеть пронёсъ, Восподь ночь дае́тъ.
Обвернула де Михайлушка горносталюшкомъ;
Ай копаитцe Михайло по-подъ коре́ньицёмъ,
Приломалъ свою онъ буйну голову.
Восподь ночь тогды пронёсъ, да Бохъ опеть день дае́тъ.
Отьвернула де Овдотьюшка Михайлушка,
Оввертѣла де ёго буйну да головушку
Ишше тѣмъ жо полотёнышкомъ она бѣленькимъ;
Ишше сьпитъ же Михайлушко тогды середи шатра.
Да во ту же де во пору и во то время
Ай прiѣхалъ восударь-отъ Илья Муромецъ,
Ай прiѣхалъ де Добрынюшка да Микитицъ сынъ,
Ай Добрынюшка привёзъ имъ золотой казны,
Золотой казны привёзъ-то да имъ несчотно жо.
Да прiѣхалъ восударь къ своёму ко бѣлу шатру,—
У Михайлушка у бѣла стоитъ шатра свой добрый конь,
Не стрѣчатъ-то де Михайлушко сынъ Ивановичь.
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромець:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка ты Микитицъ сынъ!
Не стрѣчаё насъ Михайлушко сынъ Ивановичъ“.
Соскакалъ скорѣ Илеюшка со добра коня,
Ай бѣжитъ-то ко Михайлушку во бѣло́й шате́ръ,—
Ай лёжить тогды Михайлушко во бѣло́мъ шатри,
Ай лёжить де—приломана буйна головушка,
Ай Овдотьюшка сидѣла во бѣло́мъ шатри.
Да берё тогды Илеюшка Михайлушка,
Ай ведётъ де Михайла къ сибѣ во бѣло́й шатеръ.
Бохъ день опеть пронёсъ, да Восподь ночь дае́тъ.

Ай пошолъ жо восударь тогды Илья Муромецъ,
Онъ пошолъ да къ Овдотьюшки во бѣлой шатёръ,
Ишше лёкъ тогды съ Овдотьюшкой почи́въ держать;
Да лёжатъ они съ Овдотьюшкой во бѣломъ шатри,
Ай накинула Овдотьюшка руку-ту бѣлую,
Ай накинула она тогды ножку рѣзвую,
Досталы де спорхонула на бѣлы́ груди,
Ишше хочё ёго предать злой смёрточки.
Да Илеюшки пришло тогды дѣлать ёму нечево,
Ай скакалъ тогды Илеюшка на рѣзвы́ ноги,
Ай берётъ тогды Овдотьюшку за русу́ косу,
Ай выдёрьгивалъ онъ плёточку семишолкову,
Ай волочитъ де Овдотью кругомъ середи шатра,
Ай стегатъ-то своей плёткой шолковой;
Насьтегалъ Овдотьи, сколько ёму надобно,
Ишше бросилъ Овдотью во бѣлой шатёръ,
Самъ пошолъ тогды ко Михайлушку ко Иванову,
Ишше по́слалъ Михайлушка въ шатёръ сь е́ю опочивъ дёржать.
Да лёжа они съ Михайлушкомъ во бѣло́мъ шатри,
Да боитьсе де Михайлушко да Овдотьюшки,
Ай боитьсе де Овдотьюшка тогды Михайлушка.
Ишше втѣпоры у ихъ Бохъ ноч(ц)ь пронёсъ,
Бохъ ноч(ц)ь тогды пронёсъ, да Восподь день даётъ.
Говорилъ де восударь тогды Илья Муромецъ:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка Микитицъ сынъ!
Ишше полно намъ вѣдь этта жить во бѣлы́хъ шатрахъ,
Ишше надобно намъ вѣдь ѣхать въ красёнъ Кіевъ-градъ“.
Лёкко, скоро сами скачутъ на добрыхъ копей,
Ай поѣхали братаны въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Ай ко городу ѣхали не дорогою,
Ай во городъ заѣжжали не воротами,
Кони скакали чересъ сьтѣну горо́довую.
Ишше ѣдутъ ко Владимёру на широкой дворъ,
Да стрѣчаётъ вѣдь князь ихъ со кнегиною,
Ай стрѣчаютъ де они, сьлёзно умываютце.
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромечь:
„Ты о чёмъ жа, ты Владимёръ, сьлёзно уливаисьсе?
Ишше надо намъ тепере́чи съ тобой веселитисе:
Ишше станёмъ мы играть топере свадёбку,
Ишше станёмъ мы женить теперь Михайлушка“.
Говорилъ тогды Владимёръ стольнё-кіевской:
—Ужъ ты вой есь, восударь ты Илья Муромецъ!
Ишше былъ у миня король-отъ земьли Турскія;
Ай играли сь имъ во пѣшочки, во шахматы,
Проигралъ я королю денёгъ сорокъ тысечей,
Проигралъ я двѣнадцеть добрыхъ молодцовъ.—
Повелась-то вѣдь тогды у ихъ свадебка.
Говорила де Овдотьюшка, лебедь бѣлая:

„Ужъ ты вой еси, Михайлушко сынъ Ивановичъ!
Ужъ и сьдѣламъ мы съ тобой крѣпку заповѣдь,
Ай запишомъ мы съ тобой записи великія,
Закрѣпимъ-то мы князёмъ Владимёромъ,
Закрѣпимъ-то мы һосударёмъ Ильёй Муромцомъ:
Да которой де у насъ переди помрéтъ,
Ай другому-то надобно во гробъ живу лекчи".
Ай на ето Михайлушко согласенъ былъ.
Записали они записи великія,
Закрѣпили они князёмъ-то Владимёромъ,
Закрѣпили восударёмъ-то Ильёй Муромцомъ.
Повелась тогды у ихъ вѣрно свадебка,
Повѣнчалсэ Михайлушко сынъ Ивановичъ.
Говорилъ тогды Владимёръ-отъ стольнёй кіевской:
„Ужь ты вой есь, восударь да Илья Муромецъ!
Ай кого жа мы пошлёмъ ѣхать въ градъ Турскія
Ко тому жа королю земьли Турскія
Ай отыгрывать денёгъ сорокъ тысячей,
Отыграть надо двѣнадцеть намъ добрыхъ молодцовъ.
Ишше кто у насъ играть масьтёръ въ пѣшки, во шахматы?"
Говорилъ восударь тогды Илья Муромецъ:
— Ай пошлёмъ-ко мы Михайлушка сына Иванова:
Ишше нѣту таковово игрока на сьвятой Руси;
Отыгратъ-то у ёго сорокъ тысячей,
Отыгратъ-то вѣдь двѣнадцеть добрыхъ мȯлодцовъ.—
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромецъ:
— Ужъ ты вой еси, Поты́къ ты Михайлушко Ивановичъ!
Поѣзжай-ко-се ты, сьѣзьди въ земьлю Турскія,
Поиграй ты во пѣшки и во шахматы
Ай со тимъ жо королёмъ да земьли Турскія,
Отыграй ты у ёго денёгъ сорокъ тысечей,
Отыграй-ко-се двѣнадцеть добрыхъ молодцовъ.—
Да пришло тогды Михайлушку дѣлать нечево,
Ишше сталъ тогды Михайлушко собиратисе,
Ишше ѣхать де Михайлушко къ королю Турскому.
Лёкко, скоро онъ вѣдь скаче на добра коня.
Провожатъ-то де Владимёръ стольнёй кіевской,
Провожаётъ һосударь да Илья Муромецъ,
Провожаё де ёго тогды молода жона,
Молоды́я де Овдотьюшка, лебедь бѣлая.
Только видѣли Михайлушка собираючись,
Ай не видѣли поѣздочки богатырскія,
Только видѣли—во полюшки курева́ стоитъ,
Да ка здраво онъ вѣдь ѣхалъ полё чистое,
Ишше здраво онъ ѣхалъ да лѣсы тёмныя,
Ишше здраво онъ вѣдь ѣхалъ да гре́зи-ти чéрныя;
Ишше ѣдё къ королю-ту земли Турскому,
Ай ко городу онъ ѣхалъ не дорогою,

Ай во городъ заѣзжалъ онъ самъ не воротами,
Конь скакалъ жа чере сьтѣну-ту городовую,
Мимо ту жа круглу башню наугольнюю.
Ишше ѣдё къ королю прямо на широкой дворъ;
Онъ какъ мечё де коня самъ среди двора,
Не привязана-та мечё да не приказана,
Не росѣдлана мечётъ да не розуздана;
Самъ идётъ тогды во гирьню-ту королевую,
Ишше бьё челомъ королю-ту земли Турскія:
„Ужъ ты здрасвуй, король же земли Турскія,
Ужъ и здрасвуй, королева, молода жена!“
Говорилъ ёму король тогды земьли Турскія:
— Ужъ и здрасвуй ты, Потыкъ Михайлушко Ивановичъ!
Ты по старому пріѣхалъ ли жить, по прежному?
Во рабы ли ты пріѣхалъ ко мнѣ, въ млады́ во конюхи,
Ли во мла́дыя пріѣхалъ ко мьнѣ во клюсьники,
Ли исъ Кіёва пріѣхалъ ко мьнѣ ли посланникомъ?—
Говорилъ тогды Михайлушко сынъ Ивановичъ:
„Не по старому пріѣхалъ жить, не по прежному,
Не въ рабы къ тебѣ пріѣхалъ я, не во клюсьники,
Не во младыя пріѣхалъ тѣ не во конюхи,
Ай пріѣхалъ я изъ Кіева да посланникомъ
Ай играть съ тобой во пѣшки-ти, во шахматы,
Отыгрывать своихъ я сорокъ тысечей,
Ай отыгрывать двѣнадцеть я добрыхъ молодцовъ“.
Королю де отказатьсе ёму тогды некогда;
Ишше самъ онъ говорилъ ёму таково слово:
— Ай положимъ-ко, Михайлушко, заповѣдь великую:
Есьли ты какъ поиграшь миня во пѣшки-шахматы,
Ай отдамъ тебѣ, Михайло, я сорокъ тысечей,
Ай отдамъ тебѣ, Михайло, добрыхъ молодцовъ:
Есьли я какъ поиграю тебя, да Михайлушко,
Не спушшу я тебя, Михайло, въ красенъ Кіевъ-градъ.—
Да Михайлушко на ето очунь да согласной былъ.
Розоставили они пѣшки-то, шахмата.
Ай ступалъ тогды Михайлушко по перьву ступъ,
Ай ступалъ-то вѣдь король по втору ступъ,
Ай Михайлушко ступилъ тогды по третью ступъ,
Заступилъ-то коё мѣсто самолучшоё,
На серёдки доски королю матъ даётъ;
Отыгралъ у короля-та сорокъ тысечей,
Отыгралъ-то онъ дьвѣнадцеть добрыхъ молодцовъ.
Говорилъ тогды король-отъ земьли Турскія:
—Ужъ ты вой еси, Михайлушко сынъ Ивановичъ!
Розоставимъ-ко, Михайлушко, во второй наконъ.
Ишше ты гдѣ поиграшь миня, Михайлушко,
Ай отдамъ тебѣ, Михайло, я сорокъ тысечей,
Ай отдамъ тебѣ дьвѣнадцеть добрыхъ молодцовъ,

Ай ишшѐ я вѣдь тебѣ дру́га сорокъ тысечей;
Есьли я какъ поиграю тебя, я, Михайлушко,
Не спушшу тибя, Михайлушко, въ красёнъ Кіевъ-градъ.—
Да на ето де Михайлушко да согласной былъ.
Розоставили они пѣшки во второй паконъ.
Ай ступилъ тогды Михайлушко по перьву ступъ,
Ай король-отъ ступилъ тогды по втбру ступъ,
Ай Михайлушко ступилъ тогды и по третію ступъ,
Зазступилъ-то коё мѣсто самолучшое,
На серёдки доски королю матъ даётъ;
Отыгралъ-отъ Михайлушко сорокъ тысечей,
Ишше выигралъ Михайло друга̀ сорокъ тысечей,
Отыгралъ-отъ онъ дьвѣнадцеть добрыхъ молодцовъ.
Говорилъ тогды король-отъ земьли Турскія:
—Ужъ ты вой еси, Михайлушко сынъ Ивановичъ!
Розоставимъ-ко-се пѣшки во третей наконъ.
Есьли ты какъ поиграшь миня, Михайлушко,
И отдамъ-то я тобѣ да какъ сорокъ тысечей,
Ишше дамъ тебѣ, Михайлушко, третьихъ сорокъ тысечей,
Я отдамъ тебѣ дьвѣнадцеть добрыхъ молодцовъ;
Ишше есь-то у миня теперь-я родима дочь,
Молодыя вѣдь какъ Мароушка-королевисьня,—
Ишше Мароушку я отдамъ тебѣ за тобя замужъ,
Ай оставлю я тибя на сьвѣти королёмъ всё слыть.
Ишше я какъ поиграю тибя, Михайлушко,
Не спушшу тибя, Михайлушко, во красенъ Кіевъ-градъ,
Не отдамъ тибя, Михайлушко, со дружинушки,
Не отдамъ тибѣ, Михайлушку, сорокъ тысечей.—
Да Михайлушку пришло тогды дѣлать нечево,
Согласилсэ де Михайлушко сынъ да Ивановичъ.
Срозоставили они пѣшки-ти во третей разъ.
Говорилъ тогды король ёму земьли Турскія:
—Ай топеречи, Михайлушко перва̀ моя жа ступъ,
Да твоя-та вѣдь, Михайлушко, вторая ступъ.—
Говорилъ тогды Михайлушко сынъ Ивановичъ:
„Ай неправо де ты, король да земьли Турскія!
Ай играютъ де у насъ да на святой Руси
Ай во ти жа во пѣшки да во шахматы:
Ай игрокъ-отъ у насъ ступаетъ по перву ступъ,
Отыгрѐкъ у насъ ступаетъ да по втору ступъ.
Есьли ты какъ поигралъ, король земьли Турскія,
Ишше сьлѣдовало тогды тибѣ ступать первому;
Ишше я какъ поигралъ тибя, король Турскія,
Ишше сьлѣдуётъ ступать мнѣ, игроку, первому“.
Королю пришло тогды дѣлать нечево.
Ай ступалъ тогды Михайлушко по перву ступъ,
Ай король тогды ступалъ по втору ступъ,
Ай Михайлушко ступалъ тогды по третью ступъ,

Заступилъ-то коё мѣсто самолуцьшое,
На серёдки королю-ту ёму мать даётъ.
Обыгралъ тогда Михайлушко короля земли Турскія,
Ишше выигралъ тогда отъ его сорокъ тысечей,
Отыгралъ-то онъ дьвѣнадцеть добрыхъ молодцовъ,
Ишше выигралъ у ёго вѣрно любимую дочь.
Ишше пóслалъ онъ дьвѣнадцеть да добрыхъ молодцовъ,
Ишше послалъ онъ Владимѣру сорокъ тысечей;
Ай уѣхала дружинушка въ красёнъ Кіевъ-градъ.
Захотѣлосе Михайлушку да Иванову
Посмотрить-то ёго де Марѳы-королевисьни;
Увидалъ-то вѣдь Михайлушко сынъ Ивановичъ—
Пондравилась де Марѳа королевисьня,
Ай забылъ свою Овдотьюшку, лебедь бѣлую,
Да женилсэ де на Марѳы да королевисьни,
Ай живё де во городи вó Турскомъ жо.
Да во ту жо де во пору и во то время
Померла тогды Овдотьюшка, лебедь-та бѣлая;
Ай Михайлушку вѣдь надобно во гробъ живу легцѝ.
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромечь:
„Ужъ ты вой еси, Олёшинька Поповицъ сынъ!
Ужъ ты съѣзди-тко во городъ-отъ во Турскія,
Ай скажи-тко-се Михайлушку Иванову,
Померла де у ёго вѣрно молода жена,
Штобы ѣхалъ де Михайлушко въ красёнъ Кіевъ-градъ“.
Ишше втѣпоры Олёша-та не ослышалсэ,
Лёкко, скоро онъ вѣдь скаче на добра коня,
Ай поѣхалъ де Олёша да къ городу ко Турскому,
Самъ крычалъ тогды, зычалъ да зычьнимъ голосомъ:
„Ужъ ты һой еси, Потыкъ Михайлушко Ивановичъ!
Померла топерь твоя у насъ молода жена,
Ай топере нать легчи тобѣ къ ей живу во гробъ“.
Услыхалъ тогды король-отъ земли Турскія,
Ишше самъ онъ говорилъ онъ таково слово:
„Ужъ ты сукинъ сынъ, Потыкъ ты Михайлушко Ивановичъ!
Натьсмѣялсэ ты надъ моей любимой дочери,
Не сказалъ-то ты, што въ Кіеви пожéнилсэ!“
Говорилъ тогды Михайлушко сынъ Ивановичъ:
— Ишше врётъ-то всё Олёшенька Поповичь сынъ!
На другой, вѣрно, придьметъ въ Кіёвъ я понадилсэ,
Ай зовё миня Владимёръ стольнё-кіевской.—
Да Михайлушку пришло ёму дѣлать нечево,
Ишше сталъ онъ собиратьсэ-то ѣхать въ красёнъ Кіевъ-градъ.
Обсѣдлалъ онъ, обуздалъ тогды коня доброго,
Лёкко, скоро самъ онъ скаче на добра коня,
Отправлянтсэ Михайлушко въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Провожатъ де вѣдь ёго король земьли Турскія,
Провожаётъ ёго вѣрно молода жона

Да сама-та уливаитце, слёзно плачитце.
Ай простилсэ Михайлушко съ молодой женой,
Да пріѣхалъ де Михайлушко въ красёнъ Кіевъ-градъ.
Ай стрѣчаё восударь тогды Илья Муромецъ;
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромецъ:
„Померла у тя Овдотьюшка, лебедь бѣлая;
Ай законъ тебѣ лёжитъ, какъ во гробъ живу́ легци“.
Да Михайлушку пришло тогды дѣлать ёму нечево.
Повалили де Михалушка жива во гробъ.
Ишше жалко де князю ёго Владимёру,
Ишше жалко восударю-ту Ильи Муромцу;
Ишше нечого вѣдь имъ, тогды дѣлать нечево.
Повезьли тогды Михайлушка да на кладьбишшо,
Натянули ёго обручи желѣзныя,
Положили де въ колоду бѣлодубову,
Ай зарыле де Михайлушка во сыру землю.
Да пришло тогды Илеюшку дѣлать ёму нечево;
Ай пошолъ тогды Илеюшка тогды во Божью церьковь,
Ай берё де онъ вѣдь книгу всё Евангельё,
Онъ идё со книгой Илеюшка на могилочку;
Онъ читать-то онъ книгу-ту по перьвой разъ,
Ай прочитыватъ вѣдь книгу во вто́рой разъ,
Просматривалъ онъ книгу-ту во третей разъ,
Да нашолъ-то онъ въ книги таково слово:
„Слободить де какъ чёловѣка отъ смерти понапрасныя“.
Розмышляетъ восударь тогды умомъ-разумомъ.
Ай во ту же де во по́ру и во то время
Налетѣла де зьмѣя-та бьледь-безбожница,
Ай зарылась у Михайлушка на могилочки.
Ишше вти́поры Илеюшка догалса же,
Да ревё де какъ Михайлушко во сырой земли.
У Илеюшки тогды серьцё-то розъерилосе,
Ай сечасъ-то въ ёмъ вся кровь роскипѣласе;
Ай розрылъ-то онъ Михайла да могилочку,
Ишше выдёрнулъ колоду бѣлодубову,
Онъ сорвалъ тогды вси обручи желѣзныя.
Овернулась де Овдотьюшка зьмѣёй лютою,
Ишше жгё она Михайлушка да жигалами,
Ишше тёнётъ изъ ёго кровъ горячую;
Ай едва засталъ—въ Михайли душа полуднуётъ.
Да берё тогды Овдотьюшку за бѣлы́ руки,
Ай берё тогды Михайлушка Иванова,
Ай повёлъ-то ихъ ко князю ко Владимеру.
Ишше стали де судить-то Михайлушка съ Овдотьшкой,
Ай не могутъ россудить ёго съ ей законно жа;
Ишше слѣдуё сьмерть придать Михайлушку Иванову.
Со стороны некому́ тогды дѣлать нечево.
Приказали де Михайлушку да Иванову

Увесьти де Овдотьюшку на добро́мъ кони,
Ай отсѣкчи у Овдотьи буйну голову.
Лёкко, скоро де Михайло скаче на добра коня,
Ай Овдотьюшку садилъ онъ позади собя,
Ай повёзъ-то де Овдотьюшку во чисто́ полё
Отрубить-то вѣдь у ей буйна головушка.
Да поѣхалъ де Михайлушко во чисто́ полё,
Оввернула де Овдотьюшка тогды Михайлушка,
Ишше бросила Михайла въ полё сѣры́мъ камнёмъ,
Ишше са́ма де поѣхала къ городу Задоньскому.
А во ту же де во пору и во то время
Лёкко, скоро де какъ скачё на добра коня,
Ай поѣхалъ де восударь-отъ Илья Муромецъ;
Ишше ѣдё де Илеюшка по чисту́ полю,
Ай увидѣлъ—во чисто̀мъ поли лёжитъ сѣручей камень;
Ишше самъ онъ говорилъ таково слово:
„Ужъ я колько по полю этта не ѣжживалъ,
Ишше этого я камня не видывалъ;
А не быть этта сѣрому каменю,
Ишше быть этта Михайлушку Иванову“.
Да берё тогды Илеюшка сѣръ горючъ камень,
Да берётъ онъ на свои руки бѣлыя,
Высоко-то онъ мечё по-подъ не́беса,
Ай на бѣлы свои рученьки не хватывалъ;
Ишше палъ этотъ сѣручъ камень на сыру землю,
Ай рошшибсэ этотъ сѣръ да горючъ камень,
Якъ очу́дилсэ исъ каменя тогды Михайлушко.
Посадилъ тогды Михайла къ сибѣ на добра коня,
Ай поѣхалъ состыгать-то Овдотью, лебедь бѣлую.
Недалёко де состыгли до города Задоньского.
Ай не спрашивалъ восударь тогды Илья Муромецъ,
Ай присѣкъ-то за вси часьти ею́ за мелкія,
Розметалъ тогды Овдотьюшку по чисту́ полю;
Ишше сами поѣхали въ красёнъ Кіевъ-градъ.
Да пріѣхали во городъ-отъ да во Кіевъ-градъ;
Говорилъ тогды Михайлушко сынъ Ивановичъ:
„Ужъ ты вой есь, восударь ты да Илья Муромечь!
Я женилсэ жа во городи во Турьскія,
А взята у мня вѣдь Марѳа королевич(с)ьня.“
Говорилъ-то восударь тогды Илья Муромецъ:
—Што я знаю, што женилсы во городи во Турьскія,
У того у короля жа земли Турьскія.—
Ишше сталъ тогды Михайлушко собиратисе
Ишше ѣхать де ко своей молодой жоны,
Ай ко той жо де ко Марѳы королевисьни.
Проважать ёго Владимѣръ со княгиною,
Провожаё восударь тогды Илья Муромець.
Ай простилсэ де Михайлушко сынъ Ивановичъ

Со тѣма жо со кнеземи, со боярами,
Ай со руськима могучима со богáтырьми,
Ай поѣхалъ де Михайлушко въ городъ Турьскія.
Ай стрѣчаё де король ёго съ королевою,
Ай стрѣчаё де ёго тогды молода жена,
Молоды́я тогды Мареушка королевисьня.
Ай живутъ они во городи, прохлаждаютцс.
Получилъ тогды Михайлушко да насьлѣдсьвіе,
Повладалъ-то какъ городомъ земли Турскія [1]).

№. 14.

Идолище сватается за племянницу князя Владимира.

Изъ-за Карьского, изъ-за Арапьского
Приходило три кàрабьля три чéрьляны;
Приходилъ де поганоё Идóлишшо,
Приходилъ-то вѣдь онъ да сватомъ сватаtце.
Говорилъ тогды поганоё Идолишшо:
„Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй кіевской!
Я пришолъ-то къ тобѣ да сватомъ сватаtьцо
Што на душоцьки Олёнушки на Митревны.
Ай отдай ты Олёну за меня замужъ.
Ужъ ты чесью не дашь—за боёмъ возьму,
Ужъ я силой-то возьму да боhатырскою,
Ай тебя-ли я, князя, всё подъ мецъ склоню.“
Собиралъ тогды Владимёръ-отъ почесенъ пиръ
Што на многія кнезья и на думныхъ бóяровъ,
Што на руськихъ могучихъ нà богáтырей,
Што на тихъ на поленицъ на пріудàлыя,
Што на тѣхъ жа на казáковъ на задоньскія,
Што на тѣхъ на бурлáковъ на москофьскія,
Што на тѣхъ хресьянушокъ прожитосьнихъ.
Красно солнышко катитце ко западу,
Ай ко западу солнышко, ко зáкату,—
У Владимёра вѣдь пиръ идётъ не на радосьти,
Да не пьютъ, не ѣдя, ничóго не кушаютъ,
Они бѣленькой лебёдушки не рушаютъ.
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй кіевской:
„Ужъ вы вой еси, вы князи, думны бóяра

---

[1]) И жись окончилась ево тутъ.

Или руськія могучіи богáтыри.
Ише тѣ вы какъ казáки какъ задоньскія,
Ише тѣ вы бурлаки какъ москофьскія,
Ишше тѣ же вы хресьянушки прожитосьни!
Да пришло ко мьнѣ изъ Карьского, Арапьского,
Ай пришло ко мьнѣ поганоё Идóлишшо,
Ай пришолъ вѣдь ко мьнѣ да сватомъ сватáтьце
Што на душочки Олёнушки на Митревны.“
Ишше бóльшой хоронитце за средьнево,
Ишше средьнёй хоронитце за меньшово,
А оть меньшого боѐрина отьвѣту нѣтъ.
Говорилъ-то кнезь Владимёръ во перьвóй наконъ,
Говорилъ-то кнезь Владимёръ во второй наконъ,
Говорилъ-то Владимёръ во третёй наконъ;
Всё какъ большой хоронитце за средьнево,
Ишше средьнёй хоронитце за меньшово,
А оть меньшого боѐрина отьвѣту нѣтъ.
Говорила де Олёнушка-та Митревна:
—Ужъ ты гой еси, дядюшка родимыя!
Отдавай миня со чесьти и со радосьти,
Не проливай ты вѣдь крови всё горячія,
Не губи-тко-се народу православново.
Только дай-ко-се приданымъ мьнѣ черьлёнъ карабь,
Ужъ ты дай-ко-се три брателка назваными,
Ай назваными мьнѣ-ка братьицей, крестовыя:
Во перьвы́хъ ты дай Добрынюшу Микитица,
Во вторыхъ Перемётушку Васильева,
Во третьи́хъ ты дай Олёшеньку Поповица.—
Ишше эти князю рѣчи во люби пришли,
Во люби ёму пришли да поглянулисе.
Повелась-то вѣдь у ихъ да тогды свадебка.
Ишше далъ-то Олёнушки черьлёнъ карабь,
Ишше далъ-то ей три брателка названыи,
И названыхъ три братьицей крестовыя:
Во первыхъ далъ Добрынюшку Микитица,
Во вторыхъ Перемётушку Васильева,
Во третьи́хъ далъ Олёшеньку Поповица.
Да пошли они тогды да во синё морё;
Ишше пала имъ вѣдь пòвѣтерь способная.
Ишше руська-та земьля да потаиласе,
Ай невѣрна земьля возремѣниласе.
Ишше пала-то вѣдь сьтиль да тихохонько,—
Не несётъ ихъ не въ котору сторону.
Говорила де Олёнушка-та Митревна:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитицъ сынъ!
Ты спушшай-ко-се шлюпку карабельнюю,
Поѣжжай-ко ко царишшу на черьлёнъ карабь,
Ты зови-тко-се ко мьнѣ да во чесны́ госьти.“

Ишше втѣпоры Добрыня не ослышилсэ,
А спускалъ де ка шлюпку карабельнюю,
Ай поѣхалъ ко царишшу на черьлёнъ карабь,
Ишше самъ онъ говорилъ да таково слово:
„Ужъ ты һой есь, царишшо Вахрамеишшо!
Добро жаловать къ Олёнушки ко Митревны,
Да звала тебя Олёна во чесны госьти“.
Ишше эти рѣчи какъ царишшу во люби пришли;
Да какъ самъ онъ говорилъ да таково слово:
— Ужъ какъ ѣду я вѣдь къ ей да на черьлёнъ карабь.—
Ай пріѣхалъ Добрынюшка Микитицъ сынъ;
Ишше ѣде де царишшо Вахрамѣишшо.
Онъ пріѣхалъ ко Олёны на ц́ерьлёнъ карабь;
Да стрѣчаётъ де Олёнушка-та Митревна.
А приходитъ де царишшё на черьлёнъ карабь,
Ишше съ боку па́ бокъ онъ да пошатаитце;
А стрѣча̀ётъ де Олёнушка-та Митревна,
Ай заводитъ во каюту карабельнюю.
Ай сидя во каюты, угошшаютце,
Ишше сладкима напитками да напиваютце.
Напоила де поганого Идо́лишша
Ай тима́ де напитками-ти забуду́шшима;
Ишше за̀спалъ поганоё Идолишшо
Ай во той же во каюты карабельнія.
Говорила де Олёнушка-та Митревна:
„Ужъ ты һой еси, Добрынюшка Микитицъ сынъ!
Ты поди-тко во каюту въ карабельнюю,
Ты бери-тко-се свою да сабьлю вострую,
Отруби-тко-сь у Идолишша ты буйну голову“.
Ишше втѣпоры Добрыня не ослышилсэ,
Онъ берётъ де свою да сабьлю вострую,
Ай махнулъ де царишша по буйно́й главы,
Ай не могъ прочь отрубить буйной го́ловы.
Ай Добрынюшка былъ очунь ухватистой;
Ай приско̀чилъ Добрыня наременьчатъ стулъ,
Повторилъ ёго Добрыня во второй наконъ,—
Отлетѣла голова какъ будто путвица.
Говорила де Олёнушка-та Митревна:
„Ужъ ты гой есь, Перемётушка Васильевицъ,
Ужъ ты гой еси, Олёшенька Поповицъ сынъ!
Вы подите во каюту карабельнюю,
Вы ташшите-то царишша вы на палубу,
Вы мечите-тко царишша во синё морё“.
Ишше втѣпоры Олёша не ослышились,
Ай идутъ во каюту карабельнюю,
Да берутъ де ёво да за рѣзвы́ ноги,
Ишше стя́нутъ де ёво ко палубы карабельнёю
И метали де ёво да во синё морё.

Только пала имь вѣдь повѣтерь способная,
Ай пошли они-то въ красёнъ Кіевъ-градъ.
Да стрѣчаётъ ихъ Владимеръ стольнёй кіевской;
А 'шше пьютъ-то де они со радосьти,
Ай пируютъ де они да со весельица.
Ай тогды вѣрно у ихъ прошла вѣдь свадебка.

№. 15.

Чурило и невѣрная жена.

Ай на тотъ же на празьникъ-отъ на вёшныя,
Ай на вёшныя празьничекъ на Троицу
Нападала тутъ пороха сьнѣгу бѣлово.
Што по той по порохи да по бѣлу́ сьнѣгу
Ай не бѣленькой заюшко проскакивалъ,
Не сѣрой горносталюшко прорыскивалъ,
Ай тутъ шло-то два брателка названыя,
Што названыя братьиця, крестовыя:
Во первы́хъ-то шолъ Чурилушко Плёнковиць,
Во вторыхъ-то шолъ Олёшенька да Поповиць сынъ.
Да Чурило-то пошолъ къ Пере́мину двору.
Ай приходитъ на крылечушко на прекрасноё,
Онъ бречитъ тогды колечушкомъ серебрянымъ.
Услыхала тогды дѣвушка-служаночка,
Ай любима Перемятьёва племяница,
Ай любима Катеринина-та вѣдь клюсьница;
Говорила тогды дѣвушка-служаночка:
„Ишше хто же у воротиковъ колотитце?"
Говорилъ тогды Чурило-то сынъ де ка Плёнковичъ:
— Ужъ ты вой еси, дѣвушка-служаночка!
Ужъ ли въ доми у тя дядюшка родимыя,
Молодыя Перемёта сынъ Васильевичъ? —
Говорила тогды дѣвушка-служаночка:
„Ишше нѣту у насъ дядюшка да родимея:
Ай ушолъ-то онъ ко ранною ко заутрени".
Говорилъ тогды Чурило-то сынъ Плёнковиць:
— Или въ доми ли дядинка родимая,
Молодыя Катерина-та дочь Микулисьня?
Ужъ ты вой еси, ты дѣвушка-служаночка!
Ты отворь-ко-се мьнѣ ворота-ти косисчаты. —
Ай сулилъ-то ей Чурило-то петсотъ рублей,
Да на то-это дѣвушка не согласиласе;
Ай сулилъ тогды Чурило ей цѣлу-ту тысечю,

Ай на это тогды дѣвушка не согласная;
Ай сулилъ-то вѣдь лисичь, куничь на кунью шубу,
Да на это тогды дѣвушка согласиласе,
Побѣжала тогды къ дядинки къ родимыя:
„Ужъ ты вой еси, дядинка родимая!
Ты не знашь нечого, въ доми што у тя дѣитце:
Ай пришéлъ-то вѣдь къ тебѣ небывалой гось,
Небывалой къ тебѣ гось-то, старопрéжной другъ,
Молоды Чурило-то сынъ де Плёнковичь“.
Запусьтили де Чурилушку въ задьню-ту горьницу.
Ай Олёшенька пошолъ тогды во Божью церьковь.
Да приходитъ де Олёша во Божью церьковь,
Онъ и кресъ тогды кладё самъ по писаному,
Ай поклонъ ведё Олёша по учёному,
Ише кланеитце онъ да чудны́мъ образамъ.
„Ужъ вы здрасвуйте, попы, отцы ду́ховныя,
Ужъ вы здрасвуйте, народъ, люди православныя!“
Да подходитъ къ Перемётушки близёхонько,
Ише рѣчь говорилъ самъ потихошеньку:
„Ужъ ты здрасвуй, Перемёта сынъ Васильевичъ!
Да стои же, Перемётушка, во Божьéй церьквы,
Ужъ и молисе Спасу-ту пречистому,
Ужъ и тутъ же ты́ Божьею Богородицы;
Ай не знаешь ты, у тя въ доми што вѣдь дѣитце:
Да пришолъ-то вѣдь къ твоей молодой жены,
Ай пришолъ-то вѣдь небывалой гось,
Небывалой къ сю гось да старопрежной другъ,
Молодыя де Чурилушко сынъ Плёнковичъ“.
Иише эти вѣдь какъ рѣчи ёму не въ люби пришли,
Показалось Перемётушки за доса́душку великую.
Онъ и кресъ тогды кладё да по писаному,
Ай поклонъ ведё Перемётушка по учёному,
Иише молитце онъ Спасу-ту пречистому,
Иише самъ онъ говóрилъ тогды таковó слово:
„Вы прошшайте-тко, попы, отцы духовныя,
Ужъ вы прошшайте, весь народъ, люди православныя!
Да пойду-ли я теперьче къ широку двору,—
Есьли есь у миня у молодой жонѣ,
Иише есь ли какъ у ей теперь небывалой гось,
Небывалой у ей гось-то старопрежный другъ,
Молодыя де Чурилушко сынъ Плёнковичъ,—
Да сьсѣку я у Чурилушка буйну голову,
Не спушшу-ли я Чурилушка теперь на бѣлой свѣтъ“.
Да пошолъ Перемётушка изъ Божьéй церьквы;
Онъ приходитъ на своё крылечко на прекрасноё,
Онъ бречитъ де колечушкомъ серебрянымъ.
Услыхала тогды дѣвушка-служаночька,
Ай любима Перемятьёва племянница,

Ай любима Катеринина вѣдь клюсьница,
Побѣжала она къ дядинки къ родимыя:
„Што идётъ Перемётушка изъ Божьей церьквы,!“
Да идё Перемётушка въ задьню горьницу,
Ишше самъ-то по полу да похаживатъ,
Онъ и троской какъ въ полъ своей поколачиватъ:
„Ишше чья эта сибирочка на грядочки?“
Говорила Катерина дочь Микулисьня:
— Ишше были этта маткины ребятушка,
Позабыли сибирочку на грядочки.—
Перемётушка по горьницы похаживатъ,
Онъ и троской де въ полъ самъ поколачиватъ:
„Ишше чья эта шапочка на спичечки?“
— Ишше были этта маткина ребятушка,
Позабыли они и шапочку на спичечки.—
Перемётушка по горьници самъ похаживатъ,
Онъ и тросточкой въ полъ самъ поколачиватъ:
„Ишше чьи рукавичочки-то на спичечки?“
— Ишше были этта маткины ребятушка,
Позабыли рукавичочки на спичечки.—
Перемётушка по горьници самъ похаживатъ,
Онъ и тросткой своей въ полъ поколачиватъ:
„Ишше чьи этта сапожки подъ кроваточкой?“
— Ишше были этта маткины ребятушка,
Позабыли сапожки-ти подъ кроваточкой.—
Перемётушка по горьници всё да похаживалъ,
Онъ тросью всё въ полъ поколачивалъ;
А берётъ тогды перинушку пуховую,
Розьвернулъ эту перину-ту пуховую,—
Ишше выскочилъ Чурило-то сынъ Плёнковичъ.
Говорилъ тогды Чурило сынъ де Плёнковичъ;
Ишше палъ тогды Перемётушки во рѣзвы ноги,
Ишше самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Ты просьти жа, Перемётушка, въ таковой вины“.
Говорилъ Перемётушка Васильевичъ:
— Ужь ты вой еси, Чурило сынъ всё Плёнковичъ;
Ужъ я нéсколько тебѣ-то всё наказывалъ,
Ужъ я несколько тебѣ всё наговаривалъ:
Не ходи-тко-се, Чурило, къ широку двору,
Не люби-тко-се, Чурило, молодой жоны,—
Да сьсѣку я у Чурила у тя буйну головушку,
Не спушшу болѣ Чурила я тибя на бѣлой сьвѣть.—
Да берё тогды Перемётушка сабьлю вострую,
Онъ отсѣкъ у Чурила-та буйну голову,
Во вторыхъ-то де у дѣвушки-служаночки,
Молодой жены поученьичо далъ поженьскія.

№. 16.

Дунай (Василій Казимировичъ).

Да какъ у ласкова у князя у Владимера
А заводилось пированьицо, почесенъ пиръ
Да на всихъ жа князей, на бо́яръ жа,
На могучихъ руськихъ сильнихъ бога́тырей.
А какъ красно солнышко идётъ на есени,
Да почесенъ пиръ идётъ на весели;
Какъ вси при пиру сидятъ пьяны, веселы,
Какъ вси-то они пьютъ, ѣдятъ, хвастаютъ.
Князь Владимеръ по гридьны своей похаживатъ;
Какъ сафьяны-ти ёго сапожоцьки поскрипываютъ,
Онъ и русыма кудрями приростряхиватъ,
А бѣлыма ручьками всё розмахиватъ,
Златыма-ти перстнями принащалкиватъ;
Какъ самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
А какъ сьѣзьди-ка да въ прокляту́ Литву
Да отьвези-ка ца́рю Батыю пошлину,
А какъ пошлины-то сорокъ тысечей
Да за ти же за три годика,
Да сьведи-ка триста удалыхъ добрыхъ молоцовъ,
А петьсотъ сьведи красныхъ дѣвушокъ“.
Говорилъ-то Сду́най сынъ Ивановичъ:
—Я нейду ко Батыю царю поганому,
Не веду-тко я триста 'далыхъ добрыхъ молоцовъ,
Да не дамъ-то я петьсотъ красныхъ дѣвушокъ
На поруганьё ихъ красы дѣвичей,
Да не буду ёму платить дани-пошлины;
Да какъ могу ему сѣчь да буйну голову.—
„Поѣжай-ко-се, Сдунай да сынъ Ивановичъ“.
—Ужъ ты только дай мнѣ двухъ брателковъ названыя:
Какъ перьвого брата Добрынюшку Микитича,
А второго брата Михайлушка Игнатьева.—
„Ты бери-тко кто тибѣ надобно,
Ты бери-тко моей силы сколько надобно“.
—Ужъ ты вой еси, красно солнышко, Владимеръ князь!
А и шьто же мнѣ губить народъ понапрасному?
А погу́бимъ то ёго троима,
Розоримъ ёго всё царьсво жа,
Что навѣку не вспомянутъ нашей дани-пошлины.—
А какъ ставали бога́тыри на рѣзвы ноги,
Ай брали они шапочьки му́рванки,

Надѣвали на свои-ти буйны головы,
Пошли они по своимъ домамъ,
По своимъ домамъ да по своимъ дворамъ;
Да сѣдлали, уздали опи добрыхъ коней.
Только видѣли богатырь' какъ сбиралисе,
А сбиралисе да одѣвалисе;
Опи осѣдлали обуздали, коней добрыя,
Опи скоро лёкко скакали на добрыхъ коней,
Да изъ города поѣхали воротами,—
Не воротами поѣхали не широкима,
Опи скакали чересъ стѣну городовую,
Чересъ башню-ту наугольную;
Тольке видѣли—въ чистомъ поли курёва стоитъ,
Курёва стоитъ, да тольке три столба столбитъ.
Опи скоро поѣхали въ царьсво батырьскоё,
А въ батырьско царьсво всё къ царю Батыю.
Какъ прiѣхали къ ёму на широкой дворъ,
Они не спрашиваютце у дверей придьверьниковъ,
А заѣжаютъ прямо на широкой дворъ.
Они сходятъ со добрыхъ коней,
А становятъ он' коней середи двора,
Середи двора у дубова столба,
А вязали опи за златы кольчя.
А какъ говоритъ Здунай таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, братъ мой крестовыя,
Тотъ же молодой Михайлушко Игнатьёвичъ!
Карауль ты своихъ добрыхъ коней,
Чьтобы не отвезали у насъ всё добрыхъ коней.
Да какъ послушай ты моёго наказапьиця:
Неравно закрипятъ наши плечи богатырьскiя,
А зазьвенятъ-то наши сабли вострыя,—
Да сѣки на двори и старого и малого,
Не оставлей ты не единого тотарина“.
Заходятъ онѣ да на красно крыльчё,
А со красна крыльчя да на новы сѣни,
Заходили они въ полаты королевськiя,
Какъ бьютъ челомъ царю Батырину,
Ай бьютъ челомъ 'нѣ, ниско кланяютце.
А да какъ самъ-отъ сидитъ на стули рыта бархата:
„Ужъ вы здрастуйте, прiѣжжи добры молодци!
А вы пошто пришли ко мнѣ, прiѣхали:
А ли вы пришли пóсломъ посланы,
Или служить мнѣ-ка пришли вѣрой-правдою,
А вѣрой-правдою, неизьмѣною?“
— Мы пришли къ тебѣ не служить не вѣрою, не правдою,
Мы пришли-то отъ князя отъ Владимера:
Не хочетъ-отъ Владимеръ платить тобѣ дани-пошлины;
Мы пришли за старой годъ получить дань-пошлину;

А не́ такъ—розобьёмъ, розо́римъ всё твоё вѣдь царьсвіё.—
„Ай ужъ вы гой еси, удалы добры молоцы!
Ой не дамъ-то вамъ я дани-пошлины;
А да со́беру я свою силу-множество,
Пошлю я своихъ сильнихъ бога̀тырей,—
А да какъ вѣдь тутъ розорятъ славёнъ Кіевъ-градъ;
А да созову на чисто полё своихъ богатырей“.
А какъ говорилъ Здунай да сынъ Ивановичъ:
„Поѣжай-ка, Добрынюшка, съ Михайлушкомъ да во чисто полё;
Убейте у ёго двѣнацеть всихъ богатырей“.
Какъ тутъ пошолъ Добрыня на широкой дворъ къ Михайлушку:
„Отвязай-ка, Михайлушко, своего добра коня“.
А да они скоро лёкко скакали на добрыхъ коней,
Ай да какъ поѣхали опи да во чисто полё;
А да какъ наѣхали въ чистомъ поли всихъ Батынна богатыри,
А да кричали они зысьнимъ голосомъ:
„А вамъ полно-то спать, бога́тыри, въ чистомъ поли!“
Какъ услышили богатыри да таковы слова,
Ото сна они да пробужалисе,
А да какъ отъ хмелину̑шки да просыпалисе;
Какъ увидѣли руськихъ-то двухъ богатырей,
Какъ тутъ богатыри Батырина да испугалисе,
На уѣсъ поѣхали ко городу къ Батыину.
Какъ состыкъ Добрынюшка съ Михайлушкомъ,
А состытли ихъ да на чистомъ поли,
Осѣкли имъ по плечъ да буйны головы.
А да какъ пріѣхали къ Батыю на широкой дворъ,
А да говорятъ они да таковы рѣчи:
„Государь ты, всё Батыринъ царь!
Мы побили твоихъ сильнихъ бога́тырей“.
Какъ учуелъ тутъ царь Батый,
А закричалъ тотаринъ во всю голову,
Какъ полата ёго да потрясаласе.
Заревѣлъ-то тутъ тотаринъ позьвѣриному:
—Вы скоро̀ идите ко мнѣ, бѣжите съ голову на̀ голову,
И хватайте трёхъ-то руськихъ могучихъ богатырей.—
Какъ набѣжала та́ сила бесчётная,
Они скоро скакали на добрыхъ коней,
Какъ зачели они рубить-то всё тотаровей
Да по широку двору поѣживать.
Какъ закрычали тутъ тотаровя-улановя,
А какъ царь-отъ самъ-отъ на убѣгъ бёжитъ,
И крычитъ онъ таковы рѣчи:
„Ужъ вы руськіи могучіи богатыри!
А да вы оставьте хоть па сѣмена,
Не рубите-ко ихъ да до единого“.
А какъ прирубили-прибили многи тысечи,
Говорилъ то царь Батыринъ таковы рѣчи:

„Не рубите моего народу попапрасному,
Я одамъ назатъ князю дань, вѣдь пошлину,
Какъ буду платить дань князю, всё вѣдь пошлину.
Вы берите у мя злата, сколькe вамъ вѣдь надобно,
А да отьвезите князю Владимеру“.
Получили они дань да за вси годики,
Какъ прощались съ царёмъ Батыринымъ.
„Вы прошшайте добры молодци!
Я не буду паходить вѣкóмъ на князя на Владимера“.
Какъ пріѣхали богатыри да въ красенъ Кіёвъ градъ,
А да привезьли они много дани-пошлины,
Привезьли они золотой казны бесчетной жа.
Говоритъ князь да таковы рѣчи:
„Ужъ вы гой еси, мои руськй богáтыри!
Какъ чимъ вѣдь буду я васъ жаловать?
Подарю-то вамъ по шубоцьки да соболиныя,
А да наложу на шубочки да по три пуговки:
Какъ перьва-та пуговка будётъ въ петьсотъ рублей,
А втора-та пуговка въ цѣлу тысечу,
А да третьей-то пуговки—цѣны ей нѣтъ.
Подарю вамъ по шапочки по мýрванки;
А какъ въ тихъ-то шапочкахъ по пéрышку
Того жа орла орловича:
Сидитъ-то онъ среди моря на сѣромъ каметки,
Какъ щиплётъ-рьвётъ изъ себя эти пéрышка,
А какъ кажно перо стойтъ петьсотъ рублёвъ“.

№. 17.

Садко.

Бывалъ-живалъ Сатко-купецъ богатыя.
А какъ и'-за того-то моря синего
Да пришолъ-то онъ ко славному ко городу ко Кіеву.
Ай сидѣлъ-то Сатко при чеснóмъ пиру,
А какъ пилъ-то, ѣлъ, сидѣлъ, хвасталъ жа:
А я сколькe по морю-морю не хаживалъ.
Я морьскому царю пошлину не плачивалъ“.
А тутъ хвасталъ-то во Кіёви товарушки повыкупить,
На свои-ти трицеть кàраблей повыгрузить.
А какъ зàутра во Кіеви товарушка вдвоё-то прибыло,
На вторы-ти сутки вдвоё-втроё навезли,
А на третьи сутки ише больше старого-преставили.
Ай нагрузилъ онъ свои цёрны карабли

Разноличьныма-то всякима товарами.
Да какъ потянула ёму повѣтерь тиха способная;
Да какъ отправилсэ Сатко да во синё морё,
Во синё морё да во своё мѣсто.
Какъ та земля да спотапласе,
Ихна-та земля здремѣниласе [1]).
Какъ Саткоськой-отъ карапь некуды нейдётъ,
А ины́-ти карабли какъ соколы летятъ.
Какъ купецъ Сатко по палубы похаживатъ,
А какъ онъ съ ножку на ножку переступывалъ,
А какъ самъ вѣдь говорилъ да таковы слова:
„Ужъ вы слуги, слуги мои вѣрныя,
Ужъ вы водолащики мои молодыя!
Да сходите-тко въ синё морё,
Ай во синё морё да подъ чернёнъ карапь:
А не на луды́-то [2]) стоитъ мой чёрный карапь не на подводныя?".
А какъ тутъ слуги да не ослышились,
А скинывали онѣ своё платьё чьвѣтноё,
А скакали они во синё морё,
Ай во синё морё да подъ чернёнъ карапь;
Ай выставали [3]) они на другомъ боку,
Ай выходили они да на чернёнъ карапь,
Сами говорили таковы слова:
— Ужъ ты гой еси, Сатко-купецъ богатыя!
А какъ не на луды стоитъ нашъ чернёнъ карапь не на подводныя.—
А какъ говорилъ Сатко-купецъ богатыя:
„Ай ужъ вы гой еси, слуги мои вѣрныя!
Да какъ дожно быть, держитъ Морьской царь,
Ай какъ проситъ онъ да виноватого.
Ужъ вы слуги мои вѣрныя!
А вы дѣлайте-ка по жеребью да по бѣлоду́бову".
Ай какъ тутъ слуги́ да не ослышились,
Ай какъ дѣлали они по же́ребью.
„Вы мечите-ка эти жребьи́ вѣдь на воду".
Они здѣлали по же́ребью,
Какъ бросали жеребьи́ вѣдь на воду.
Какъ ины́-ти жеребьи́ поверьхъ воды пловутъ,
А Саткоськой-отъ пошолъ ко́ дну ка́менёмъ.
А какъ го́ворилъ Сатко-купецъ богатыя:
„Вы спускайте лёхку шлюпочьку".
Ай какъ бралъ онъ съ собой золоты гусельки розрывчаты [4]),
А да какъ вѣдь садилсэ въ лёхку шлюпочьку,
Какъ прошшаитце, самъ слёзами обливаитце:

---

[1]) Т. е. «вспремѣнпласяя», замѣнилась.
[2]) Луда—выдающійся изъ воды плоскій камень.
[3]) Выстава́ть—подниматься изъ воды.
[4]) Вмѣсто «яровчаты»—яворовыя.

„Вы прошшайте-ка, прошшайте мои слуги вѣрныя!“
А какъ прошшались его слуги вѣрныя:
— Ты прошшай-ка нашъ, Сатко-купець богатыя!—
Какъ Саткоськой-отъ карапь какъ соко́лъ политѣлъ.
А ка за́спалъ тутъ Сатко-купець богатыя
А во той жа во легонькой во шлюпоцьки,
А какъ пробужаитце купець богатыя
А сидитъ-то у Морьского царя за дубовы́мъ столомъ косисьчятымъ. [1])
Какъ спрашиватъ Сатка-купця богатого:
„Ужь ты, Сатко-купець богатыя!
А ты жонатъ живёшь, али холосъ словёшь?
А да ты возьми жа у мня дѣвушки красныя:
Есь-то у мня-то три дѣвушки хорошія;
Одна-то есь то красна дѣвиця Чернавочка.“
— Да какъ ту-ту возьму за собя замужъ,
Ай уйду-то я да во своё мѣсто́. —
А какъ тутъ Сатко за столомъ да засыпаитце;
Какъ отъ сна вѣдь онъ да пробужаитце,—
Ай сидить то въ доми у собя
За тѣма́ столами бѣлодубова
Какъ съ той жа дѣушкой Чернаушкой,
А да они пьютъ, ѣдятъ, всё вѣдь кушаютъ.
А во ту пору пришли ёго да чёрны карабли,
А да они идутъ не сь ц̆есьти, не съ радосью,
А не здымаютъ флаковъ на маштахъ жа́,
Только держатъ флаковъ въ полъ-маштахъ жа.
А да какъ стрѣчалъ Сатко свои да чёрны ка́рабли
Какъ со своею съ молодой женой.

№. 18.

Дюкъ Степановичъ.

Какъ во той-ли Корелушки богатыя
Какъ жилъ то-былъ богатая богатина.
Тотъ же Дюкъ сынъ Степановиць.
Да широко было ёго строеньицё устроёно:
А строеньицё устроёно да на семи вёрстахъ,
На семи вёрстахъ на семидесети семи столбахъ;
Ай на углахъ было, построены да церьквы Божія,
Ай таки да черьквы всё Миколины;

[1]) Косяцатый—изъ струганыхъ досокъ.

А кругомъ дому была ограда красна дерева,
А красного дерева, всё окована,
Не спримѣтить какъ, не зайти къ Дюку на широкой дворъ;
У конюшень были дьвери всё хрустальнія.
А да какъ не бѣленька берёзонька шатаитце,
Да не сырой дубъ да погибаитце,
А не муравая трава къ земли клонитце,—
Какъ Дюкъ-отъ Стёпановичъ родной матушки въ ноги падаётъ,
Ай да какъ проситъ у ей благословленьиця
Какъ ѣхать въ славёнъ Кіёвъ градъ
Какъ ко ласкову князю ко Владимеру—
Посмотрить ёго князя да со кнэгиною,
Посмотрить всихъ руськихъ могучихъ богáтырей.
Даётъ ёму матушка благословленьицо
Какъ ѣхать во славёнъ-отъ Кіевъ градъ,
А даётъ ёму, сама наказыватъ:
„А неровнò ты, дитетко, напьёсьсе зелена вина,
Ты ничимъ при пиру сиди, не хвастай жо,
Ай да ты ничимъ не похваляйсе жа“.
Какъ приказалъ слугамъ вѣрнымъ жа
Сѣдлать-уздáть добра коня наступчива;
Тутъ слуги ёго да не ослышились,
Скоро сѣдлали-уздали ёго добра коня,
Ай да какъ сталъ сынъ наряжатисе да собиратисе,
Да клалъ онъ съ собой подорожничьковъ немножечко
А какъ въ ту же суночку-котомочку,
А та была суночка да рыта бархата,
А какъ лямочки были у суночки семи шолковъ,
А да какъ высажины да скатнымъ жемчугомъ,
Посажоно было въ эти лямочки по камушку да самочвѣтному;
А какъ одѣватъ онъ самъ собя да платьё чвѣтноё,
А платьё чвѣтноё да подорожноё;
А какъ молитсе онъ Спасу всё Пречеспому,
Ай да покланяитце Матери Божьей да Богородици,
Да прошаитце да со своей родной матушкой.
Ай да какъ пошёлъ Дюкъ сынъ да Стёпановичъ
Ай на тотъ да на конюшей дворъ,
Скоро Дюкъ скакалъ да на добра коня,
Скоро онъ съёжалъ да съ широка двора;
Какъ ѣхалъ перьвой день съ утра до вечёра,
А да ѣхалъ второй день съ утра до вечёра,
А на третьи̍ сутки̍ пріѣхалъ ко городу ко Кіеву;
Скакалъ-то онъ черезъ стѣну городовую,
А черезъ ту же башню наугольнюю.
Заѣжалъ онъ ко Владимеру да на широкой дворъ,
Сходилъ-то онъ крутó да со добра коня,
Становилъ коня да къ дубову столбу,
А вязалъ-то коня да къ золоту кольцю,

А пошолъ-то со двора да на красно̀ крыльцё,
А со красна крыльця да на новы́ сѣни,
А съ новыхъ сѣней въ полаты княженевьскія,
Какъ молитсе онъ Спасу всё Пречистому,
А какъ Матери Божьей Богородици,
Ай ка бьётъ челомъ князю да со кнэгиною
А какъ о ту же о рученьку о правую,
А какъ князьямъ-бо̀ярамъ всё о лѣвую.
Какъ садилъ-то Владимеръ гостя во болшо мѣсто.
Наливали ёму чяру зелена̀ вина,
Што не малу, не велику—въ полтора вёдра;
А да не берётъ-то чары во праву́ руку,
А да не хочётъ пить да зелена вина.
А какъ вси тутъ сидятъ пьяны-веселы,
А какъ вси-то сидятъ пьютъ, ѣдятъ и кушаютъ;
А почесёнъ пиръ идётъ у ихъ наве́сели.
А какъ вси они сидятъ да пьяны-веселы,
А сидятъ-то они, всё вѣдь хвастаютъ:
Какъ богатой-отъ вѣдь хвастатъ золотой казной да государевой,
Какъ иной-отъ хвастаётъ да широкимъ дворомъ,
А какъ сильнёй-отъ хвастатъ своей силою,
А какъ умной-отъ хвастатъ роднымъ батюшкомъ,
А разумной хвастатъ родной матушкой,
А какъ глупой-отъ хвастатъ всё родной сёстрой,
Неразумной-отъ вѣдь хвастаётъ да молодой жоной.
Какъ сидитъ-отъ Дюкъ Стёпановичъ, ничимъ не хвастаётъ.
А какъ го̀ворилъ-то князь да таковы рѣци́:
„А пріѣжой гось сидитъ, не пьётъ, не ѣсъ, не кушаётъ,
Какъ не кушаётъ, да ничимъ не хвастаётъ,
Какъ по имени-отъ Дюкъ Стёпановичъ.
Тибѣ што развѣ мѣстомъ я о̀бсадилъ,
Али винной чарой тибя о̀бнесли,
Эли князьья-бо́яра надъ тобой да посмѣхаютце?“
Говоритъ-то тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ:
— Ужъ ты гой еси, Владимеръ князь да стольнё кіёвськой!
Ужъ ты мѣстомъ миня всё не о̀бсадилъ,
Винной чарой миня-то всё не о̀бнесли,
Не князья, не бо́яра посмѣхаютсе;—
Не могу-то кушать вашого-то кушанья:
Какъ пахнётъ вашо кушаньё на сосенку,
Какъ на то же на сосново на помёлышко.
Какъ у мня-то родна матушка пекётъ колачики,—
Э колачикъ-отъ съѣшь, другого хочитце,
О третьёмъ колачики душа бажи́тъ [1]).
У мня въ печки пашутъ [2])—помёлышко шолко̀воё,

---

[1]) Бажа́ть—стремиться, любить.

[2]) Паха́ть—мести.

Окунаютъ въ ту воду́-то всё мёдовую.
А да я ипше да тимъ похвастаю:
Да какъ своимъ да свѣтлымъ платьицёмъ,
Э мнѣ не надобно не шить-кроить да платья цьвѣтпого,
А какъ будётъ мнѣ носить на три годика;
Ише вдво́ё лёжитъ платья не шитого,
Не шитого лёжитъ, кроёного.
Какъ есь у мня золотой казны песчотно жо.—
Какъ закричали бояра кособрюхія:
„Ай ужъ ты гой еси, мужичёнко ты пріѣхалъ задве́нщина!“ [1])
А говорили князю таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, Владимеръ князь да стольнё-кіевськой!“
— Ужъ вы гой еси, мои князя-боя́ра!
Я не буду садить госьтя пріѣжжого;
А да какъ вѣдь нужно посмотрить ёго имѣньицо,
А тогды садить ёго да 'тёмну тёмницю.—
Говорилъ-то князь да та́ко̀вы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
Ужъ ты гой еси, Олёшинька Поповичъ младъ!
Вы берите чернилъ, бумагъ да скольки надобно,
Ужъ вы поѣжайте-тко въ Корелушку богатую,
А да опишите-ка имѣньицо Дюка̀ сына́ Степанова,
Пересчитайте-ка его золоту казну да осудареву.—
А какъ тутъ брали́ они да пуховы шляпы́,
Какъ брали они много чернилъ, бумакъ,
Походили они да на широкой дворъ
А сёдлать-уздать да всё добры́хъ коней;
Говорилъ-то имъ да Дюкъ Стёпановичъ:
„А ты гой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
Какъ пріѣдете въ Корелу къ намъ въ богатую,
А найдите́ моё подворьицо-строеньицо,—
А не найти моихъ дверей дворовыхъ жа;
А куды вамъ заѣхать на широкой дворъ,
Научу да накажу вамъ добрымъ молодцамъ:
А заѣдите какъ середи дома,
А заѣдите къ окошку косиссятому [2]),—
Кричите-ка громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты вой еси, Дюкова да родна матушка!
А отворь-ка намъ дворовы дьвери—
А заѣхать намъ къ тобѣ да на широкой дворъ.“
А крычала тутъ всё дворьникамъ:
„Ужъ вы дворьники мои да караульшыки!
А запусьтите-ка два дородьнихъ добрыхъ молоцовъ.
Вы отворьте тутъ имъ да широки дьвери.
Какъ заѣхалъ Добрынюшка съ Олёшенькой на широкой дворъ,

---

[1]) Вмѣсто «задвинщина»—по ту сторону рѣки Двины.
[2]) Косящатому—съ наличниками.

Тутъ Добрыня съ Олёшенькой да удивлялисе
А тому строенью-ту всё Дюкову,
Какъ было у ёго да всё устрояно,
А устрояно было да изукрашоно.
Пошли они съ широка двора на красно крыльцё,—
На перьвы́хъ сѣняхъ стрѣчають ихъ кухарочки;
Они бьютъ челомъ да ниско кланятсе:
„Ужъ ты здрастуй, Дюкова да родна матушка!“
— Мы не Дюковы-то родны матушки,
Мы просты Дюковы кухарочки.—
На вторыхъ стрѣчають Дюковы вѣдь горьнишьни;
„Ужъ ты здрастуй-ка, родна Дюкова да матушка!“
А на третьихъ сѣняхъ стрѣчатъ да родна матушка,
А ведётъ-то во свои да свѣтлы свѣтлици,
А садила-то она на стульё-то рыта бархата.
„Ужъ вы гой еси, дородьни добры молоцы,
А какъ руськія могуцихъ два богатыря!
Я не знаю, какъ васъ, добрыхъ молодцовъ, да именёмъ зовутъ,
Зведичеть-то васъ да по отечесьву;
А да вы скажите-ко про своё имя жа и отчесьво“.
А какъ говорилъ Добрыня таковы рѣчи:
— А зовутъ миня Добрыней, по отечесьву Микитичомъ.—
Какъ Олёшенька говорилъ да таковы рѣчи:
— Зовутъ миня Олёшенькой Поповичомъ.—
Говорила тутъ Дюкова да родна матушка:
„Вы скажите-ка, гдѣ моё осталось чадо милоё,
Э на воли живетъ-то, въ тёмной-то темници?“
— А онъ не сидитъ-то въ тёмной темници,
А онъ ходитъ у князя въ полатахъ княженевьськія.
А да ты скажи какъ, окажи, да родна матушка,
Окажи вперьво да платьё чьвѣтноё,
Переситать ёго да платьё чьвѣтноё
А записать ёго въ книги-то бѣлыя.—
Говорила тутъ Дюкова да родна маменька;
„Ужъ вы гой еси, слуги мои вѣрныя!
А носите-ко моёго чяда платьё чьвѣтноё,
Говоритъ-то она имъ да таковы рѣчи:
„А да вамъ чернилъ, бумагъ не станётъ жа
Какъ описывать ёго да платьё чьвѣтноё
Да весь нарядъ ёго да чада милого“.
А да ситали, писали ровно трои суточки,—
А на половину у ихъ не стало чернилъ, бумагъ.
А ка говорилъ Добрыня съ Олёшенькой да таковы рѣчи:
— А не пустымъ-то твоё чядо о томъ хвасталъ жа.—
Какъ отказывали описывать да Дюково имѣньицо:
— Бумагъ, чернилъ у насъ не стало жа;
Иные вдвоё-троё описать-то есь ёго имѣньицо;
Золотой казны ёго намъ не сосьцитать будётъ.

А да какъ не пустымъ-то Дюкъ вѣдь хвасталсэ
Своею золотой казной.
А да какъ собрать со ' ёго Кіева золотой казны,—
А дакъ то не будётъ за сёго имѣньицо.
Ахъ ты гой еси, родна Дюкова матушка!
Не хотимъ ситать вашого имѣньица,
А какъ будётъ всё вашо ситать имѣньицо—
А не сошитати намъ будётъ въ три́ года́.—
А какъ собирала дубовы́ столы,
Какъ садила госьтей да за дубовы столы,
Какъ поила ихъ, корьмила до́сыта
А да всё поила вѣдь допьяна.
Какъ Добрынюшки съ Олёшенькой кушаньё да прилюбилось жа.
„А какъ съ роду мы не кушали да того-то кушанья!“
Напивались, наѣдались они до́сыта,
Выходили изъ-за тихъ столовъ да бѣлоду́бовыхъ,
А молилисе онѣ Спасу всё Пречистому,
Да прошаютсе съ Дюковой да родной матушкой;
„Ты прошай-ко-се, Дюкова да родна матушка!“
— Вы прошайте-ко, дородьни добры молодци!
Какъ пріѣдете въ славно-Кіёвъ градъ,
Заступите-ко, замолвьте таковы слова:
А што бы князь Владимеръ не казьнилъ, не вѣсилъ бы.—
Какъ поѣхали богатыри да съ широка двора,—
А отпирали ти дьвери широкія,
Выпускали ихъ добрыхъ молодцовъ.
Какъ поѣхали богатыри путёмъ-дорогою;
А путёмъ ѣдутъ дорогою, розговариваютъ:
„Какъ есь ли на сьвѣти така богатина!“
А да какъ пріѣхали ко городу ко Кіёву
А ко ласкову князю ко Владимеру,
Какъ срѣчаётъ Дюкъ Стёпановичь да на широко́мъ двори:
„А дакъ видѣли вы мою родну матушку?“
— А да она тибѣ да ниско кланялась.—
Какъ заходятъ ко князю въ полаты княженевьскія,
А какъ молятсе онѣ Спасу́ пречистому
Да какъ бьютъ челомъ князю Владимеру _
„Ужъ ты здрастуй-ко, Владимеръ князь стольнё-Кіевськой!“
А какъ поспрошалъ Владимеръ жо:
— Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичь младъ!
Ай описали вы Дюково имѣньицо?—
Какъ говорилъ Добрынюшка съ Олёшенькой:
„Какъ едну, имѣнья одну четверьть жа;
Какъ писать ёго всё, ситать имѣньицо,—
А не сошитать-то намъ будётъ ровно въ три года;
А не пустымъ-то Дюкъ онъ о томъ хвасталъ жа.
А да выпускай-спускай Дюка сына Стёпанова.
Какъ собрать намъ имѣньё да со всёго града Кіева,—
Не собрать намъ за едно имѣньё Дюково“.

№. 19.

„Шутова̀ старина“.

Какъ было во городи во Ту́еси, [1])
А какъ не было у ихъ да предводителя,
Какъ ни князя не было ни княжевича,
А князили-то невѣстки-то, невѣсточки.
Какъ у ихъ промежъ собой да грѣхъ пошолъ,
А грѣхъ пошолъ да ка брань пошла:
А буёвыма па̀лками — мутовками,
А какъ вострыма ко̀пьеми — ухватами,
А чяжолыма пали́цеми — всё лопатами.
А какъ кашицю они обневолили;
Кислы-ти шти да на уходъ пошли,
А да промежу́ собой онѣ росхвастались:
А какъ бы тотъ былъ кисель съ прѣснымъ молокомъ,
А какъ мы бы съ нимъ поправились, побра̀тались.[2])

№. 20.

Небылица.

Ай какъ сказали, братцы, сынъ на матушки поѣхалъ жа.
Да какъ ту мать родну́ запрёкъ подъ корень,
А молоду жону запрякъ при́сьтяжью;
Какъ родну матушку посьте́гиватъ,
Постегиватъ да понюживатъ,
А молоду́ жону́ свою поддяръживатъ.
Ай какъ сказали, братьци, на синёмъ мори овинъ горитъ,
Ай овинъ горитъ да со мекиною.
А сказали, братьци, по чисту полю карапь бѣжитъ,
А карабль-отъ — паруса вверьху,
А сказали, братьци, онъ да со матросами.
Какъ сказали, братьци, кобыла бѣлку лаяла,
А росширя глаза, глаза выпучилъ [3]).
А сказали, братьци, на ели́ свинья гнѣздо сьвила,
А гнѣздо сьвила да и малыхъ дѣтей сь ели свела.
А сказали, братьци, на ели была мохавка чухариной хвосъ.
А какъ, братьци, по поднебесью медьвѣдь летитъ,
Онъ ножками и лапками помахиватъ,
Какъ коротенькимъ своимъ хвостико́мъ поправливатъ.

---

[1]) Туесъ—берестяное ведерко съ крышкой для различныхъ продуктовъ.
[2]) Вмѣсто «поратились», т. е. повоевали.
[3]) Выпучивъ?

№№ 21—37, 39—42 представляютъ изъ себя перепечатку начальныхъ стиховъ изъ былинъ, напечатанныхъ въ сборникѣ: „Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ“. М. 1901. Эти отрывки печатаются здѣсь безъ сохраненія мѣстнаго говора, но съ удержаніемъ количества слоговъ въ стихѣ.

№. 21. („Бѣломорскія былины“, № 22).

Сорокъ каликъ со каликою.

А и было сорокъ каликъ да со каликою.
Собиралися калики всѣ во единый кругъ,
Во единый же кругъ они на зеленый лугъ;
Они копьеца во землю всѣ испоставили,
Они сумочки-котомочки исповѣсили;
У нихъ сумочки-котомочки рыта бархата.
Выбирали они да атамана-та,
Атамана выбирали Касьяна Немило́стива,
Подата́манья—Михайлушка всѣ Касьяновича;
Они клали-то межъ собой заповѣдь великую,
Да великую они заповѣдь, немалую:
„Еще кто у насъ вѣдь, братцы, заворуетъ же,
„Еще кто у насъ, братцы, заплутуетъ какъ,—
„Мы вкопамъ того во матушку въ сыру землю“.

№. 22. („Бѣл. был.“, № 25).

Оника-воинъ.

Еще жилъ Они́ка-воинъ.
Поѣхалъ Они́ка-воинъ;
Преѣхалъ Они́ка воинъ святую Русь,
Онъ побилъ многихъ русскихъ бога́тырéй,
Пролилъ много у вдовъ слезъ горькихъ.
Задумалъ Они́ка-воинъ
Ерусалимъ-градъ разорити.
Навстрѣчу Они́кѣ-воину
Идетъ тутъ чудо чудное,
Идетъ все диво дивное,
Навстрѣчу все встрѣчается,
Все Оники не ужасается.
Оника на ко́нѣ ужаснулся,
И хочетъ острую саблю все направить,
Какъ изъ рукъ сабля упала.
Идетъ-то вѣдь чудо чудное:
У него туловище звѣриное,
Еще ноги все лошадиныя,
Голова человѣческая,
Волосы у него до пояса.

№. 23. („Бѣл. был.“, № 28).

Вдова, ея дочь и сыновья-корабельщики.

Ай была-то жила вдовушка;
Что вѣдь было у ней да трое дѣточекъ:
Два сына было да все вѣдь дочь единая.
Ай задумала вдовушка думушку худую про себя:
„Ай чтобы мнѣ, вдовушкѣ, итти ко синему морю́,
Ко синему морю, вдовушкѣ, мнѣ-ка дѣточекъ снести.
Спущу, спущу, вдовушка, дѣтей на воду,
Я поло́жу-то на дощечку красна дерева,
Распишу-то я слова, каки́ мнѣ надобно,
По словамъ чтобы моихъ дѣтей узнавали тутъ“.

№. 24. („Бѣл. был.“, № 29).

Князь Романъ убиваетъ жену.

Еще было во славномъ городѣ во Кіевѣ,
Еще былъ-то князь Романъ да сынъ Ивановичъ,
И была-то княгиня молода его,
А по имени-то Марья дочь Андреевна;
А вѣдь было у него княжно̀ дитя,
Еще душечка Настасья дочь Романовна.
А уѣхалъ-то князь Романъ Ивановичъ,
А уѣхалъ-то онъ вѣдь все да во чисто́ поле,
Изъ чиста̀ поля́ пріѣхалъ къ своему двору.
И княжно-то дитя да порасплакалось,
Порасплакалось оно да порастѣшилось;
Не могли-то его утѣшить бабушка, все нянюшки.

№. 25. („Бѣл. был.“, № 31).

Мать князя Михайлы губитъ его жену.

Поѣзжаетъ князь Михайло
Во чисто́е по̀ле,
Во широкое раздолье,
Оставляетъ князь да Михайло
Свою-то княгиню,
Молоду жену Марфи́ду,
И наказыватъ князь Михайло
Своей маменьки родною,
И свѣтъ-сударынѣ большою:
„Ужъ ты мать моя, мати,
Ужъ ты маменька родная,
И свѣтъ-сударыня большая!
Ты корми мою княгиню,
Молоду жену Марфиду,
Корми я́ствой-то сахарной;
Ужъ ты пой мою княгиню,
Молоду жену да Марфиду,
Еще сладкимъ ты медомъ“.

№. 26. („Бѣл. был.“, № 32).

Иванъ Дородоровичъ и Софья-царевна.

Еще было-то во городѣ во Кіевѣ,
Ай у ласкавого князя у Владимира,
Тамъ была-то у него племянница любимая,
Еще былъ-то Иванъ да Дородоровичъ.
Они жили были-то отъ города неподалеку тутъ.
А народъ, всѣ люди добрые про нихъ все проводили тутъ.
Говорилъ-то тутъ Иванъ все Дородоровичъ:
„Ужъ ты гой еси, ты Софья ты, царевна-я!
А погинули народъ всѣ православные
Какъ за наши-ти за души, души праведны.

№. 27. („Бѣл. был.“, № 35).

Смерть царицы Настасьи Романовны.

Пріутихло, пріуныло море синее,
Пріутихли, пріуныли рѣки быстрыя,
Пріутихли, пріуныли облака ходячія:
Благовѣрная царица преставлялася,
Воску яраго свѣча передъ ней да загорѣлася.
Передъ ней стоятъ два младаго два царевича,
Да стоятъ они, слезно уливаются;
Во ногахъ сидитъ Настасья, дочь царевна-то,
А сидитъ она, слезно уливается.

№. 28. („Бѣл. был.“, № 36).

Кострюкъ.

Да во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
Что во матушкѣ-то было каменной Москвѣ,
Еше по небу было все по ясному
Да по воздуху было по небесному,
Тамъ вѣдь мелки часты звѣздочки просвѣтили:
По чисту полю бояре всѣ разъѣзжалися.
Да задумалъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
А задумалъ-то все да онъ женитися,
Онъ не въ матушкѣ задумалъ въ каменной Москвѣ,
Онъ во той-ли задумалъ проклятой Литвѣ,
Утого-ли Темрюка-то все Темрюковича—
Да на той-ли на Марьѣ все Темрюковнѣ.

№. 29. („Бѣл. был.“, № 39).

Смерть Михайлы Скопина.

Поѣзжаетъ Скопи́нъ-отъ, да князь-отъ Михайло Васильевичъ,
Поѣзжаетъ Скопи́нъ-отъ за Москву-рѣку.
Да наказываетъ Скопи́ну-то родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жена:
„Ужъ ты душенька, Михайло да ты Васильевичъ,
Ужъ ты тотъ-ли князь да Ско̀пинъ-отъ!
Ты не ѣзди, Скопи́нъ, да за Москву-рѣку:
Тамъ поставятъ тебя-то вѣдь не на пиръ зовутъ,
Не на пиръ тебя зовутъ-то, не пировать съ тобой,
Они тебя держать все крестника
У того-то у князя у московскаго“.

№. 30. (Бѣл. был.“, № 40).

Осада Соловецкаго монастыря.

Во Москвѣ-то было, во царствѣ,
Во прекрасномъ государствѣ,
Переборъ-то былъ боярамъ,
Пресмотръ-отъ былъ воеводамъ.
Изъ бояръ, бояръ выбирали,
Воеводу-то поставляли,
Воеводу-то непростого—
Его роду же непростого́:
Изъ боярѣ князь-Салтыкова.
Воспрого́воритъ-то государь-царь нашъ,
Алексѣй-сударь свѣтъ Михайловичъ:
„Ужъ ты гой еси, воевода!
Я пошлю тебя, воевода,
Ко мона́стырю свято́му,
Ко игумену честно́му:
Стару вѣру-то поруши́те,
Стары книги истреби́те,
На огнѣ вы всѣ сожгите“.

№. 31. („Бѣл. был.“, № 41).

Шведская война при Екатеринѣ II.

Во Москвѣ-то вѣдь было, въ славномъ городѣ,
Ай на царствѣ-то вѣдь не́ было ни царя, ни царевича,
Что не мла́даго родимаго наслѣдничка:
Тутъ царила-то царица благовѣрная,
Еще та Екатерина Алексѣевна.
Что сидѣла она, царила ровно три года;
Тутъ заслышалъ король невѣрный шведскій-то;
Еще самъ-то онъ, татаринъ, похваляется:
„Я зайду-пойду во матушку въ Москву-городъ;
Напередъ я разорю въ Москвѣ да церкви Божьи всѣ,
Я тогда буду рубить со стараго до малаго,
Не оставлю я въ Москвѣ силы на сѣ́мена“.

№. 32. („Бѣл. был.“, № 53).

Голубиная книга.

Находила-то тутъ все туча темная,
Туча темна находила, туча грозная
Ай со той-ли со восточной со сто́ронушки;
Ай вѣдь посередъ-то было поля чистаго,
Выпадала-то тутъ книга Голубиная.
Ай съѣзжались къ этой книгѣ Голубиною
Еще сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Еще сорокъ князей, сорокъ княжевичей,
Еще сорокъ королей, все королевичей,
Еще сорокъ архереевъ все съ митрополитами,
Еще сорокъ-то протопоповъ-то съ попами все;
Ай съѣзжались-то всѣ могучіе бога́тыри,
Ай народу православнаго да числа-смѣты нѣтъ.

№. 33. („Бѣл. был.“, № 57).

Мать и дочь въ татарскомъ плѣну.

За Дунай-рѣкой стояли злы татарнички;
Татарнички дѣлъ дѣля́тъ,
Они дѣлъ дѣля́тъ, да они пай пая́тъ.
Доставалась-то зятю все вѣдь теща-то;
И не знаетъ вѣдь зять, что досталась ему тещенька.
Говоритъ-то татарничекъ да таковы слова:
„Увезу-то я полонянку во свое мѣсто,
Во свое мѣсто полонянку-то, да къ молодой женѣ,
Къ молодой-то все женѣ, русской полоняночкѣ;
Прикажу я, прикажу да три работушки:
Я перву́-то дамъ работу—ей кудельку прясть,
Да втору-то дамъ работу—смотрѣть ей, лебедей стеречь,
Я третью́-то дамъ работу—колыбель качать“.

№. 34. („Бѣл. был.“, № 62).

Женитьба Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши.

Во славномъ городѣ во Кіевѣ
Добрынюшка сидѣлъ со своей ро̀дной маменькой,
Они подъ тѣмъ-то окошечкомъ косящатымъ,
Они смотрѣли все да во чисто́ поле.
Говорила Добрынѣ ро́дна маменька,
Пожилая вдова Омельфа Тимофеевна:
„Что пора тебѣ, Добрынюшка, жениться-то“.
Скорый отвѣтъ держалъ Добрыня своей маменькѣ:
— Я женился бы, маменька родимая,—
У насъ въ Кіевѣ-то дѣвушки-то всѣ заму́жъ да повыданы.
Мнѣ-ка нужно поѣздить по дальнимъ го́родамъ,
По селамъ-то мнѣ и по деревнямъ-то,
Поискать-то мнѣ невѣсты, красной дѣвицы.—
Какъ вставалъ-то онъ скоро на рѣзвы́ ноги:
— Скучно, скучно здѣсь сидѣть мнѣ, до̀бру молодцу.
Я поѣду да разгуляюся;
Что съѣзжу-то я во чисто́ поле,
Изъ чиста́ поля проѣду на Пучай-рѣку.—

№. 35. („Бѣл. был.“, № 63).

Бой Добрыни и Алеши съ татариномъ.

Что стоялъ-то шатеръ да во чистомъ полѣ.
Во шатрѣ-то спали два бога́тыря:
Что первой-отъ Добрынюшка Никитичъ-отъ,
Что второй-отъ Алешенька Поповичъ-отъ.
Они скоро тутъ бога́тыри просыпалися,
Умывалися они да ключевой водой.
Говорилъ-то Алешенька Поповичъ-отъ:
„Мы поѣдемъ-ка, брателко крестовый-отъ,
„Съѣздимъ на эту гору мы высокую:
„Не увидимъ ли чего мы, не услышимъ ли?“

№. 36. („Бѣл. был.“, № 65).

Соловей Соловьевичъ (Будимировичъ).

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ-за синяго моря Хвалынскаго
Выходили тутъ двѣнадцать черныхъ кàраблей.
Подходили тѣ корабли ко городу ко Кіеву,
Заходили они подъ самый дворецъ да всѣ вѣдь княжескій.
Хорошо-то эти корабли очень были да убраны:
Они убраны были, все позолочены,
Дорогими’ни товарами да нагружòны-ти;
Еще разны-ти товары все заморскіе,
Разны́ матерьи-ти были шелковыя,
Разные атласы были, бархаты.
Еще находился грузъ да красно золото,
Народилось во грузу да чисто серебро,
Еще вѣдь были въ корабляхъ каменья драгоцѣнные.

№. 37. („Бѣл. был.“, № 77).

Василій (Игнатьевичъ) пьяница.

Какъ шло-то два турà возлѣ синё море,
Какъ два турà да златорогіе;
А какъ пòплыли туры́ да на Буянъ-островъ.
А какъ шли-то туры́ по Буя́нъ-острову́,
Да какъ тутъ навстрѣчу имъ турица да златорогая,
Златорогая турица да одношерстная:
„Ужъ вы здравствуйте, туры́ да златорогіе,
„Златорогіе туры́ да одношерстные!
„Да откуль идете, да откуль путь лежитъ?“—
— Мы идемъ-то, идемъ да со святой Руси,
Со святой-то Руси, изъ города изъ Кіева,
Да отъ ласковаго князя да отъ Владимира.—

№. 38. (ср. „Бѣл. был.“ № 77).

Василій (Игнатьевичъ) пьяница.

(Вновь сдѣланная запись).

А какъ во славномъ городѣ во Кіевѣ,
Какъ у ласкова князя у Владимера,
Какъ изъ Кіева богатыри повыѣхали
По своимъ мѣстамъ, ко отцамъ, матерямъ.
Да ко своимъ да молодымъ жонамъ.
Да ко маленькимъ да ко дѣточькамъ.
Какъ видѣли во городи чудо чудноё,
Чудо чудноё да диво дивноё:
Какъ вышла да изъ того ма̀настыря́,
Какъ вышла Пресвятая Богородица,
А какъ на рукахъ вынесла книгу Евангеліё.
Вышла она да на быстру рѣку,
И сѣла она на сѣрой на камешокъ,
И стала какъ читать книгу что Евангельё.
Какъ ходитъ царь да призадумалсэ,
Призадумалсэ царь да прирасплакалсэ.
А какъ во ту пору, во то время
Да пришелъ да Кудреванко-царь:
„Ужъ вы еси, татаровя-улановя!
„Ужъ кто изъ васъ умѣтъ порусски розговаривать?
„Вы подите ко князю посломъ пословать,
„А снесите-тко ярлыкъ скорописцятой“.
А какъ выходитъ татаринъ немалъ собой,
Самъ онъ говоритъ да таковы слова:
— Я могу порусски да розговаривать,
Да я могу порусски всё розсказывать.—
Да подавалъ Кудреванко скоро ярлыкъ скорописцятой,
Да какъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву
Да ко ласковому князю ко Владимеру.
Да заходитъ онъ во полаты княженецкія,
Да не кститъ онъ своёго лица,
Да не бьетъ челомъ князю Владимеру,
А подаватъ ярлыкъ да скорописцятой.
А какъ князь Владимеръ да роспецятывалъ,
Роспецятывалъ ёго да просматривалъ.
Говорилъ-то татаринъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты Владимеръ-князь да стольно-кіевьскӧй!
„Ты не бойсе устраху Кудреванка-та!“
А во ту пору, во то время
Да пришелъ-то калика перехожая...

(Дальше пѣвецъ пѣлъ близко къ записи, напечатанной въ „Бѣломорскихъ былинахъ“).

№. 39. („Бѣл. был.“ № 85).

Кострюкъ.

Какъ задумалъ Грозный-отъ царь
Иванъ Васильевичъ женитися,
Женитися да обручатися
Не въ каменной Москвѣ,
Да не въ святой Руси,
Не на святой Руси,
Да въ проклятой Литвѣ поганыя—
У Кострю́ка-Темрю́ка моло́дого,
На той же на родной сестрѣ,
На Марьѣ Темрюковнѣ.
Да просилъ онъ приданаго
Полтораста просилъ улановей,
Триста просилъ татаровей,
Пятьсотъ просилъ донскихъ казаковъ,
Удалы́хъ добрыхъ мо̀лодцевъ;
Три телѣги просилъ онъ краснаго золота,
Три телѣги просилъ онъ чистаго се́ребра,
Да три телѣги просилъ мѣди все козарочки;
Три телѣги просилъ онъ скатнаго, дорогого, мелкаго жемчуга.

№. 40. („Бѣл. был.“ № 95).

Садко.

Да какъ хвалится Садко̀, похваляется Садко́
Во Новѣ-градѣ товары всѣ повыкупить
Да на чѐрвлены на ка́рабли да повыставить.
Да пошелъ Садко́ на двѣнадцати корабляхъ,
Онъ приходитъ во гавань корабельную,
Ай ко той-же ко пристани лодейныя.
Да по первый день товары всѣ повыкупилъ,
На че́рвлены на ка́рабли повыставилъ;
Да на вто́рой день товаровъ больше стараго нашло.
Ай по вто́рой день товары всѣ повыкупилъ,
А на че́рвлены на ка̀рабли повыставилъ;
Да на тре́тій день товаровъ больше стараго пришло.
А на третій день товаровъ всѣхъ повыкупить не могъ,
На че́рвлены на ка́рабли всѣхъ повыставить не могъ.

№. 41. („Бѣл. был.," № 112).

Неудавшаяся женитьба Алеши.

У ласковаго князя у Владимира
Заводилось пированьице, почестенъ пиръ
Да на многихъ князей, на многихъ бо́яровъ,
Да на сильныхъ, могучихъ бога̀тырей,
Да на всѣхъ поляницъ да преуда̀лыя.
Они всѣ-то на пиру да напивалися,
Они всѣ на честно́мъ да наѣдалися.
Говорилъ-то государь да Илья Муромецъ:
„Намъ кого, братцы, послать да на Пучай-рѣку.
Принести-то холодной ключевой воды,
Еще тѣхъ принести да младыхъ яблоковъ?"
Говорилъ-то Алешенька Поповичъ младъ:
— Мы пошлемъ, братцы, за холодной ключевой водой,
Мы пошлемте Добрынюшку Никитича.—

№. 42. („Бѣл, был.," № 116).

Небылица,

Старину-то сказать да старика связать,
Старика, братцы, связать да со старухою;
Еще это, братцы, чудышко нечудное,
Еще есть-то, братцы, чудышко чуднѣ́й того:
Что по морю, морю да жернова несетъ,
Еще три-то снохи да жернова дѣлятъ;
Еще это, братцы, чудышко нечудное,
Еще есть-то, братцы, чудышко чуднѣ́й того:
Что по синему-то морю какъ овинъ несетъ,
Да овинъ-отъ горитъ да съ соломою;
Еще это чудо, братцы, нечудное,
Еще есть-то, братцы, чудышко чуднѣ́й того.

III.

ОБРЯДОВАЯ ПѢСНЯ.

№. 43.

Здунай.

(Рождественская величальная пѣсня, которую поютъ мущины хоромъ въ 20—30 человѣкъ, величая хозяина богатаго дома. За пѣніе они получаютъ отъ 50 коп. и дороже. Припѣвъ «Зъдунай» повторяется послѣ каждаго стиха. Записана въ Верхней Золотицѣ отъ В. И. Чекалева въ 1899 году).

Благослови, сударь-хозяинъ, ко двору прійти,
Зъдунай!
Ко двору-ту намъ прійти да на красно крыльцё взойти,
По новы́мъ сѣнямъ проти, ' свѣтлу свѣ́тлицю зати,
Намъ по лавочькамъ ця́сь да какъ Здуная-та спѣть!
Да какъ по морю, морю, морю-ту синёму
Да бѣжало выбѣгало тридцеть караблей,
Тридцеть караблей бѣжало безъ единого карабля;
Да тридцятой-отъ карабль наперёдъ всихъ забѣгалъ,
Наперёдъ забѣгалъ, да какъ соколикъ-отъ залеталъ.
Онъ вѣдь хоботы мечё по-зьмѣиному;
Да какъ носъ-отъ, корма была по-зьвѣриному,
Да бока-ти зведёны́ были по-турецькому.
Да намѣсто очей было у карабля
Да по доро́гому-ту каменю самоцьвѣтному,
Да намѣсто бровей было у карабля
По-дорогу соболю по сибирьскому,
Да намѣсто ушей было́ у ка̀рабля́
Да по до́рогой лисици по бурна̀сцятыя.
Да какъ палуба на ка̀рабли кипарису-ту дерева,
Да какъ якори на ка́рабли булатныя,
Да какъ синёго булату всё заморьского,
Да какъ машты на ка̀рабли кизи́лёвыя,
Да какъ штаки-ти, ванты были шо̀лковыя,
Да какъ блоки-ти, ноки были то̀чёныя,
Да какъ бѣ́гова была оснасточька семишо̀лковая,
Синёго шолку Самохиньского,
Да какъ па̀русы на ка̀рабли поло̀тьняныя,
Тридцетьного полотна было заморьского.

Хорошо-то было́ на ка̀рабли устроёно:
Да устроёна бесѣдушка удалымъ молодцо́мъ,
Ише на́ имя Олексѣёмъ-сударь-Владимёровичёмъ.
Во бесѣдушки сидѣлъ да какъ удало́й молоде́ць,
Ише на̀ имя Олексѣй-сударь-Владимёровичь.
Ёнъ ходилъ-то, гулялъ вдоль по ка́раблю,
Да строгалъ онъ вѣдь стружочьку изъ калёной изъ стрѣлы,
Да металъ-то эфту стружочьку во синёё во морё,
Уронилъ со право̀й руки злачёнъ перьстень.
Возговорилъ-промолвилъ уда́лой молодѐць:
„Ужъ вы слуги ли, слуги, слуги вѣрныя мои,
Слуги вѣрныя мои, да рыболовшичьки!
Да берите-тко, слуги, да золоты́-ти мои ключи,
Отмыкайте-тко, слуги, да окова̀ны-ти сундуки,
Да берите-тко три нёвода, три шолковыя,
Да замётывайте нёводъ во синёё во морё“.
Ише тутъ ёго слуги да не ослышились они,
Да какъ брали три нёвода, три шо̀лковыя,
Да замётывали нёводъ во синёё-то во морё;
Да не выловили они злачёного перьсьня,
Только выловили три окуня,
Да три окуня они да златопе́рые:
Да какъ перьвой-отъ окунь во петьсотъ рублей,
Да какъ второй-отъ окунь въ ц́ѣлу тысечю,
Да какъ третьёму-ту окуню ц́ѣны-то ему нѣтъ;
Да какъ есь ёму цѣна да во Новѣгородѣ.
Ише есь какъ тутъ обц́ѣнщичёкъ удалой молодець,
Ише на̀ имя Олексѣй-сударь-Владимёровичь-соколъ.
Ише дай Бохъ тебѣ на житьё, на бытьё,
На карабляхъ тебѣ ходить да карабельщикомъ,
На лодьяхъ тебѣ ходить да какъ лодѐльщикомъ,
Да на многія лѣ́та, на мно́гія!
Затимъ здрастуй-живёшь, да Олексѣй-сударь-Владимёровичь-соколъ!
Да розьдѣлайсе добромъ, прикупи-тко вина ведро,
Да по рюмочьки виньця, по стокашику пивця,
По стокашку пивця да на закуску-ту колачя.

IV.

СВАДЕБНЫЯ ПРИЧИТАНІЯ.

Л. М. Стрѣлкова—№№ 44—47.

А. П. Бурая и А. И. Лыткина—№№ 48—54, 58—61.

Н. А. Лыткина -№№ 55—57.

Золотицкіе свадебные обряды представляютъ изъ себя цѣлую драму, въ которой дѣйствующими лицами являются женихъ съ невѣстой, ихъ родители, тысяцкій, дружки, плачеи и подруги невѣсты. Эта драма состоитъ изъ 5-ти дѣйствій: рукобитья, дѣвьяго стола, смотрѣнья, отпуска къ вѣнцу и княжого стола, и сопровождается цѣлымъ рядомъ пѣсенъ и причитаній. На рукобитьѣ отецъ невѣсты угощаетъ виномъ и чаемъ жениха и сватовъ, изъ которыхъ главный называется тысяцкимъ. Послѣ этого невѣста, закрывшись кисейнымъ платкомъ, заводитъ слезливымъ голосомъ первую плачь, т. е. причитаніе. Когда невѣста окончитъ плачь, ее повторяютъ 2 или 3 плачеи, но уже другимъ напѣвомъ.

Другой день начинается дѣвьимъ столомъ, во время котораго невѣста угощаетъ своихъ подругъ, помогавшихъ ей шить приданое, причемъ онѣ поютъ величальныя пѣсни жениху и его провожатымъ. Вечеромъ происходитъ смотрѣнье, на которое женихъ является не только съ дружками и тысяцкимъ, но и съ родителями. Церемонія начинается съ того, что женихъ обмѣнивается подарками съ невѣстой, торжественно введенной сватьями подъ руки: она подноситъ ему шелковый платокъ, а онъ надѣваетъ ей на руку обручальное кольцо. Послѣ того, какъ рядовая рюмка обойдетъ всѣхъ присутствующихъ, невѣста заводитъ цѣлый рядъ плачей.

На другой день невѣста, проснувшись очень рано, будитъ плачью свою сестру и проситъ ее принести три ножа и вплести ихъ въ ея трубчатую косу, чтобы мать не могла ее расплести и снять повязку. Сестра, конечно, не исполняетъ просьбы, и мать, несмотря на вопли невѣсты, снимаетъ дѣвичью повязку и распускаетъ волосы; длинныя ленты изъ косы невѣста раздариваетъ своимъ подругамъ. Передъ отъѣздомъ въ церковь невѣста обращается къ брату съ просьбой отвезти къ ея жениху ея постель и другіе пожитки, а также подарки будущему свекру и свекрови; эти подарки—различное платье, пирогъ, коврига хлѣба и гостинцы—зашиваютъ въ платокъ. Въ концѣ этой плачи невѣста прощается съ

Любава Стрѣлкова, бывавшая плачеей на свадьбахъ.

Нарядъ невѣсты.

братомъ, а потомъ вопитъ послѣднія прощальныя плачи всѣмъ родственникамъ, каждому по отдѣльной плачи.

Когда невѣста готова къ вѣнцу, за ней является отъ жениха тысяцкій, и свадебный поѣздъ направляется въ церковь. Послѣ вѣнчанія молодые съ поѣзжанами направляются въ домъ жениха, гдѣ ихъ, при входѣ въ домъ, осыпаютъ овсомъ и хмелемъ, какъ говорятъ, для счастья. Здѣсь происходитъ уже послѣднее дѣйствіе свадебной драмы— княжой столъ, т. е. пиръ у молодыхъ, которыхъ зовутъ княземъ и княгиней. Во время обѣда и послѣ него замужнія женщины, игрицы, поютъ хоромъ величальныя пѣсни молодымъ супругамъ и холостымъ парнямъ; при этомъ онѣ подносятъ тому, кого величаютъ, рюмку водки; тотъ долженъ, выпивши водку, положить въ рюмку серебряную монету; въ противномъ случаѣ игрицы особенной корительной пѣснею поднимутъ на смѣхъ скупого гостя.

Нарядъ невѣсты состоитъ изъ кисейной рубашки, лопоти́ны, полушубка и повязки. Лопотина — это шелковый сарафанъ темнаго, обыкновенно лиловаго, цвѣта, съ 32-мя серебряными пуговицами. Поверхъ лопотины надѣвается широкая, тоже шелковая безрукавка, которая называется полушубкомъ. Повязкой называется головной уборъ, который состоитъ изъ 2-хъ частей; верхняя часть, называемая хазомъ, дѣлается изъ узорчатой парчи, а нижняя, называемая присадкой, изъ гладкой парчи, унизанной поддѣльнымъ, а иногда и настоящимъ жемчугомъ.

№. 44.

(Поется вечеромъ на рукобитьѣ).

Посмотрю я, дитя кручинно,
Я на вси-ти чётыре стороны:
Я во лѣтьню и какъ во сѣверну,
Я во всточьню посмотрю, во западну.
Вси сидятъ у меня, да у круцинной,
Какъ вси сидятъ у мня, у горёгорькой,
На столи, сидятъ да, восьпиваютъ.
Схожо красно-то да моё солнышко
Пьётъ вина, пьётъ да зелёна̀ вина,
И какъ втору-ту да пива пьяного,
И какъ третью-ту да мёду сладкого;
И какъ пропиваютъ мою да буйну голову
Со природьненькой-то трущцято́й косой,
Посмотрю я, млада круцинна,
Я по снарядьненькимъ-то дубовымъ столамъ,
По бирьсцянненькимъ бранымъ ска̀терьтямъ,

По всюму-то я роду-племени.
Вси сидятъ у мня, да у круцинной,
Весёлы́мъ сидятъ да веселёхонько.
Схожо красно ты да моё солнышко,
Ты родитель милой мой какъ батюшка!
Какъ на што ты прильстилсэ-призарилсэ,
На зелёно ли вино курёноё,
На сладки водоцьки-ти морёныя,
На сладки водоцьки-ти да розноли́сьнія,
На крѣпки ромы-ти да загранисьнія,
На бѣлы ли сьпирты́ горецiя?

№. 45.

(Поется тогда же, родителямъ).

Благослови меня, соньцё красно,
Ты крестомъ-то животворяшшимъ
Со Исусовой молитвой,
Чуднымъ образомъ, святой иконой,
Пресьвятой да Богородицей.
Я иду къ тебѣ, выступаю
За великимъ-то благословленьемъ:
Наложи-тко-се, соньцё красно,
На мою-ту буйну голову,
На природненьку трубцятую косу,
На мои-ти да молоды годы,
На молоды-ти годы цьвѣтушши.
Какъ твоя-та благословленьё
Изо дна-та моря глыбокого,
Изъ темна-та лѣса дрёмуцёго,
Изъ синя-та моря выведетъ.
Тебѣ спасибо, соньцё красно,
Тебѣ на хлѣби и на́ соли,
На обутоцьки, на одежди,
На дорогомъ тебѣ платьи цьвѣтномъ,
На дешовомъ тебѣ на здёржамомъ;
Стольке на томъ тебѣ не спасибо,
Што ты меня просваталъ
Молоды́мъ меня молодёхоньку,
Зелены́мъ меня зеленёхоньку;
Ужъ ты не̇ далъ, соньцё красно,
Мнѣ пожить-то, покрасоватьце,
Походить мнѣ, попарежатьце
Въ дорогихъ мнѣ дѣвья́хъ нарядахъ.
Какъ я буду, соньцё красно,

Отставать буду, забывати
Я твоё-то житьё красотно,
Я красотно-то, забудушшо,
Забудушшо я, беспеце́льнё,
Беспеце́льнё, я безначе́льнё.
Я не знаю-то, соньцё красно,
Я цюжого житья, незнамого;
Только какъ буду приставати
Къ цюжу дому я благодатну,
Ко цюжу я сыну отецьку?
Я не знаю, дитя круцинно,
У цюжа-та сына отецького,
Не ума, я не разума,
Не обыцью-ту молодецького.
Я тогды, моё соньцё красно,
Какъ буду я приставати
Ко цюжу́ я сыну отецькому?
Меня страшитъ страхомъ великимъ
Цюжой домъ да благодатной,
Богоданы цюжи родители.
Я не знаю, соньцё красно,
У меня, бѣдной, горегорькой,
Теперь умъ-отъ за умъ заходитъ,
Дума думушку побиваю́тъ,
Мысьли ко серцю-те прилегаютъ;
Я не знаю, бѣдна̀ круцинна,
Богоданы цюжи родители
Быватъ,[1]) журливы и бранливы,
Какъ взыскательни, капризны.
А у меня, бѣдной, круцинной,
Помутятце оци ясные,
Покатя́тце горюци́ слезы,
Возгрубитце ретиво́ серьцё;
Я тогды, да соньцё красно,
Посудьѐцю я, дитя бѣдно,
На тебя-то, да соньцё красно,
Што ты отдалъ меня, побѣдну, поторопилсэ,
Ты призарилсэ, прельстилсэ
Ты на домъ ихной высокой,
На дворъ ихной широкой,
На житьё ихъ на хорѐшо.
Ужъ какъ мнѣ, да соньцё красно,
Не по уму будётъ, не по разуму.
У тебя я, соньцё красно,
Я жила да красоваласе,
Будто сыръ я въ масьли каталасс
Въ тво́емъ доми я благодатномъ,

[1]) Быватъ—можетъ быть.

Во своёмъ я житьи красотномъ,
Въ дѣвьей жизни я беспецельнёй.
Какъ теперь у меня, побѣдной,
Всё прошло да прокатилось,
Позади да пріосталось,
Сѣрымъ заюшкомъ проскакало,
Яснымъ соколомъ пролетало.
Я тепере, соньцё красно,
Я схватилась, воротилась,
По своей я жизни красотной,
Будто отъ крѣпка сна я пробудилась,
Будто отъ крѣпка я забудушшого.

№. 46.

(Поется въ день вѣнчанія, когда братъ невѣсты и дру́жки несутъ перину къ жениху).

Я заздри́ла-то, засмотрила
Ужъ я млада-та да ясна сокола,
Едноутробна моёго-то мила брателка.
Я спрошу у тя, младъ есёнъ соколъ:
Ты куды миня да спровожаёшь,
Ты куды миня снарежаёшь
Ты со мяккой миня да периной,
Со пуховенькима со подушками,
Меня со тёпленькимъ-то одѣялышкомъ?
Хоть не сказывашь ты, младъ есёнъ соколъ,
Я, малёшенька-та, ужъ я знаю,
Я глупёхонька-та, догадалась,
Што собирашь меня, да младу, есёнъ соколъ,
Въ цюжой домъ миня да благодатной,
Въ цюжи горници миня въ высоки,
Ꙁъ богоданымъ цюжимъ родителямъ.
Я скажу тибѣ, да младъ есёнъ соколъ
Какъ ты пріѣдешь, ты, младъ есёнъ соколъ,
Къ цюжу-ту домику блаꙁодатному,
Тибя со цисьти ли ти тибя примутъ,
Тибя со радосьти ли тебя стрѣтятъ—
Накажу тибѣ я, младъ есёнъ соколъ:
Какъ тибя примутъ, да есёнъ соколъ,
Повороти-тко-се ты, младъ есёнъ соколъ,
Ты своихъ-то коней ступистыхъ;
Тогды ужъ я выѣду, бѣдна́ круцинна,
Ужъ я со радости тибя стрѣцю,
Со весельиця тибя примутъ
Какъ цёсны-ти мои родители.

№. 47.

(Послѣдняя плачь, поется, когда крестная мать расплетаетъ, а родная—снимаетъ повязку у невѣсты).

Приростаньтесь-кось, люди добры,
Ужъ вы на вси-ти чётыре стороны,
Ужъ вы дайте-ткось путь-дорожоцьку,
Не широку-ту дайте́ дорожоцьку,
Какъ дотьти моей да восударыни.
Толькó заздрила я ей, засмотрила
У бѣлóй я пеци кирписьнёй
Я ужъ свѣтъ восударыню.
Я побью-то целомъ, покланеюсь,
Объ чёмъ я тибѣ да поконаюсе:
Ты родимая какъ жалóсьниця!
До снарядьненькихъ до бѣлыхъ столовъ,
До берсцятненькихъ браныхъ скатертей,
До миня, бѣдной круцинной,
До миня, бѣдной горегорькой,
Только дойдёшь, моя восударыня,
Не розорей ты миня, круцинной,
Не розьбивай-ко-се ты буйной головы,
Не придавай, моя восударыня,
Во моё-то да ретивó серцё
Ты тоски-то мнѣ-ка круцинушки.
Весъ того я стою, побѣдна,
Во пецелюшки-то ретивó серцё,
Во досадушки у мня великою.

(Когда сниметъ мать повязку).

Ты сняла у мня, моя жалóсьниця,
Ты сняла у миня, ласкотьница,
Не пожалѣла ты дитя бѣдного
Какъ въ сёгодешьноётъ денёцикъ;
Во теперешьноётъ цясоцикъ.
Пожалѣла ты, восударыня,
Ты повязки-то красна золота
Со присадоцькой-то скатна жемцюга,
Я не приносила ей, не притрёпала,
Посмотри-тко, моя жалóсьниця,
Лёжитъ украшонна-та и уряжóная
Какъ повязоцька-та красна золота,
Лёжитъ помидѣла она, поржавѣла,
У желѣзика лёжитъ у булатного.
У миня-то, бѣдной круцинной,
Какъ поблёкло теперь лицё бѣлоё

Со стыду у мня да со бешшесья,
Што пристыдила, прибешшестила
Какъ денна́-та моя пецельниця
Она при всёмъ мири, при народи,
Она при подружоцькахъ люболасковыхъ.
Стою я сёгодешной-отъ денёцикъ,
Вы подружоцьки люболасковы,
Столькѐ не дай-то Бохъ, не подай Бохъ,
Быть какъ при эфтой тоски-круцинушки—
Роставатьце-то какъ дитю бѣдному
Со превольненькой волюшкой.
Какъ вси насягаютъ, вси какъ налегаютъ
Вси цёсны́-ти тогды родители,
Тибя нехто-то не пожалѣётъ,
Какъ не схожѐ типере соньцё красно,
Какъ не сьвѣтъ своя да восударыня,
Не дённа́-та твоя пецельшиця,
Не носьня своя да боꙇомольшиця.

№. 48.

(Поется на смотрѣньѣ, наканунѣ свадьбы).

Отворо́цюсь я, млада́, круцинна,
Одь зимы-то, зимы студёной,
Отъ лютыхъ пляшшихъ [1]) отъ морозовъ,
Отъ рожествепьскихъ, отъ хрешшеньскихъ,
Отъ снарядьненькихъ я дубовыхъ столовъ,
Отъ цюжо́го-то цюжени́на,
Отъ цюжа несьвѣдушшого цёловѣка,
Отъ бересьця́тьненькихъ бѣлыхъ скатертей,
Отъ ѣсо́въ-то своихъ саха́рныхъ,
Отъ напитоцьковъ да троёлисьнихъ.
Приворо́цюсь я, млада круцинна,
Я ко лѣту-ту да лѣту тёплу,
Я ко подружоцькамъ своимъ милымъ, ласковымъ,
Ко дѣвицямъ-то душамъ краснымъ.
Я скажу, мои бѣлы лебеди,
Какъ я стояла, дѣтя круцинно,
Какъ выводилъ миня соньцё красно,
Миня родимой да милой брателко,
Миня со сьвѣтъ своей восударыной;
Потъ праву́ руку выводила
Миня крестова-та хрёсна матушка;

---

[1]) Т. е. палящихъ. *Собир.*

Подь лѣву́ руку выводила
Люба́ ласкова миня нивѣстушка.
Ёни вели-то миня, круцинну,
Середи миня полу́ дубова,
Прямъ [1]) снарядьненькихъ дубовы́хъ столовъ,
Прямъ цю́женького цюженина,
Прямо незнаюшшого цёловѣка.
Научили миня, круцинну,
Мьнѣ-ка крестъ-о класьть починаному,
Мьнѣ поклонъ весьти поуцёному
Приказали мнѣ-ка, круцинною,
Мьнѣ побить-то целомъ, покланетьце
Мьнѣ на фси-ти цётыре стороны.
Мьня какъ нунше втипоръ привора́цивали
Къ цюжу несвѣдушшому цёловѣку.
Я скажу, мои бѣлы лебеди,
Какъ я стояла, млада, дрожала,
Середи своя полу́ дубового,
Прямъ снарядьненькихъ я дубовы́хъ столовъ,
Прямъ цюжого-то цюженина.
Пріопали мои руцьки бѣлы,
Подломились мои ножки рѣзвы,
Пріудрогнуло моё ретиво̀ серцё,
Розболѣлась моя буйна го́лова,
Рошшумѣлось у мня ретиво̀ сердьцё,
Помутились мои оци ясны,
Покатились у мня горюци слёзы́ [2]).
Не роздавайтесь-ко, люди добры,
Не давайте-ко пути-дорожки
Отъ снарядьненькихъ тихъ дубовы́хъ столовъ
Ко'ко мнѣ ити, младой круцинной,
Ко засватаной красной дѣвици,
Ко невѣстушки заруцёною,
Ко отьлётьненькой бѣлой лебеди,
Ко отьѣжжой красной дѣвици.
Хоть несётъ-то, идётъ, подарки,
Не беру у ёго, не примаю,
Штёбы не пристыдилъ миня, не прибешшестилъ
При цёсны́хъ моихъ онъ при родителяхъ,
При фсёмъ роди миня, при вьсёмъ племени,
При милыхъ, ласковыхъ моихъ подружоцькахъ.

---

[1]) Т. е. противъ. *Собир.*

[2]) Невѣста отворачивается, а женихъ подходитъ къ столу и несетъ матеріи на платье ея матери. Затѣмъ невѣста продолжаетъ причитать. *Собир.*

№. 49.

(Поется утромъ, въ день вѣнчанія, когда крестная мать невѣсты „растрепываетъ“ ея косоплетку).

Проспала̀ млада̀, продрёмала
Всю приволеньку̀ свою волю,
Всю принѣжню-ту дѣвью нѣгу,
Житьё дѣвье-то да бесъ пецели,
Беспецельнинько забудушшо.
Ты ставай, моя восударына,
Добывай-ко-се, моя жало́сьниця,
Свѣтёлъ ясненькой огонёцикъ.
Проспала, млада, продрёмала
Я посьлѣдьненьку ноцьку останну
Я дѣвицей-то душой красной,
Я невѣстой-то заруцёпной,
Заруцёпненькой, засватанной.
Ты моя да лебедь бѣла!
Ты ставай, моя лебедь бѣла,
Едноутробна мнѣ-ка мила сѐстриця.
Объ цёмъ я тебѣ поконаюсь:
Ты сходи пойди, лебедь бѣла,
Я нало̀жу на̀ тибя, жалосьниця,
Службу-дружбу тебѣ невели̇̀ку,
Я роботушку нецяжо̀лу:
Ты сходи, моя лебедь бѣла,
Принеси ты мнѣ-ка, жалосьниця,
Мнѣ холодьненькой клюцёвой воды,
Ты умой моё лицё бѣло,
Уцёши мою буйну голову,
Уплети-ко-се, лебедь бѣла,
Ты природьненьку трубцяту̀ косу;
Ты сходи, моя лебедь бѣла,
Ко Архандельцьку ты ко городу,
Ко торговишшу гостиному,
Ко прибѣжишшу у мня лодейному,
Ко становишшицю корабельнёму;
Ты ишше́ сходи, лебедь бѣла,
Ты во кузьници сходи, во мѣдьници,
Ужъ ты скуй-ко-се, лебедь бѣла,
Ты три ножицька мнѣ-ка булатного,
Ты вплети, моя лебедь бѣла,
Во природьненьку мнѣ трубцяту̀ косу;
Когды придё ко мнѣ лебедь бѣла,
Роскрестовенька да хрёсна матушка,
По кисьтя̀мъ-то руки отрѣжу̀,
Когды росплетать-то станё, рострёпывать
Шьто природьну мою трубцяту̀ косу.

№. 50.

(Поется въ то время, когда мать невѣсты зашиваетъ въ „банникъ“, т. е. въ скатерть, подарки, которые невѣста отправляетъ своимъ новымъ родственникамъ; свекру полагается хлѣбъ, рубаха и штаны).

Зашивай, моя восударына,
Ужъ ты банницёкъ цетьвероугольнёй.
На перьвомъ углу вышивай
Красно солнышко со лунами,
На второмъ углу вышивай
Синё морё-то со волнами,
На цетьвёртомъ углу вышивай
Божью церьковь-ту присвешшенну.
Зашивай, моя восударына,
Всё привольненьку мою волю,
Всю принѣжненьку дѣвью нѣгу.
Оставаитьце воля вольня
У тибя, моя восударына,
Во песьнёмъ-то [1]) углу, на лавоцьки.

№. 51.

(Поется, когда на столъ принесутъ перину, подушки и одѣяло [2]).

Я уздрила-то, усмотрила
Скрось туманъ-оци ясны,
Скрось невольненьки горюци слёзы
Едноутробна-та мила брателка,
Всё Олексѣя-та свѣтъ-Владимировиця.
О цёмъ я тибѣ поконаюсь:
Ужъ ты съѣзди-ко-се, младъ есёнъ соколъ,
Въ цюжой домъ съѣзди благодатной,
Утопци-ко-се путь-дорожку
Ты ко ихному широку двору,
Къ богоданнымъ цюжимъ родителемъ,
Штобы со цести-то миня приняли,
Штобы со радосьти миня стрѣтили
Богоданы-ти цюжи родители;
Устели-тко-се, младъ есёнъ соколъ,
Мою мяконьку мою перину
Со пуховема со подушками.
Со своей съѣзди съ молодой жоной
(имя и отчество).

---

[1]) Т. е. въ печномъ.

[2]) Съ такимъ же причитаніемъ невѣста обращается и къ своей невѣсткѣ. *Собир.*

№. 52.

(Поется, когда мать снимаетъ повязку съ головы невѣсты).

Я у́здрила, усмотри́ла
Скрось туманъ-оци ясны,
Скрось невольненьки горюци́ слёзы
Ужъ я жа́лосьницю свою-ту лаской́тьницю,
Ужъ я сьвѣтъ свою восударыну.
Ты поди-тко мнѣ, восударына,
До миня-то, молодой крупицной,
До спарёдьненькихъ дубовыхъ столовъ.
Объ цёмъ я тибѣ поконаюсе:
Ужъ ты свѣтъ моя восударына!
Не сьнимай-ко се, моя жалосьниця,
Со своей-ко-се[1]) буйной головы
Три повязоцьки красна золота
Со присадоцькой скатна жемцюга;
Ужъ ты дай, моя восударына,
Мнѣ пожить-то, покрасоватьсе,
Походить мнѣ, понаряжатьсе
Мнѣ дѣвицёй-то душой красной,
Мнѣ засватанной красной дѣвицей
Зъ запорупёной буйной головой,
Со природьненькой трубцятой косой.
Ужъ ты сьвѣтъ моя восударына!
У тя какъ-то руки́ подымутьце
На мою-ту на буйну голову,
На природьненьку трубцяту́ косу?[2])
Ужъ ты свѣтъ моя восударына!
У те какъ-то подыну́лись
Шьто твои руцьки рѣзвыя
На мою-ту на буйну голову,
На природьненьку трубцяту́ косу?
Я не цяла въ тебѣ, не думала,
Въ уми, въ разуми не водила,
Шьто ты соймёшь-то съ миня, ростреплешь,
Пристыдишь миня, прибешшестишь
При всёмъ миня міри, при народи,
При многи́хъ миня людяхъ добрыхъ,
При подружоцькахъ милыхъ ласковыхъ.
Я дёржала крѣпку надіюшку
На тибѣ, моя государына.

---

[1]) «Своей» — въ смыслѣ «моей», *Собир.*
[2]) Въ это время мать снимаетъ повязку. *Собир.*

№. 53.

(Отвѣтъ матери).

Ты рожо̀но моё сердесьпё!
Ужъ я рада бы у тя снсти
Украшонненькой уряжо̀ной.
Какъ нашло время, накатилось.
Я жалѣ́ла тибя, болѣ́ла
Я желаньненькимъ ретивы́мъ серьцёмъ—
Не могла я тебя, круцинна...
Намъ пришло время, надкатилось,
Со тобой, моя лебедь бѣла,
Намъ ростань-то, жи́ва розлука́.

№. 54.

(Плачь крестной матери).

Я уздрила-то, усмотри́ла
Крось туманъ свои-то оцы ясны,
Скрось невольненьки горюци́ слёзы
Роскрестову-ту свою хрёсну матушку.
Доступи, моя восударына,
До снарядьненькихъ дубовы́хъ столовъ,
Да берсця́тыхъ-то бѣлыхъ скатертей,
Ужъ ты до хлѣба до соли,
До миня ты младой круцинной.
Объ цёмъ я тебѣ поконаю́сь?
Попрошу тебя, восударына:
Не росплетай-ко-се моей, жало́сьниця,
Ты преродьненькой трубцятой косы,
Мнѣ-ка дай, моя восударына,
Мнѣ-ка пожить-то, покрасоватьце,
Походить-то мнѣ, понаряжатьце
Во шолко́вынькихъ алыхъ линтахъ! [1])
Ужъ ты на, моя лебедь бѣла,
Едноутробненька мила се́стриця,
Семишолкову алу лентоцьку!
Ты носи-тко, моя лебедь бѣла,
Ты ко бусьнёму, [2]) ко корыту,
Ко наземненькой ко лопаты,
Ты носи-тко-се, не жалѣй,
Ты ко сѣрому ты ко камешку,

---

[1]) Тутъ невѣста дастъ всѣмъ въ руки по лентѣ. *Собир.*
[2]) Бусный—стиральный. *Собир.*

Приноси-тко-се, приталуй,
Шьтобы мнѣ не столь-то было-то тошнёхонько.
Кабы знала бы, кабы вѣдала,
Шьто даю́тъ-то [1]) миня, просватаю́тъ
Шьто цёсны́-ти мои родители,—
Приносила бы, приталова̀ла,
Приталовала бы, притрёпа̀ла.

№. 55.

(Поется на смотрѣньѣ).

Свѣтёлъ день прошолъ, прокатилсэ,
Красно солнышко на зака́ти,
На закатъ пошло, закатаитце
За круты́ горы за высо́ки,
За тёмны лѣса за дрёму́ци;
Посяжатъ наше соньцё кра̀сно
Въ грозно синё-то солоно̀ морё.
Всё прошло время, миновалось,
Шьто житьё-то моё красотно,
Житьё дѣвьё-то безпеце́льнё,
Безпецельнё-то, забуду́шшо:
Вси гульбы мои, прокла́ды,
Вси ужъ дѣ́вицьи вси забавы!
Всё прошло время, миновалось,
Назади время оставалось.
Соколо́мъ время пролетало,
Колёсомъ время прокатилось,
Сѣрымъ заю́шкомъ проскакало,
Горносталюшкомъ прорыска̀ло.
Всё прошло теперь у мня, миновалось
Со цёсны́ма своима родители!
Мьнѣ не вѣкъ теперь съ вами не вѣковати,
Мьнѣ не годъ у васъ годовати,
Мьнѣ не зимушка зимовати,
Не весна съ вами весновати,
Мьнѣ не осень у васъ провожати,—
Одна ноценька мнѣ ноцёвати
У цёсныхъ своихъ у родителей,
У сирьдечьненькихъ доброхотовъ.
Я не-знай, какъ теперь тя, круцинна,
Не-знай стоя мнѣ-ка простоети,
Не-знай лёжа мнѣ-ка пролёжати,

[1]) Будущее время. *Собир.*

Не-знай думушка мнѣ-ка продумать?
Вьсё ставаи́тце у мня ужъ воля вольня
У схожа̀ своя соньця красна;
Оставаитьце нѣга нѣжна
У родимой моей милой матёнки,
Какъ во песьнёмъ углу у мня, на лавоцьки,
У родимыхъ моихъ милыхъ сѐстрицей;
Какъ гроза моя, строма́ вели́ка
Переди миня убираитце,
Въ окова́нъ сундукъ замыкаитце,
Въ цюжой домъ она убираитце,
Въ цюжи горьници у мня высоки,
Ко цюжому-ту цюженину,
Ко цюжу, несьвѣдушшому цёловѣку.

№. 56.

(Невѣста проси́тъ благослове́нія у отца).

Я иду, дитя круцинна,
Я иду и доступаю
И ко красному солнышку,
Ко родителю, ко батюшку,
Ко тебѣ, мое соньцё красно!
Рѣзвы ножоцьки со подломомъ,
Бѣлы руцюшки со подносомъ,
Ретиво̀ серьцё со покорносью,
Бу́йна го́лова со поклономъ,
Мой рѣцистъ языкъ съ розговоромъ.
Благослови, моё соньцё красно,
Великимъ миня благословле́ньёмъ,
Со Исусовой со молитвой,
Со крестомъ-то животворяшшимъ,
Цюднымъ образомъ меня, иконой,
Меня иконой—Миколой
(*или:* Пресвятой миня Богородицей),
Мнѣ во перво̀й наконъ, во останошной,
Миня дѣвицею-душой красной,
Миня невѣстую заруцёной,
Заруцёной миня, засватаной.

Ужъ мы сѣ́дёмъ съ тобой, соньцё красно,
Во перво̀й наконъ, во останошной
Подь бѣлу́ стѣну подъ дубову,
Во большо мѣсто во невѣстино,

Мы на стулъ[1]) сѣдёмъ красна дерева,
Мы на подушоцьку рыта бархата.
Тебѣ спасибо, мой соньцё красно,
Тебѣ на́ хлѣби и на́ соли,
На дорогимъ цяи, на душистомъ,
На дорогихъ, сладкихъ на гостиньцэхъ!
Тебѣ спасибо, мой соньцё красно,
На обутоцьки, на одежды,
На дорòгомъ твоёмъ платьи цьвѣтномъ!
Я жила у тя, красовалась
У схожа красного своя солнышка,
У родителя-отьця-батюшка,
У крутой горы, у высокой,
У крѣпкòй стѣны городовой,
Будто сыръ я въ масли́ каталась
По серебряной торелки!
Только на томъ тебѣ не спасибо—
Не постоялъ по мнѣ, не подòрожилсэ
За мою-ту за буйну голову,
За прекрасную трущяту́ косу!
Ужъ я цимъ-то я тебѣ наскуцила,
Ужъ я цимъ тебѣ напроку́цила?
Не могла дитя прислужитце,
Не пьридѣлатце, не прироботце
Я цяжолыма твоима роботами,
Я цяжолыма ходе́цима,
Лукодѣльнцеми я сижацима.
Ужъ я, видно, у тя, соньцё красно,
Хлѣба, соли много у тя сьѣла,
Видно, цяю-ту много выпила
Виднò, лисе́ртовъ много прiѣла,
Цьвѣтна платьиця много прибила,
Я обутоцьки много истоптала,
Ли у дьверей крю́ки перемяла,
Ли бѣлъ твой полъ протоптала!

№. 57.

(Невѣста встаетъ и здоровается съ подружками).

Хоть поседѣла, поглядѣла я, дитя круцинно,
Со стыду́ у мня лицё загорѣло,
Не до стыду пришло, не до сòру [2]),
Не до великого до бешшесья.

---

[1]) *Или:* «На диванъ»...
[2]) Вмѣсто «сòрому».

Надо стать, видно, не проступитце,
Слово молвить, не проговоритце
Мнѣ стыдо́мъ, видно, не устыдитце,
Дорогимъ платкомъ не прикрытце.
Будё стати мнѣ-ка, дитю круцинну,
Съ-подъ бѣло́й стѣны, съ-подъ дубовой,
Со стула ставать красна дерева,
Мнѣ-ка стать, мнѣ-ка, дитю круцинну,
На подломненьки ножки рѣзвы,
На бѣлы́ полы на сосновы,
На дорогой башмакъ на сафьяной,
На бѣло́й цюлокъ на гумажной,
Мнѣ побить-то цёломъ, поклапетце
Мьнѣ на фьси-ти цётыре стороны:
Мьнѣ во лѣтьню-ту побить, во сѣверну,
Мьнѣ во фсточьню-ту побить, во западну;
Мьнѣ-ка въ лишицю поворотитце,
По жаланненькому поклонитце,
Мьнѣ во лѣтну милу сторону,
Къ присьвятой мнѣ-ка Богородици,
Край Дунай, своей рѣцьки быстрой,
Мнѣ ко крутенькому бережоцьку,
Мнѣ ко жолтенькому ко песоцьку,
Во большой уголъ ко мнѣ на лавоцьку:
„Ужъ вы здрастуйте-ко, бѣлы лебеди,
Вси дѣви́ци вы души красны,
Вси подружоцьки мои милы, ласковы!
Ужъ вы здрастуйте, восударыны,
Вси жоны́ вы мужни хресьяньски!
Ужъ вы здрастуйте, бѣлы лебеди,
Вси недоросьленки красны дѣвици!
Ужъ вы здрастуйте, бѣдны́-злоцясны,
Вси вдовы́ бѣ́дны-горёгорьки!
Ужъ вы здрастуйте, ясны соколы,
Молодцы вы вси прiуда́лы,
Холосты вы вси и жонаты,
Вси со старенького до малого! [1]
Не обессудьте-тко вы, бѣлы лебеди,
Не позаздрите мнѣ-ка, не подивуйте,
Шьто я не вышьла-то, васъ не стрѣтила,
Не дошла-то до двора широкого,
На широкой бѣлой улици,
На пробоистой на дорожоцьки,
На прекрасьненькомъ на крылецюшки;
Не заводила васъ, мои бѣлы лебеди,
Я за ваши-ти руцьки бѣленьки

[1] Затѣмъ невѣста садится на лавку. *Собир.*

Не на новы́ сѣни на косисьцяты
По цясто́й лисьвици по дубовою,
Не садила-сь, не россаживала
Не по роду-ту васъ не по племени,
Не по сусѣдьству, не по пріятьству,
Не по бѣлому-ту бѣлы́мъ пола̀тёнкамъ!
У мня во ту-ту какъ пору́, во то время
Засьвѣцялъ моё соньцё красно
Вси лаппатоцьки у мня хрустальни,
Вси свѣшши у мня воску ярого;
Становилъ миня соньцё красно
Середи миня полу́ дубового,
Миня подъ матицю положо̀ну,
Благословлялъ тогды соньцё красно
Велики́мъ миня благословленьёмъ,
Со Исусовой миня молитвой,
Со крестомъ миня животворяшшимъ,
Цюднымъ образомъ миня, иконой,
Миня иконой-то миня Миколой.

V.

ПОХОРОННЫЯ ПРИЧИТАНІЯ.

А. П. Бурая и А. И. Лыткина—№№ 58—61.

№. 58.

(Дочь плачетъ по матери [1]).

Мнѣ-ка сѣсь, бѣдной, злоцясною,
На брусцяту-ту бѣлу лавоцьку,
Подъ косисьцято-то окошоцько,
Сѣсь ко жалôсници, ласко́тници,
Ко бѣлу тѣлу бездушному,
Ко бездушному, ко умёршому,
Побудить мнѣ-ка, потреложити
Отъ крѣпка̀ спа забуду́шшого,
Не станётъ ли, не пробудитце,
Не проговоритъ ли со мной, не промолвитъ ли
Все постарому, попрежному,
Ишше всё со мной подосельнёму?
Проговори-тко-се и промолви
Хоть одно со мной словецюшко,
Со мпой бѣдной, злоцясною,
Со мпой бѣдной, горегорькою.
Пожалѣй меня и поболѣй.
И на кого ты меня оставила,
И на кого ты меня покинула,
Ужъ ты свѣтъ моя государыня,
Ты ёдна моя пецельниця
И моя ноцьна богомольшиця,
И розжаланненька рôдна маменька?
Ужъ я какъ-то буду, злоцясная,
Безъ тебя, моя государына?
И не съ ки́мъ думушки мнѣ подумати,
Слова тайного промолвити.
Ужъ я какъ буду, злоцясна,
Теперь буду проживати
Безъ тебя, моя жалосниця,
Безъ тебя, моя ласкотниця?
Ты жалѣла меня, болѣла,
Не могла ты мнѣ намолити
Не таланя мнѣ-ка, не уцесьти

[1]) Подобная же плачь — по отцѣ, но послѣдняго пазываютъ такъ: «Красно мое солнышко, крѣпкая стѣна бѣлокаменная, крутая гора высокая». *Собир.*

Ранны заутрени просыпала
И обѣдёнки проѣдала.
Оставила меня, спокинула
На позоръ-муку великую.
Охъ те-те мнѣ-цько мнѣ тошнёшенько!
Мнѣ вѣко̀мъ тебя не забыти,
Тебя, моя жало́сьницей,
Ласкоты твоей великой,
Доброты твоей непомѣрной!
Охъ те-те мнѣ-цько тошнёхонько!
Мнѣ вѣко́мъ тебя не видати,
Слыхо̀мъ да не слыхати,
Тебя, моя осударыня,
Изъ той пути-дорожки
Не доглядѣтьце, не досмотрѣтьце
Нѣтъ не конного, не пѣшого,
Не прохожего, не проѣзжего,
Не перелётного ясна сокола,
Хоть перелётненькой птицьки-пташоцьки.
Не пошьлешь ты мнѣ, не напишошь
Скорописцятой мнѣ-ка грамотки
Ты на бѣленькой мнѣ-ка бумажоцьки.
Охъ те-те мнѣ тошно порато! [1])
Хоть не далёко у мня спрово̀жоны
Цёсны мои родители,
Хоть не за горами, не за лѣсами,
На мірскомъ-то большомъ кладбищи
Снесены и закопаны
Во матушку сыру́ землю—
Не далёшенько спроводи́ла.
Нападё мнѣ-ка, навали́тьце,
Я тогды схожу, розмыслю,
Схожу, дитя злоцясное,
Розмыцю, бѣдна, росплацю
Своё житьё бѣдно, позорно,
Я позорненько, горегорько.
Со тобой, моя восударына,
Я жила съ тобой, красоваласе,
Будто сыръ-то въ масли каталасе,
Будто ягодка жила, созрѣвала,
Будто морошинка розростала,
Будто брать была поспѣвала;
Какъ теперь я, бѣдна злоцясна,
Мурова-та трава подсохла,
Подсушона будто, подкошо̀на,
Бесъ тебя, моя жало́сьниця,

[1]) Порато—очень. *Собир.*

И шелкова-та подсиротала.
Бесъ тебя, моя восударына,
Натерплюсь, бѣдна, напримаюсь
Ото многи́хъ-то я людей добрыхъ
Паце-пушше я принимаюсе.
Не отъ вѣтру нѣтъ затулы [1]),
Отъ цяста́ дожжа обороны,
Натерплюсь я, напримаюсе
Бесъ тебя, моя жалосьниця,
Ото многи́хъ я людей добрыхъ.
Не зашшитоцьки буде, не затулы.
Кажна шшепиноцька тыцько́мъ стоитъ,
Кажна луципоцька утыкаитьце.
Какъ панесутъ люди добры,
Не заступить буде, не зало́жить
Грубо-браннаго за меня словецька;
Нехто не закинетъ, не заложитъ,
Не пожалѣтъ-то, не поболѣтъ по мнѣ.
Всё боли́тъ моя буйна го́лова,
Всё шшеми́тъ ретиво̀ сердецё,
Рознылось-то, розболѣлось,
У мня съ коньцёмъ-то роскололось
По тебѣ, моя восударына,
Не сжалѣпсьсе, не спахнѐсьсе
Не по ранному по утру,
Не по поздому по вецёру,
Не потуха́ въ зори вецерьней,
Не серёдоцька дня бѣлого.
Западутъ-то твои пути-дорожоцьки,
Занесётъ-то ваши слѣдоцьки
Ко мо̀ёму широку двору
Посьлѣ тебя, моя жало̀сьниця;
Ты не при́дёшь къ намъ, не прiѣдёшь.

№. 59.

(Обращенiе къ брату).

Ты верьба́ наша кудрёвата,
Кудрёвата ты, листовата,
Наливна-та сладка ягодка,[2])
Дорога̀-та скатна жемчюжинка,
Ты родимой, милой брателко,
Ты свѣшша моя воскуярова,
Ты звѣзда была по поднебесью!—
Теперь потухла, погасла.

---

[1]) Затула—покровъ, защита. *Собир.*
[2]) Иначе; «Ты наливной сладкой яблоцёкъ».

№. 60.

(Поется, когда покойника несутъ изъ церкви).

Вы попы-ти, отци духовны,
Вы прицетьницьки вы церьковны,
Вы попойте-тко-се побольше,
Подслужите-тко подольше,
Ужъ мнѣ дайте, бѣдной злоцясной,
Во запасъ ишше нагледѣтьце!
Закатаитьце у мня соньцё красно
При за крутѝ у мня горы высо́ки,
За тёмны́-ти лѣса дремуци;
Посяжа́тъ моё соньцё красно
Въ грозно си́не-то солоно́ морё;
Не обогрѣтъ-то меня болѣ, не освѣтитъ ужъ!
Зароютъ у мня, закопаютъ
Ужо красна моего солнышка
Во матушку во сыру́ земьлю,
Закладутъ зелены́мъ дерномъ.

№. 61.

(Плачь по сестрѣ, послѣ кото́рой остался мужъ или дѣти).

Родимая мила се́стриця!
На кого ты насъ оставила,
Ты свою да ладу милу,
Вѣнцѐльню да обруцѐльню,
И со маленькима со рожоныма сердечьнима!
Паце-пуше ты оставила,
Ты рожѐныхъ своихъ сердецьнихъ
Своихъ да малыхъ дѣточёкъ:
Наскитаютьце, бѣдны, позоря́тьце
По всему міру, по всему свѣту
Не обшиты они, не обмыты,
Не тряпо́сьни будутъ, висосьни;
Паце-пушше они находятьце
За спасёною за милостинкой,
Они холо́дны, бѣдны, голодны,
И нагохоньки, босохоньки!
Ты цёго у насъ убояласе,
Ты цёго, бѣдна, устра́шиласе?
Тебя облѣзла-то, обдолила,
Тя скуда̀-нужда велика.
Ужъ ты бросила бѣдныхъ, кинула
Ты своихъ да малыхъ дѣтоцёкъ;
Не запомнятъ тя, жалѐсьницю,
Не запомнятъ, а не узнаютъ,
Кака свѣтъ была государына,
Не здрасьтва узнаютъ, не доросьтва.

Замѣчанія къ напѣвамъ с. Нижней Золотицы.

При напѣвахъ, относящихся къ текстамъ Золотицкихъ стиховъ и пѣсенъ, обозначены тѣ-же нумера, что и при текстахъ. Номера нотныхъ записей, сдѣланныхъ при помощи фонографа, отмѣчены звѣздочкой. Но при этомъ необходимо пояснить, что слова, подписанныя подъ фонографическими записями, не всегда вполнѣ совпадаютъ съ соотвѣтственными текстами, напечатанными выше сполна. Это произошло оттого, что записи посредствомъ фонографа производились отдѣльно отъ записей полнаго текста, а при каждомъ новомъ повтореніи пѣсенъ, въ особенности былинъ, сказатели нерѣдко измѣняютъ подробности содержанія.

Нѣкоторые пѣвцы исполняютъ нѣсколько былинъ на одинаковые или очень близкіе между собою напѣвы. Поэтому къ нѣкоторымъ изъ напечатанныхъ здѣсь былинныхъ текстовъ не приложены отдѣльные напѣвы, какъ не представляющіе ничего важнаго въ сравненіи съ другими мелодіями того-же пѣвца.

Для причитаній, свадебныхъ и похоронныхъ, существуетъ въ Золотицѣ очень небольшое количество напѣвовъ, которыми они исполняются на разные случаи почти безъ всякихъ отличій, такъ что цѣлый рядъ напечатанныхъ здѣсь похоронныхъ причитаній исполняется на одинъ и тотъ-же мотивъ, приложенный къ №№ 58—61.

Что касается свадебныхъ причитаній, то они исполняются по два раза: одинъ разъ невѣстою—на одинъ мотивъ, а вслѣдъ затѣмъ другой разъ плачеями—на другой мотивъ. Разница между двумя приложенными напѣвами невѣсты объясняется тѣмъ, что первый (къ №№ 44—47) записанъ въ с. Нижней Зимней Золотицѣ, а второй (къ №№ 48—54) въ Верхней, причемъ въ послѣднемъ случаѣ осталось невыясненнымъ, существуетъ ли и въ Верхней Золотицѣ различіе между мотивомъ причитанія невѣсты и мотивомъ плачей, подобно Нижней Золотицѣ, или нѣтъ.

Къ сожалѣнію, нѣкоторыя записи, сдѣланныя фонографомъ, вышли недостаточно отчетливо, особенно при началѣ пѣнія, когда пѣвецъ еще не успѣлъ распѣться, или же вообще когда онъ пѣлъ слишкомъ тихо. Нѣкоторыя изъ такихъ неясныхъ мѣстъ возстановлены на основаніи дальнѣйшихъ повтореній мелодіи. Но надо замѣтить, что такое воспроизведеніе. быть можетъ, не всегда точно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, потому что начальные такты иногда представляютъ изъ себя запѣвъ, который дальше не повторяется. Кажется иной разъ, что пѣвецъ приступаетъ къ пѣнію, представляя себѣ только содержаніе «старины», а мелодію начинаетъ какъ бы подбирать, и затѣмъ уже во второмъ или третьемъ стихѣ она устанавливается въ нѣчто опредѣленное и повторяется, только слегка варьируясь.

Расширенія или сокращенія стиха въ нѣкоторыхъ былинахъ не даютъ мелодіи уложиться въ опредѣленную форму; эти измѣненія въ ритмикѣ мелодіи обозначены нотами, помѣщенными въ скобкахъ, или же варіантами, выписанными въ отдѣльную строку.

Раздѣленіе на такты, допущенное для большей части напѣвовъ, надо замѣтить, не всегда можетъ быть признано безспорнымъ въ виду той-же неустойчивости стиха: одна и та-же нота у сказателя являлась то сильно, то слабо акцентируемой. Исключеніемъ могутъ служить развѣ только стихи и старины Ѳ. Т. Пономарева-Почошкина и А. М. Крюковой, отличающіеся бо́льшей правильностью стихотворнаго размѣра.

Ноты средней высоты, не укладывавшіяся въ современную нотную систему, обозначены случайными знаками (♯ ♭ ♮) въ скобкахъ.

Двѣ звѣздочки передъ нотой обозначаютъ маленькое пониженіе звука (около $^1/_4$ тона) сравнительно съ звукомъ, выражаемымъ этой нотой въ общепринятой системѣ.

Одна звѣздочка, наоборотъ, обозначаетъ звукъ нѣсколько высшій, чѣмъ какой обыкновенно выражается этой нотою.

Скобки квадратныя [ ] означаютъ 1) расширеніе или сокращеніе напѣва въ зависимости отъ текста, 2) варіантъ напѣва.

Скобки полукруглыя ( ) заключаютъ въ себѣ тѣ мѣста напѣва или текста, запись которыхъ сомнительна (особенно въ началѣ фонографическихъ записей) и возстановлена приблизительно, большей частью на основаніи дальнѣйшихъ стиховъ.

Маленькія ноты означаютъ незначительные варіанты, а не двухголосіе въ мелодіи, каковаго въ золотицкихъ былинахъ не встрѣчалось.

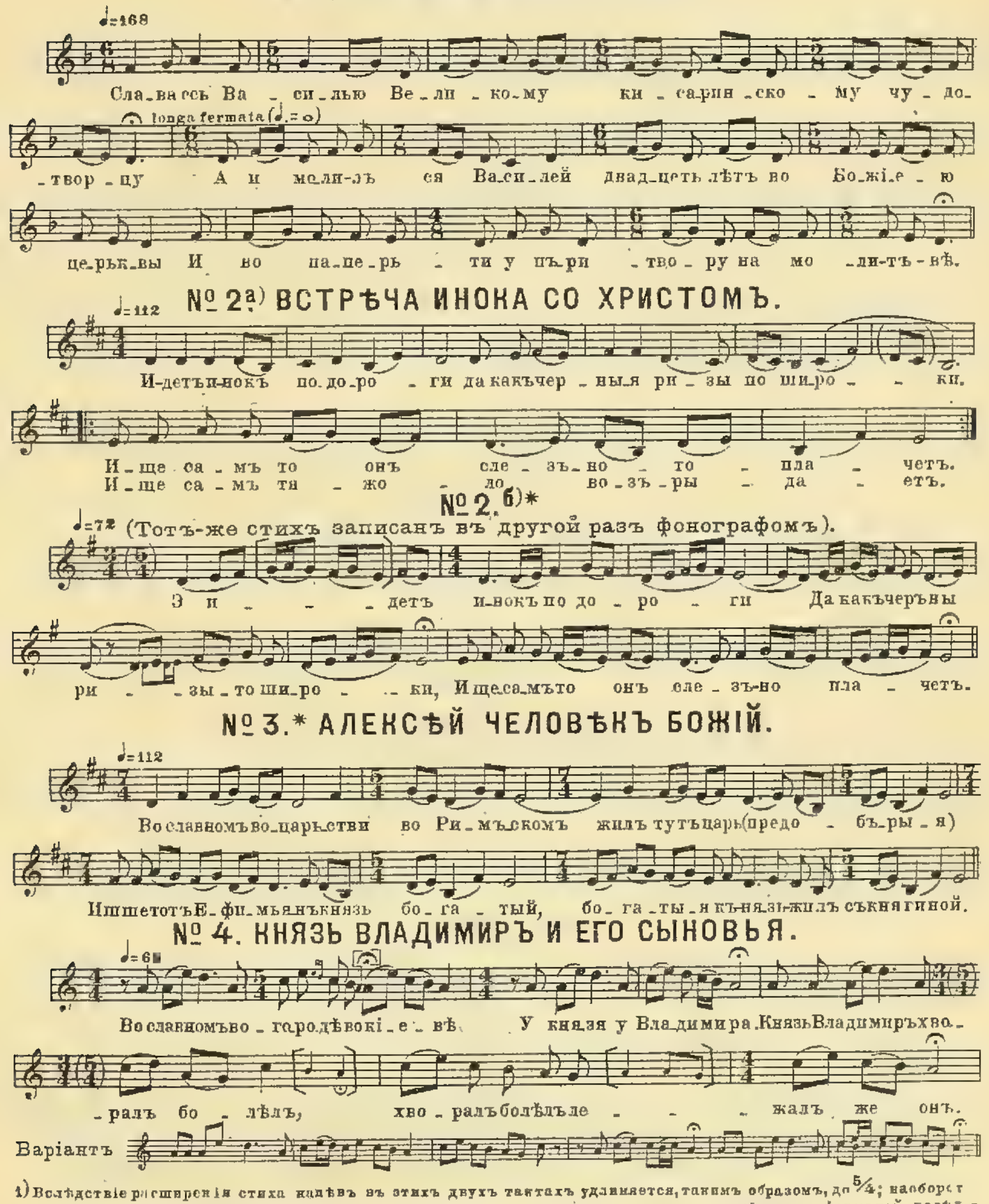
НАПѢВЫ С. ЗИМНЕЙ ЗОЛОТИЦЫ.

(Архангельской губ. Зимній берегъ. Бѣлаго моря.)

Къ матеріаламъ, собраннымъ А. Марковымъ, А. Масловымъ и А. Богословскимъ.

I. ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

№1.* ВАСИЛІЙ КЕСАРІЙСКІЙ.

1) Вслѣдствіе расширенія стиха напѣвъ въ этихъ двухъ тактахъ удлиняется, такимъ образомъ, до 5/4; наоборот во второмъ тактѣ сначала двѣ послѣднія четверти уничтожаются, а третья четверть дѣлается ферматой, вслѣдствіе сокращенія стиха.

№ 5.а)* СТРАШНЫЙ СУДЪ.

♩=96

По_мо _ рю мо_рю си _ не_му, Мо_рю си_не_му Хва_лын _ ско_ му,

riten.

Вы_бѣ_га _ ли от _ ту_да чер_ны ка_раб_ли; Что въ ко_раб_лахъ тѣхъ свя_ты ан _ ге_лы

На встрѣ_чу къ нимъ шелъ Самъ, Самъ И_сусъ Хрис_тосъ, Самъ И_сусъ Хрис_тосъ,

Царь не _ бе_сной свѣтъ, судья пра_вед-ной. От_ку _ ль ан_ге_ла и де _ те,

Гдѣ вы бы _ ли, све_ты? Бы _ ли мы _ Гос_по_ди на _ во_льнемъ свѣту,

мно _ го мы, Гос _ по _ ди, ви_дѣ_ли всего: бы _ ли мы, Гос _ по_ди, на_ ра_стовьяхъ.

№ 5.б)*

То-же („Голосъ мезéньской“.)

♩=96

По_мо _ рю, мо_рю си _ не _ му... На тѣхъ на карабляхъ свя_ты_е ан _ ге_лы

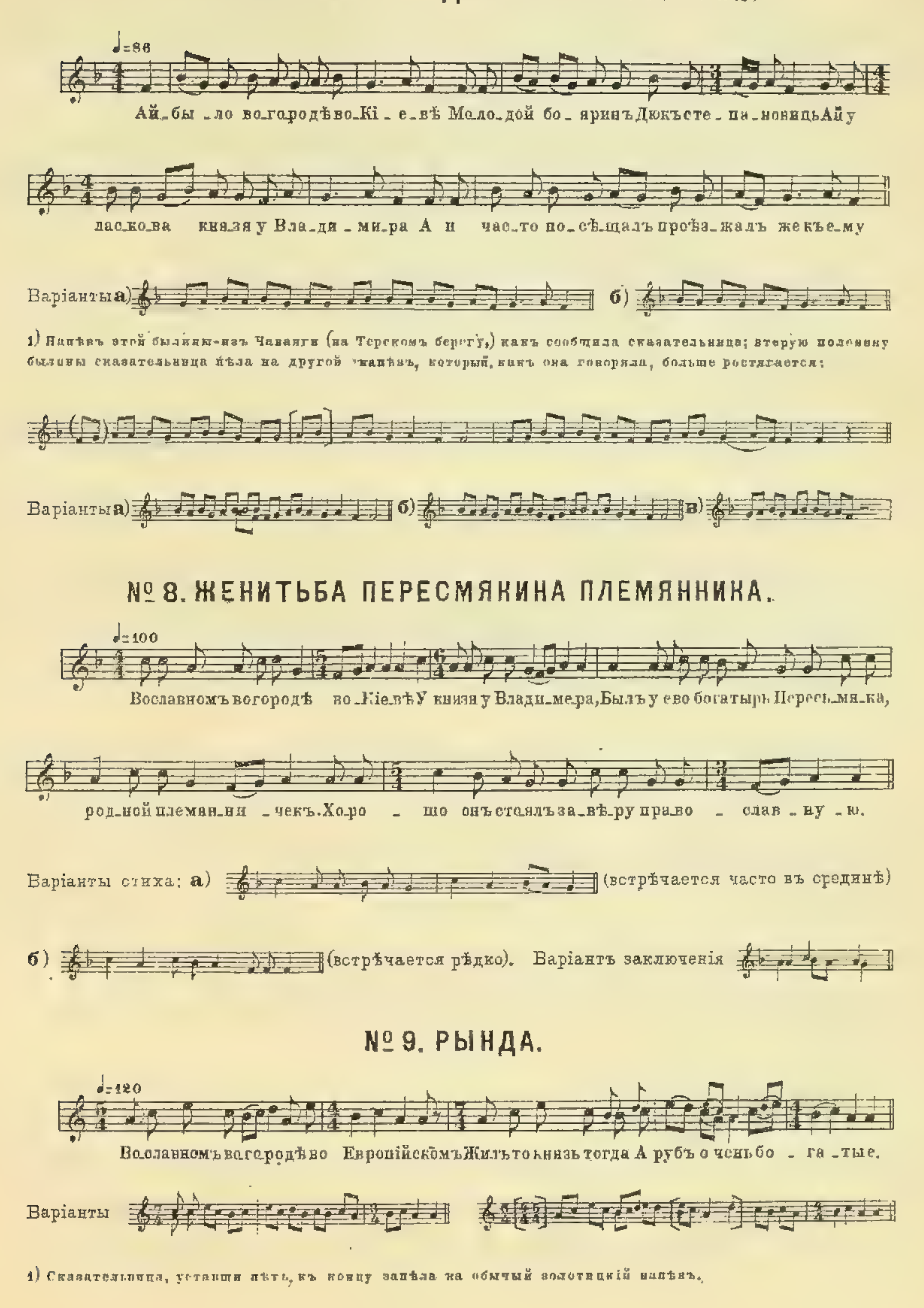
Варіантъ

II. БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

№ 6. АЛЕША ПОПОВИЧЪ УБИВАЕТЪ ТАТАРИНА.

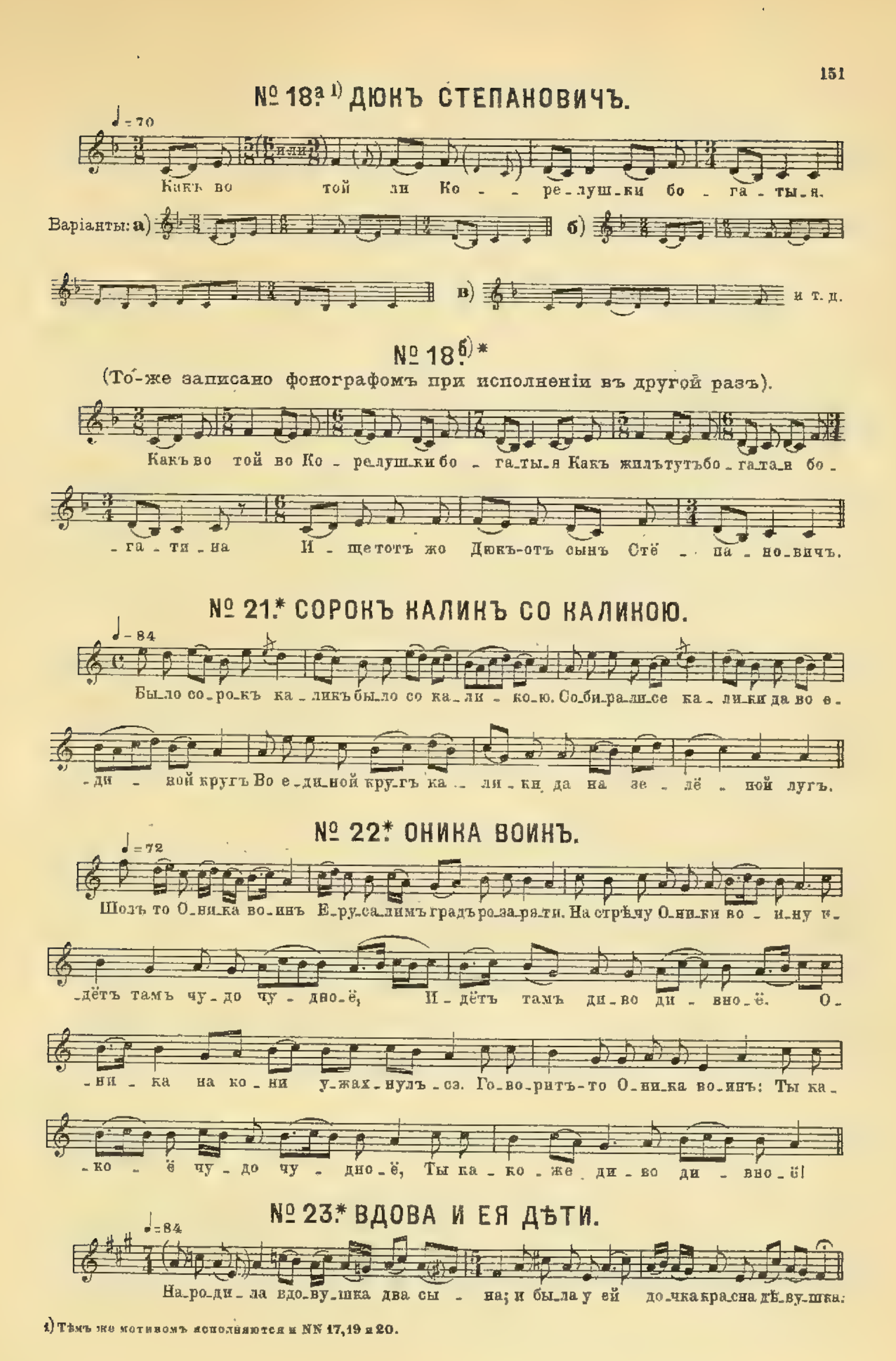
№ 7. ЖЕНИТЬБА ДЮКА СТЕПАНОВИЧА.[1])

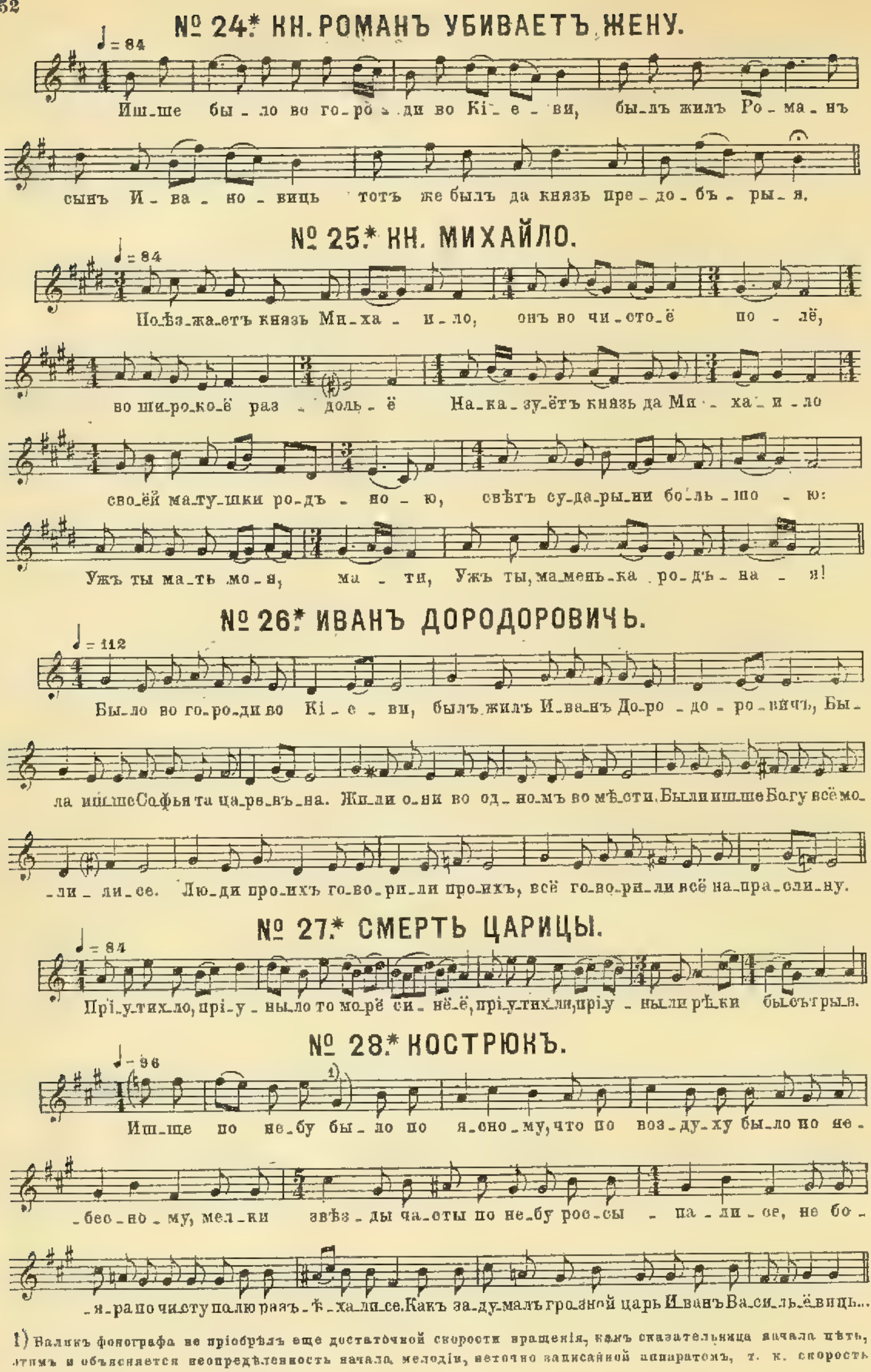
1) Напѣвъ этой былины—изъ Чаванги (на Терскомъ берегу,) какъ сообщила сказательница; вторую половину былины сказательница пѣла на другой напѣвъ, который, какъ она говорила, больше растягается:

1) Сказательница, уставши пѣть, къ концу запѣла на обычный золотицкій напѣвъ.

№ 11.* БОЙ ДОБРЫНИ СЪ ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМЪ.
♩=84
Какъ до сѣлева Ре - за-ньто да сло - бо - дой слы - ла, Ишше нонѣче Ре -
- за-нюшка сло-ве го - родомъ. Дай вотой ли во Ре - за-нюшки, во - го - ро-ди.
Для запѣва въ 1й разъ
№ 13.* ПОТЫКЪ.
♩=76
Э - Во - то-мъ-же во - го - ро - ди во Кі - е - ви
со-би-ра-ит-це дру - жи - нушка, со - бру - ня - ит - це.
№ 14.* ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТСЯ ЗА ПЛЕМЯННИЦУ КН. ВЛАДИМИРА.
♩=168
А изъ - за Ка-рьско-го изъ-за А - ра - пь-ско-го при-хо-ди-ло
три ка - рабля три че - рь-ля-ны, При-хо-ди-лъ-де - по-га - но-е * И до - *лиш шо
Дальше повторяется почти точно запѣвъ, заключенный въ репризахъ.
№ 15. ЧУРИЛО И НЕВѢРНАЯ ЖЕНА.
♩=66
А и на-тотъ-же празь-никъ- о-тъ на - вѣш - ні - я,
А и на-нёш - ні - я пра-зь-ни - чекъ, на-Тро - и-цу.
Варіантъ.
№ 16. ДУНАЙ (ВАСИЛІЙ КАЗИМИРОВИЧЪ.)
♩=112
Да какъ у лас-ко-ва у кня - зя у Вла - ди - ме-ра
за - во - ди-лось пи-ро - ва-нь-и-цё, по - чес - тёнъ пиръ.
Варіантъ.

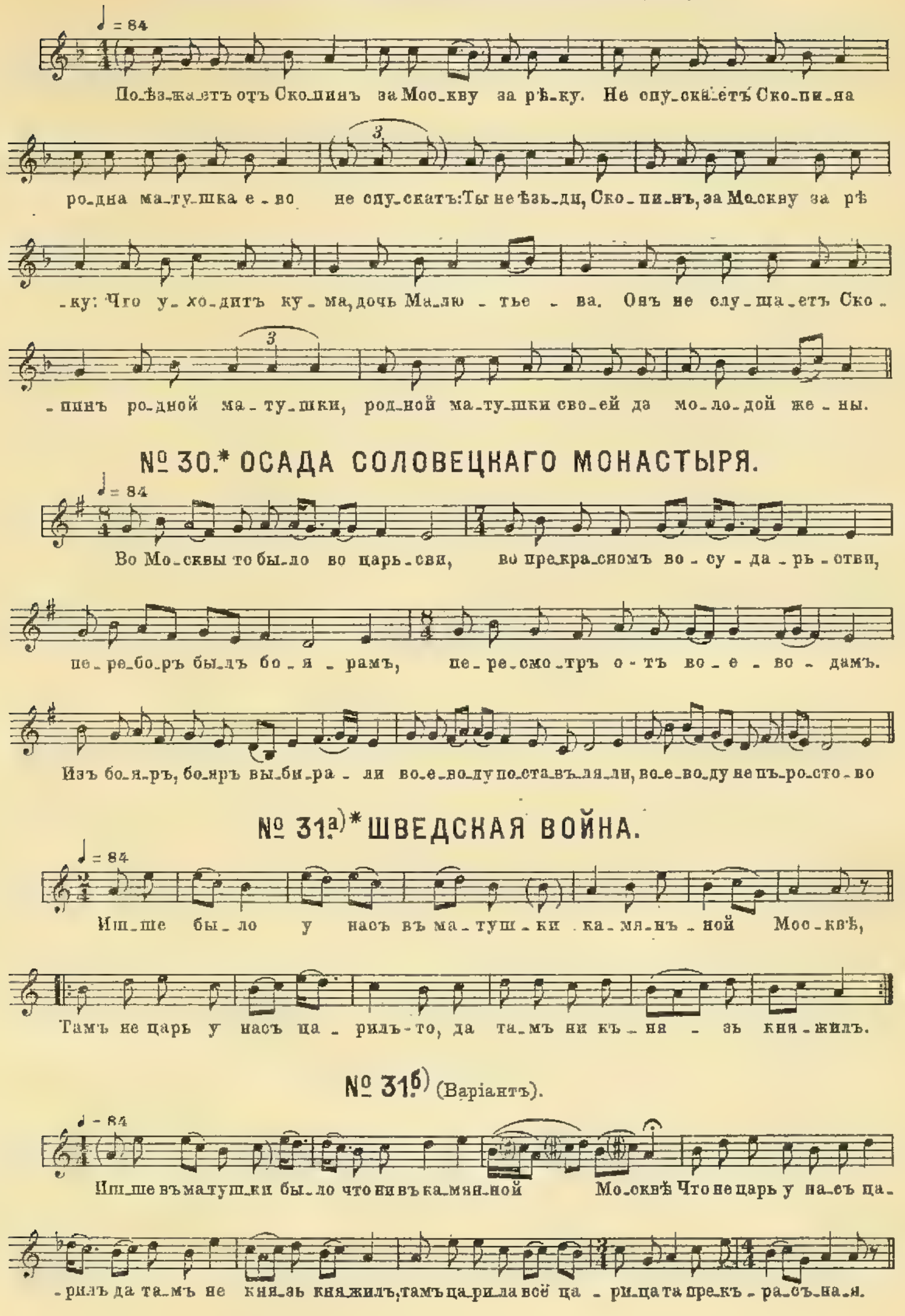

1) Тѣмъ же мотивомъ исполняются и NN 17, 19 и 20.

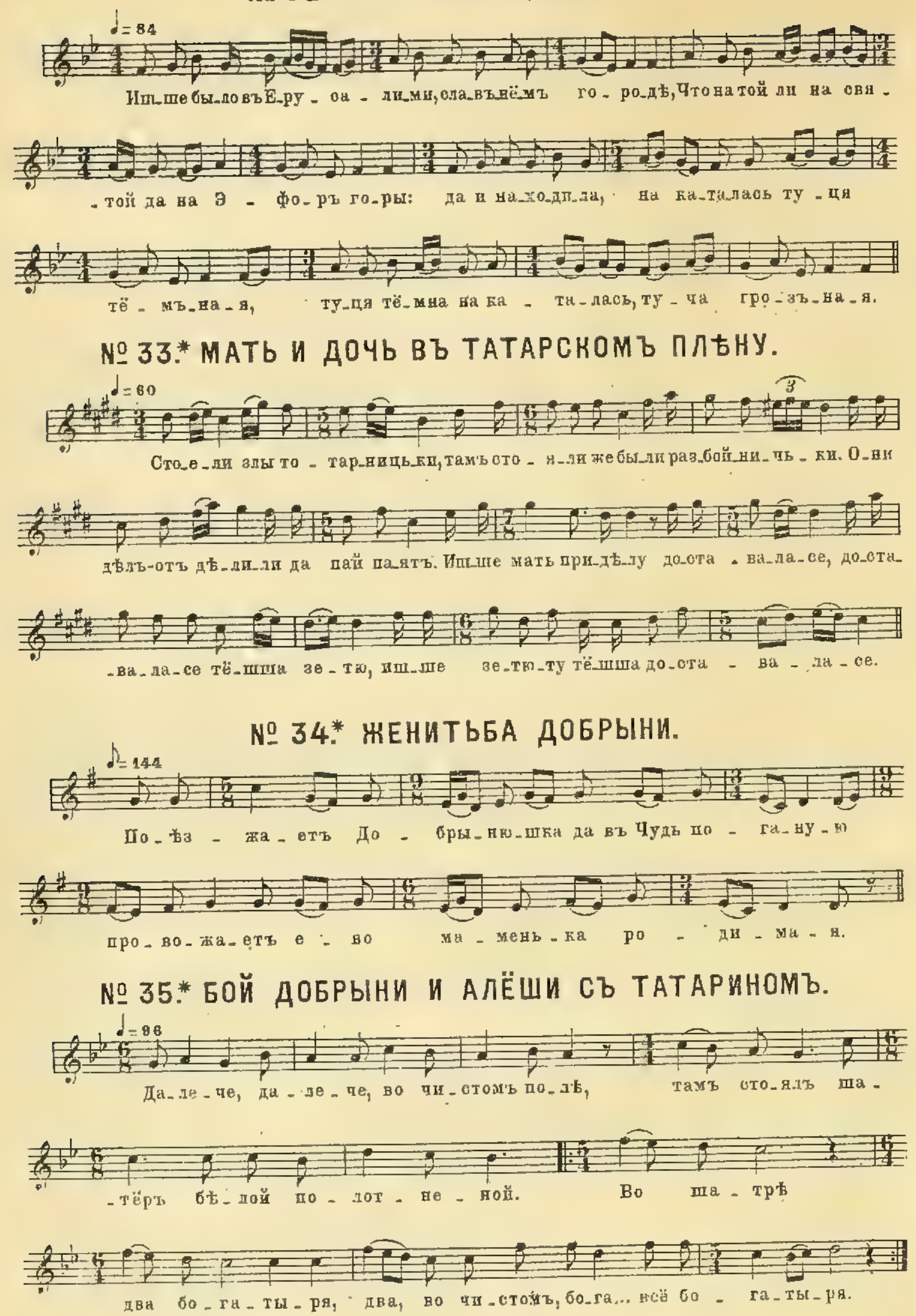

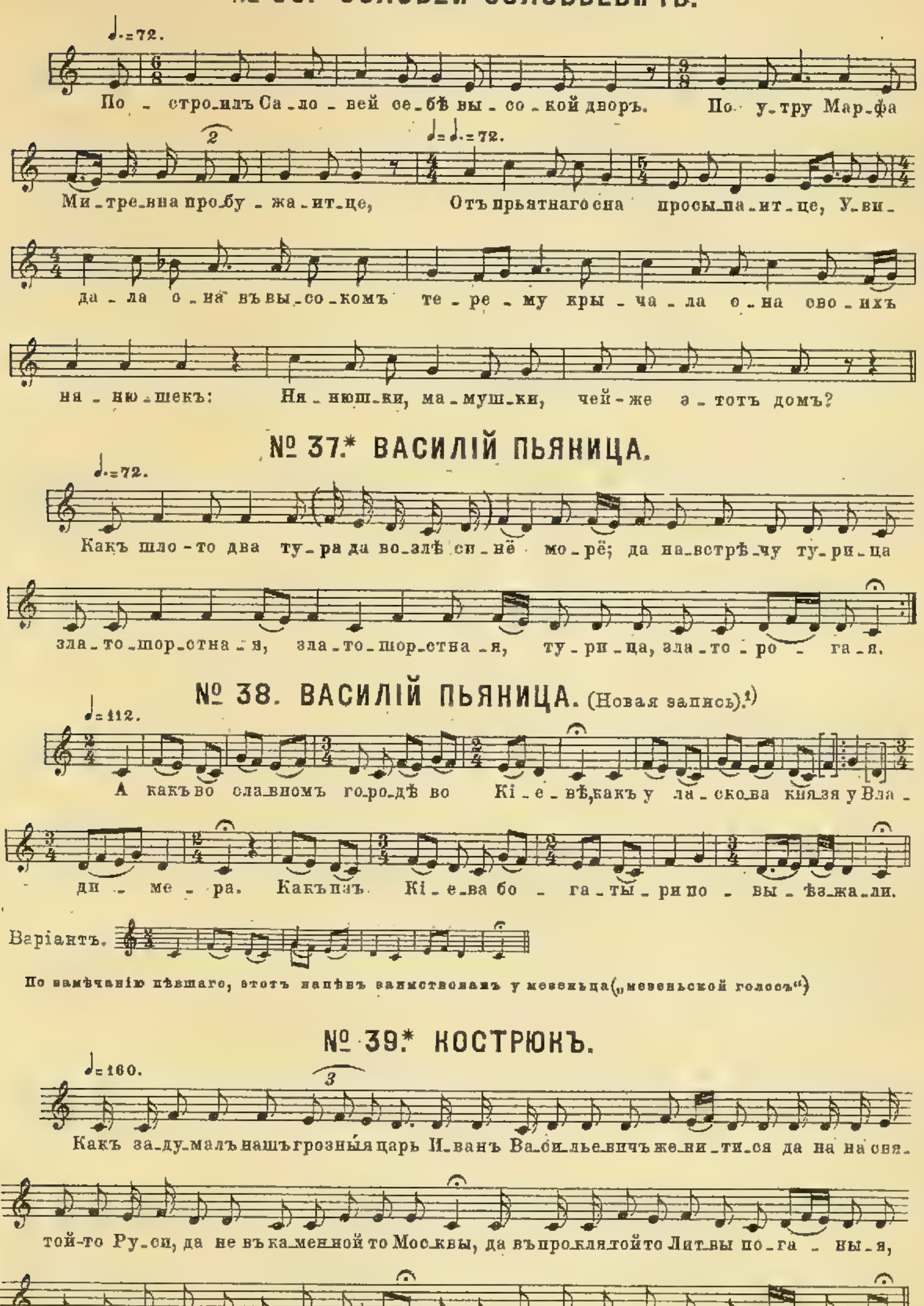
1) Валикъ фонографа не пріобрѣлъ еще достаточной скорости вращенія, какъ сказательница начала пѣть, этимъ и объясняется неопредѣленность начала мелодіи, неточно записанной аппаратомъ, т. к. скорость вращенія оказываетъ вліяніе на высоту звука.

№ 29.* СМЕРТЬ МИХАЙЛА СКОПИНА.

№ 32.* ГОЛУБИНАЯ КНИГА.

№ 36.* СОЛОВЕЙ СОЛОВЬЕВИЧЪ.
♩.=72.
По - стро_илъ Са_ло - вей се_бѣ вы - со - кой дворъ. По_ у_тру Мар_фа
Ми_тре_вна про_бу - жа_ит_це, Отъ прьятнаго сна просы_па_ит_це, У_ви_
да - ла о - на въ вы_со_комъ те - ре - му кры - ча - ла о - на сво - ихъ
на - ню - шекъ: Ня - нюш_ки, ма - муш_ки, чей - же э - тотъ домъ?
№ 37.* ВАСИЛІЙ ПЬЯНИЦА.
♩.=72.
Какъ шло-то два ту - ра да во_злѣ си_нё мо_рё; да на_встрѣ_чу ту_ри_ца
зла_то_шор_стна - я, зла_то_шор_стна - я, ту - ри - ца, зла - то - ро - га_я.
№ 38. ВАСИЛІЙ ПЬЯНИЦА. (Новая запись).[1]
♩=112.
А какъ во сла_вномъ го_ро_дѣ во Кі - е - вѣ, какъ у ла - ско_ва князя у Вла -
ди - ме - ра. Какъ изъ Кі - е_ва бо - га_ты - ри по - вы - ѣз_жа_ли.
Варіантъ.
По замѣчанію пѣвшаго, этотъ напѣвъ заимствованъ у мезенъца („мезеньской голосъ")
№ 39.* КОСТРЮКЪ.
♩=160.
Какъ за_ду_малъ нашъ грозныя царь И_ванъ Ва_си_лье_вичъ же_ни_ти_ся да на на свя-
той-то Ру_си, да не въ ка_мен_ной то Мос_квы, да въ про_клятой то Лит_вы по_га - ны_я,
да Не_брю_ка на_род_ной се - стры, да на той - то на Ма_рьи Тем_рю - ков_ны.

№ 40.* САДКО.

А какъ хва_лит_це Сот - ко, да по - хва_ля_ит - це Сот - ко во_и - ни гра-
ди то - ва - ры всѣ по_вы - ку - пить да на чер_ля - ны на ка - ра_бь-
ли по_вы - ста - вить. Да по - шо_лъ Со - тъ - ко да на двѣ_над_це_ти
ка - раб_лей, Да по перь_вой день то - ва - ры всѣ по_вы - ку - пилъ
Да на чер_ля - ны на ка - ра_бь - ли по - вы - ста - вилъ.

№ 41.* НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЁШИ.

Ай у лас - ко - ва кня_зя та у Вла - ди - ме_ра
За - во - ди_лось пи_ро - ва_нь_и_цё, по - - че - сёнъ пиръ.

№ 42.* НЕБЫЛИЦА.

Ста - ри - на - та ска - зать да ста - ри_ка свя_зать,
Ста - ри_ка - та свя - зать да со ста_ру - хо - ю.

III. ОБРЯДОВАЯ ПѢСНЯ.

№ 43.a)* ЗДУНАЙ. (Напѣвъ Ѳ. Т. Пономарева).

Взду - най! Да штотридцатойотъ ка_рабьи на пе_рёдъ всихъ за_бѣ_га - лъ А
- Взду - най! Да на пе_рё_дъ вы_бѣ - га - етъ, какъ со_ко_лъ за - ле - талъ.
№ 43.б)* ТО-ЖЕ (напѣвъ Г. Л. Крюкова)
(riten.)
А трид_ца_той-отъ ка_рабь да на_пе_рёдъ за_бѣ_галъ да. И зду - най!
На_пе_редь-то за_бѣ_галъ да, какъ со_ко_лъ за_ле_талъ да. И зду_най -
-най да. Боль_ши хо_бо_ты ме - чётъ змѣ_и - - ны - я да. И зду - най!
IV. СВАДЕБНЫЯ ПРИЧИТАНІЯ.
Къ №№ 44-47. (Напѣвъ невѣсты).
И по_смо_трю я ди - тя кру_чи.... ин - - - но,
и я на вси чё - ты - - - - - - ре сто....
Къ №№ 44-47. (Напѣвъ плачей).
Бла_го_сло_ви ме_ня сонь_цё крас... ты крес_томъ-то жи_во_тво_ряш...
Варіантъ
Къ №№ 48-54.* (Напѣвъ невѣсты).
Бла - сло - - - ви, мо - ё да сонь - цё къ - рас...
во пе - - - - - рьво - й - о - тъ да разъ... - - - - - - - - -
V. ПОХОРОННЫЯ ПРИЧИТАНІЯ.
Къ №№ 58-61.*
Ты же_лан_но - ё сонь_цё крас.. На ко - го ты ме - ня ос - та.....
На ко_го_же ме_ня сно_ки..... Вы цё_ны мо_и ро_ди..... вси сер_дець_нень_ки до_бро_хо........

КНИГИ ТѢХЪ ЖЕ АВТОРОВЪ:

А. Масловъ. Калики перехожіе на Руси и ихъ напѣвы. Историч. справка и мелодико-техническій анализъ. С.-П. 1905. Ц. 50 коп.

А. Марковъ. Бѣломорскія былины. М. 1901. Ц. 2 р. 50 коп.

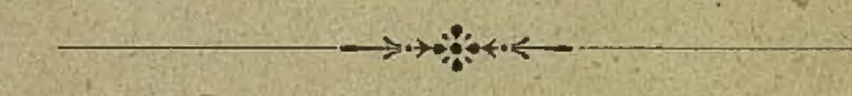
Его же. Бытовыя черты русскихъ былинъ. М. 1904. Ц. 1 р.

Его же. Изъ исторіи русскаго былевого эпоса, вып. I. М. 1905. Ц. 50 к.

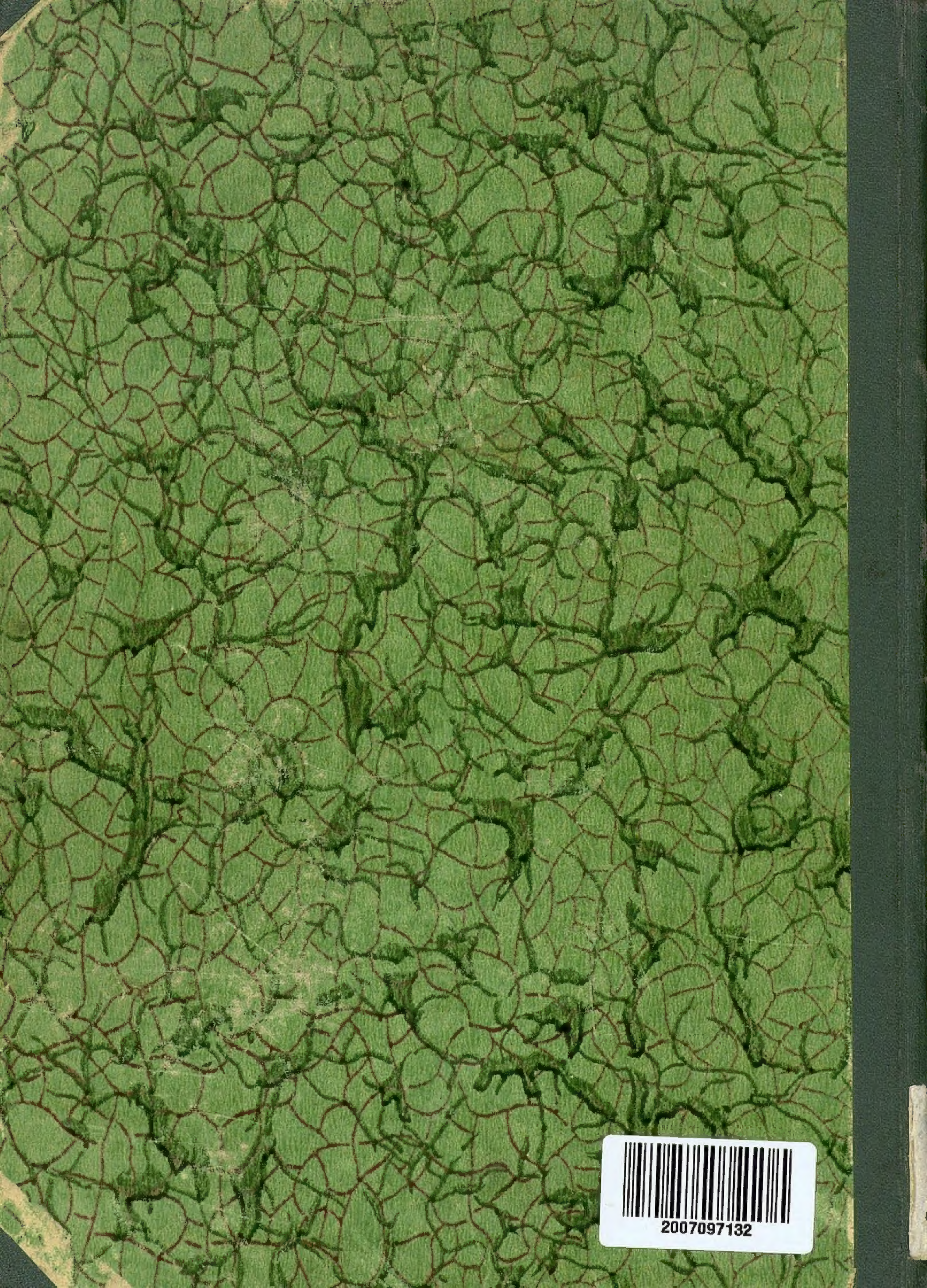
Его же. Что такое Овсень? М. 1905. Ц. 20 коп.

Масловъ и Ильинскій. Стихи, старины и пѣсни. Ч. I. Великорусскія пѣсни для одного голоса съ сопровожд. фортепіано. М. 1905. Ц. 75 коп.

А. Масловъ. Общедоступная первоначальная нотная азбука. М. 1906. Ц. 25 коп.

Цѣна 2 руб.

2007097132